

ПЕТР СОСНОВСКИЙ

1984

(коленкоровая тетрадь)

18+

Петр Сосновский

1984 (коленкоровая тетрадь)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70307902

SelfPub; 2024

Аннотация

Жена Семена, молодого перспективного инженера, Мария не была даже беременна. Они жили в Москве в пятиэтажке напротив корпусов большого машиностроительного завода, занимали большую комнату в коммунальной квартире. Молодая семья стояла в заводской очереди на получение отдельной жилплощади в новом доме. Этот дом был построен и сдан в 1984 году. (Отсюда название книги.) Заселение в него происходило после Нового года. Семен и Мария, оглядев свою двухкомнатную квартиру, были довольны. Они, переехав в новое жилье, познакомились со многими жильцами и приобрели хороших друзей, а еще жена Семена неожиданно в этом же году родила дочку. Название книги перекликается с произведением английского писателя Джорджа Оруэлла, но, как известно, оно было дано издателем, он бы свою книгу назвал иначе, например: «За тобой смотрит старший брат» или еще как-то. Что я хочу сказать? В моем романе тоже есть фантастические главы, достаточно в нем и магии. Для этого его необходимо просто прочитать.

Содержание

Глава 2	32
Глава 3	44
Глава 4	58
Глава 5	78
Глава 6	112
Глава 7	122
Глава 8	143
Глава 9	162
Глава 10	176
Глава 11	206

Петр Сосновский

1984 (коленкоровая тетрадь)

Глава 1

«Семеро по лавкам у нас не сидело». Моя жена Мария не была даже беременна. Мы жили в Москве в пятиэтажке напротив, раскинувшихся корпусов машиностроительного завода. По меркам того времени он был огромным, а еще главным предприятием в состав которого входил: один завод в Курске и другой — в Саратове. В нашем объединении тогда работало, не меньше двадцати тысяч человек. Это у нас, его работников, вызывало чувство гордости.

От завода наш жилой квартал отделяла широкая защитная полоса из кленов, лип, тополей и других деревьев, не считая по периметру всяких там зарослей кустарников. Все было огорожено литой из чугуна невысокой черной декоративной решеткой. Среди этой зеленой массы на небольшой площадке напротив заводоуправления стоял гранитный памятник, скорбящей Матери, потерявшей в Великую отечественную войну своих сыновей. От нее по обе стороны на массивных плитах были начертаны золотом списки, не вернувшихся домой солдат. Это были бывшие работники завода, героически защищавшие нашу страну от фашиствующей

Европы.

Нам, в коммунальной квартире была предоставлена большая просторная комната. Мария, когда мы однажды затащили не в один заход все свои вещи и поставили их у порога, окинув взглядом пустое пространство, замкнутое стенами со свеж наклеенными обоями и крашенными полами, не удержалась и тут же воскликнула:

— А где мы с тобой будем спать? А как мне делать уроки? Здесь нет даже обычного письменного стола! — Мария на тот момент была студенткой, и ее переживания мне были понятны.

— А бабушкина перина зачем? — спросил я: — А пол? — Да здесь более двадцати квадратных метров, — затем, сделав небольшую паузу, тут же успокоил Марию: — Мы сейчас же с тобой пойдем в мебельный магазин, — он в двух остановках от дома, — все купим и завезем.

Делать покупки вместе было интересно. Они успокоили жену, и она с удовольствием ходила по магазину. Мы тогда, взяли диван-кровать — полуторку, очень удобный, — в него можно было прятать постель, — и стол. Им мы и сейчас пользуемся, лишь поменяли фурнитуру. Холодильник купили позже, некоторое время нас устраивал старый производства завода ЗИЛ, оставленный прежними жильцами. Он работал без отключения, оттого много расходовал электроэнергии.

На тот момент нас жилье устраивало. Мы ему были неско-

занно рады и не сразу поняли подвох. Он заключался в трудностях получения в будущем бесплатной квартиры. Имея комнату размером более двадцати квадратных метров, нам нужно было постараться и родить минимум двоих детей, а то и больше.

А еще в этой жилплощади хватало неудобств: во время дождей место похожее на застекленную лоджию, когда-то очень шикарное, начинало вдруг сочиться, а затем просто потоками изливает с потолка воду. Мы подставляли все, что находили под рукой, собирая ее и таская в туалет. А еще нам приходилось делить санузел и кухню с соседями: пожилой дебелой женщиной Таисией Яковлевной, почти пенсионеркой и молодым парнем Сергеем, постоянно хваставшим, что он столичный житель — приехал из Риги, а не из какого-то там среднерусского захолустья. Возможно, он это говорил для того, чтобы показать нам «новеньким» — мне и моей жене Марии значимость своего происхождения.

А мы? Мы на тот момент были его не достойны. То, что он так считал, мне стало ясно, когда парень однажды поцапался с пожилой женщиной и, попытавшись ее унижить, с яростью выкрикнул:

— Ты, ты, не из столицы, — затем, наморщив лоб, будто вспомнив, довольный собой, продолжил: — Ты, из Гусь-Хрустального, вот собирай свои манатки и живо вставай на крыло, — на дворе тогда стояла зима, — шуруй туда, где все твое стадо, к себе .... Гуси-то давно уже улетели.

— Да-а-а, сейчас же. Взяла и полетела. Жди! — неторопливо, чинно наступая на него, изрыгнула Таисия Яковлевна: — Я вначале, у тебя эти как там — крылья, тьфу ты, ручки повыдергиваю, а, чтобы ты знал свое место, надеру нахалу, как следует, хорошенько хвост. А уж потом, посмотрим.

До меня долетали и другие нелюбезные слова этой «парочки», но я, появившись как-то в коридоре, вмешиваться в спор не стал, не счел нужным: женщина и без моего участия лихо отбивала все атаки завравшегося парня. А еще ни к чему это было. Мы не собирались жить долго в стенах этого здания, разваливающегося от старости и непогоды, построенного в двадцатые годы в одно время с заводом. Я тогда входил в категорию молодых специалистов, трудился старшим инженером, стоял первым в очереди на получение отдельной жилплощади и рассчитывал через год-другой въехать в новую квартиру.

Что примечательно? Эта «двойня» бок о бок проживала не один год, и мне не представило труда догадаться, что вздорят они так давно. Это был их стиль общения. Я понимал, вызывать «огонь на себя», не стоило, распри нам были ни к чему. Дружбу мы свою никому из них не навязывали. Хотя однажды праздник, возможно, это был международный женский день, мы встретили вместе, инициатором явилась соседка Таисия Яковлевна. У нее тогда за столом оказались не только я и Мария, но и Сергей, а также, приехавший изда- лека в гости ее брат, — летчик гражданкой авиации, комис-

сованный по состоянию здоровья — болезни сердца, на тот момент разведенный. Не знаю, случайно или же по распоряжению хозяйки, во время торжества рядом возле него оказалась и молодая, — лет тридцати, — пышнотелая женщина, — подруга нашей соседки, приглашенная в гости из квартиры этажом выше. Имени ее я уже не помню. Она посматривала на летчика. У этой женщины не было мужа, зато она имела двоих малолетних детей — трудноуправляемых мальчуганов. Заключив с летчиком брак, женщина могла претендовать на отдельную квартиру, а наша соседка Таисия Яковлевна — на родственную душу — брата под боком, готового в случае необходимости всегда прийти ей на помощь.

Я и моя жена чтобы не мельтешить перед глазами у соседей и не быть случайными свидетелями их «кухонных баталий», дома не сидели. Да и что в нем сидеть? Телевизора у нас не было. Мы специально его не покупали. Таисия Яковлевна приглашала нас на ту или иную передачу, но мы отнекивались и все свободное от работы время проводили в городе. Это было вызвано тем, что Мария была привезена мной в Москву из провинции. Однажды, я ездил на свадьбу к своей сестре, забравшейся после окончания техникума по распределению молодых специалистов в Сибирь и там, на шумном гулянии, познакомился с девушкой. Через год я на Марии женился. Забрать ее сразу в Москву я не мог, лишь после того когда утряс все свои дела. Отправившись за женой в Кемерово, я столкнулся с ее подругой детства, считавшей себя

настоящей москвичкой, — ее отец был родом из столицы, — она мечтала однажды в ней жить, узнав о неожиданном отъезде Марии, не удержалась и, с шумом всплеснув руками, с обидой вдруг выкрикнула:

– Ничего себе, посмотрите на нее. Она едет жить в мою Москву! А я, что должна прозябать всю жизнь здесь в небольшом сибирском городке?

На что моя жена тут же ей ответила:

– Да-а-а! Я еду. Но ты особенно не переживай, можешь в будущем приезжать ко мне в гости — в свою Москву. Я думаю, муж возражать не будет. Хотя ты и москвичка, точнее «москвачка», но ни разу в ней не была и о городе ничего не знаешь лишь только слышала от отца... Да, что еще? Не торопись сразу же после нашего отъезда забираться в самолет или в поезд, повремени, дай мне немного пообвыкнуться, а то я ведь тоже города не знаю, — и Мария, улыбнувшись, хитро посмотрела на меня.

Я не забыл слова жены и для того, чтобы она быстрее освоилась и почувствовала себя комфортно в столице, а в будущем и могла выполнить обещание данное подруге, учил ее разбираться в переплетениях веток «метро». Для Москвы — это главное. Автобусы, троллейбусы, трамваи всего лишь дополнение в транспортных коллизиях.

Азы Мария постигала на практике, спустившись на эскалаторе вниз — под землю. Я показывал ей схему метро и объяснял, как добраться до Красной площади, Кремля,

Александровского сада, Манежа, Большого театра, Третьяковской галереи, музея изобразительных искусств и других известных культурных памятников столицы. При этом я рассказывал, где лучше сделать пересадку с одной линии на другую.

Прошло время, и я, отправляясь в очередную командировку, был за нее спокоен: не заблудиться — дорогу домой найдет.

Что интересно, я ведь тоже не был москвичом и мне в свое время разобраться в этом самом метро помог случайно встреченный мной при трудоустройстве на завод в отделе кадров парень по фамилии — Пушкин. Я вначале не поверил ему и отчего-то тут же высказал свое удивление:

– Да, ну? Наверное, еще и стихи пишешь? Про Евгения Онегина не ты написал? Я читал!

– Нет, написал не я, — с усмешкой сказал мне тогда парень и продолжил: — Я стихов не пишу! — А затем неожиданно показал мне свой паспорт. Он, как и я приходил устраиваться и на тот момент, после посещения отдела кадров, все еще держал его в руках. Парень сказал правду, не соврал.

Прошло много лет. В памяти осталась одна фамилия. Я уже не помню, как его звали. Чем черт не шутит, может и Александром Сергеевичем. На то время такие совпадения были модными. Я, например, служил в армии с Брежневым — женатым мужчиной. Он был водителем, на рождение сына ездил в отпуск и, возвратившись тихо с гордостью нам

всем на ушко сообщил: «Любите и жалуйте, в СССР на свет явился еще один «Дорогой Леонид Ильич».

В столицу, я приехал к тетке, отслужив два года в армии, в декабре месяце, недели за две до Нового года: было желание немного поработать, осмотреться, а затем по лету поступить в институт.

Для поиска работы я мотался по предприятиям, искал подходящее для себя занятие. Что тогда было важно? Это прописка. Остаться надолго в столице, я тогда не мог даже у родственницы. Мне требовался штамп в паспорте, без него — никуда. Я искал предприятие с общежитием.

Этот самый Пушкин, узнав, что я еще в городе нигде толком не был, тут же вызвался после подачи мной документов на завод, показать мне Красную площадь. Я загорелся, и мы отправились вначале на троллейбусе, а затем на метро. Добравшись до станции: «Площадь революции» мы перешли на станцию «Площадь Свердлова» — была такая и вышли, поднявшись на эскалаторе в город. Затем, разговаривая, неторопливо, пешком прогулялись по центральным улицам и площадям. Я тогда увидел многое и не только Красную площадь, мавзолей Ленина, но и Кремль, собор Покрова, рядом — известную церквушку Василия Блаженного, памятник гражданину Минину и князю Пожарскому, а еще мы прошли по Александровскому саду.

Пушкин, может даже Александр Сергеевич здорово мне тогда помог, я был ему несказанно благодарен. Он, любил

свой город, хорошо знал его и, проведя для меня небольшую ознакомительную экскурсию, заставил еще приобрести в справочной будке и брошюрку с подробным планом станций метро, — были тогда такие, — а еще научил ею пользоваться.

На следующий год я, напруг все свои силы успешно сдал вступительные экзамены в институт, а еще, не забыв слова Пушкина, что столица «затягивает», увольняться с завода не стал и отправился учиться на вечернее отделение, хотя на дневном — мне было бы намного легче.

Это обстоятельство после позволило мне остаться в столице, не пришлось, подобно сестре, отправляться в Сибирь или же еще куда-нибудь «к черту на кулички». На заводе, еще до получения диплома начальство предложило мне место инженера. Я, прижившись в столице, заразил этим вирусом любви и Марию. Мне, как нам не было тяжело, ни разу не пришлось услышать от нее что-то подобное: «Давай уедем». И думаю, такое терпение не в пику подруге «москвичке».

О странном знакомстве с Пушкиным, я напрочь забыл и лишь после, когда стал серьезно заниматься писательством, неожиданно вспомнил. Ничего себе, мелькнуло у меня в голове, может это все неслучайно? Правда, я не Гоголь, я его не искал, мой Пушкин на меня вышел сам. А еще он не был ни поэтом, ни писателем. Просто один из множества однофамильцев великих людей России.

Мои поездки с Марией в город довольно частые не толь-

ко в выходные дни, но и в будни продолжались недолго, скоро нас отвлекло строительство нашего семнадцатипятиэтажного трех подъездного дома. Наверное, через полгода, — я стал ездить с женой на место его возведения. Дом этот был кооперативным, то есть сооружался с привлечением средств, нуждающихся в жилье, семей. Я вступил в это сообщество, будучи еще парнем, то есть с меня тогда, как и со всех не женатых молодых людей, брали особый налог за бездетность. Администрация завода мне на то время могла дать лишь только однокомнатную квартиру и то благодаря тому, что я для завода представлял интерес. Попасть в список, людей нуждавшихся в жилье, мне было непросто. Для этого следовало собрать соответствующие документы, а еще получить от трудового коллектива ходатайство. Я соответствовал всем нужным требованиям. Не зря же меня после того, когда я, побывав в Загсе надел на безымянный палец золотое кольцо, тут же выписали из общежития и выделили в заводском доме комнату, а еще позволили переписать заявление на получение двухкомнатной квартиры. Это с учетом увеличения в будущем семьи, например, рождения сына или же дочери. Я, конечно, женившись, хотел получить трехкомнатную, правда, для этого нужна была хотя бы справка из поликлиники о беременности жены. Но, ее не было, и получить эту самую бумажку просто так было невозможно.

На первый взнос за однокомнатную квартиру я деньги заработал лично, а вот при изменившихся обстоятельствах,

— желании приобрести двухкомнатную, — мне недостающую сумму дали мои родители и родители жены. Она была небольшой. Однако главное это участие двух сторон.

Основная масса нуждающихся семей получала квартиры бесплатно, но для этого необходимо было, подав заявление и другие нужные бумаги, лет восемь «отстоять в очереди». Например, пышнотелая соседка — подруга Таисии Яковлевны даже при наличии двоих детей не имела права на квартиру, так как жилплощадь у нее по квадратным метрам — соответствовала нормам. Лишь замужество женщины могло изменить ее положение. Я, однажды случайно встретившись с Таисией Яковлевной, на одном из шумных рынков девяностых годов, узнал, что та времени зря не теряла и своего добилась.

— Ей, получить трехкомнатную квартиру помог мой брат! — выкрикнула с жаром бывшая соседка: — Если бы не он, то ждать ей, пождать до скончания века. — Тут Таисия Яковлевна оказалась права: жилой квартал напротив завода и дом, в котором мы тогда жили, начали рушить лишь лет через пятнадцать при строительстве новой ветки метро. Я, как-то с Марией ездил туда. Мы правильно сделали, что не стали испытывать судьбу и вовремя озаботились покупкой кооперативной квартиры, это позволило нам решить проблему жилья в течение двух лет.

Я помню, как нам вначале показали место, выделенное под строительство нашего дома. Месяца два-три мы «лице-

зрели» большой деревянный барак, затем жильцов из него выселили и строение развалили. «Любоваться» нагромождением бревен, досок и другого мусора было неприятно, в голову лезли мысли, что возможно, когда-то в этом бараке могла жить моя мать, когда девушкой после войны работала на литейно-механическом заводе. Он находился недалеко от нашего будущего дома. Но однажды о том, заикнувшись, я узнал от Марии, что был не прав, родительница, бывая в Москве, и прогуливаясь с нею и детьми, показывала моей жене старое пятиэтажное из красного кирпича здание.

Оно цело до сих пор. В настоящее время, я, отправляясь к станции метро пешком, всегда прохожу мимо него и вижу в проемах светящихся окон тени людей. Здание, как и раньше, используется под общежитие. Только теперь им литейно-механический завод уже не владеет. Он закрыт. На его гектарах идет мощное строительство: воздвигают многоэтажные дома. В одном из них с семьей будет жить моя дочь. Они уже оплатили первый взнос по ипотеке и ждут заселения. Время не стоит на месте, я чувствую ветерок его дней у себя на лице, когда, забравшись в автомобиль, спешу к себе на малую родину в Щурово посетить могилы своих родных и близких.

Литейно-механический завод, как я помню, тогда изрядно дымил — паровоз, а то и целая дюжина закованных в бетон, да и только. Это было связано с тем, что на нем работали еще довоенные очень старые мартеновские печи. Правда, что нас успокаивало: их должны были закрыть и заменить

менее вредными – конверторными, а еще наш дом планировали расположить несколько в стороне, на проезде, гипотезой соединявший центральную довольно шумную улицу с другой перпендикулярной к ней — тихой и спокойной. Проезд этот пролегал через зеленый массив тополей, кленов, яблонь и множества низкорослых вишен, в цветущих кудрях которых на зорьке, очень классно пели соловьи, разнося свои трели по всей округе.

Дом поднимался быстро: буквально рос на наших глазах. Мы, забравшись после работы в троллейбус на транспортном кольце у завода и, устроившись в креслах, отправлялись на его «смотрины». Наш путь пролегал недалеко от пятиэтажки моей тетки — сестры матери. Однако выйти на остановке и забежать к ней в гости я уже не мог. Она умерла. Случилось это неожиданно, незадолго до моей с Марией свадьбы. У меня и сейчас еще слышны в памяти ее добрые слова: — «Вот бы ты женился, — пора уже, — а я нянчила бы твоих деток». — Не дождалась. Не видела в жизни радости. Умерла по своей воле. Плохо, очень плохо, когда люди отказываются жить.

Дорога у нас занимала всего лишь двадцать-тридцать минут. Добравшись, до строительной площадки, мы заглядывали через забор, где шла интенсивная работа: подъезжали с железобетонными панелями машины и, разгрузившись с помощью больших кранов, отъезжали, рядом повсюду сновали расторопные рабочие.

Что было важно для нас? Это в первую очередь подсчи-

тать этажи. Их всегда оказывалось несколько больше, чем в прошлый раз. Затем мы, покрутившись минут пять, для ознакомления обходили, прилегающие к нашей стройке улицы, заглядывали в магазины, порой что-то покупали и довольные торопились домой.

Мне памятен момент — «наш объект» — дом — предстал однажды во всей своей красе. Стены были декорированы белой и голубой плиткой. Окна широкие. Не насмотреться. Радости у нас не было предела. Однако прошел месяц, другой, никаких видимых подвижек не происходило, мы недоумевали, зачем тянуть время. Неужели нельзя быстренько сдать дом жильцам? — Теперь, знаем, нельзя. Работы шли внутри здания и довольно обширные. Отделка квартир требовала больших затрат: — не одного месяца, так как нужно было подвести коммуникации, установить батареи парового отопления, необходимую сантехнику, плиты, подвести электричество, настелить паркет, выровнять стены, наклеить обои и еще сделать многое другое.

Я запомнил год, — был — 1984, январь, конец месяца. Нас будущих жильцов пригласили на общее собрание с целью рассказать о процедуре заселения дома и для проведения жеребьевки. О встрече с представителем администрации жилищно-эксплуатационной конторы — ЖЭКа и строительного управления — СУ с жильцами было извещено заранее. Она проходила в небольшом Доме культуры с колоннами, расположившимся между нашим домом и другим таким же,

еще не достроенным, стоящим торцом. Этот Дом культуры принадлежал какому-то предприятию. Ясно, что не литейно-механическому. Возможно, даже воинской части. Мне запомнилось его название — «Звезда».

«Народ» собрался после работы в небольшом уютном зале на двести мест. Этот зал памятен мне. Было время, я с женой после бегал в него на вечерние сеансы смотреть кино. А еще, мы с детьми ходили на спектакли и концерты самодеятельных народных театров. Жалко, что начавшаяся в восьмидесятых годах «перестройка», а затем и последовавший развал страны вынудил предприятие продать Дом культуры. Шикарное здание, тогда, было преобразовано в католический храм. На его фасаде, на самой верхушке, поставили четырехконечный крест, ниже под фронтоном ярко нарисованного на фанере, сходящего на землю Иисуса Христа. Это здание теперь часто пустует, молящихся людей не так уж и много. Не знаю, чего они просят в настоящее время «у католического Бога», может по-прежнему, чтобы Запад принял многострадальную Россию. Однако большим надеждам бывшего генсека Горбачева и его либеральной элиты вряд ли суждено сбыться, — пусть они за эти несколько десятилетий и привыкли пресмыкаться, но что интересно, там таких людей не любят. Они уважают силу. «Дружбу» навязать им мог СССР, размахивая своими ракетами с ядерными боезарядами. Россия еще пока слаба.

День, когда проходило собрание, для меня и моей жены

стал особенным. Я тогда с боязнью вытащил конверт. Было, отчего беспокоиться. Никто из собравшихся людей, не желал забираться на верхние этажи дома. Что, если сломается лифт: топай тогда по лестнице; не лучшая ситуация: протечет во время ливня крыша? На потолке проявятся разводы, пятна, на стенах потеки, начнут отслаиваться и падать вниз обои. Сколько же это денег нужно потратить на ремонт.

А еще, нас будущих жильцов часто не устраивали и квартиры на первых этажах. Они не нравятся даже пенсионерам. Беспокойство, да и только: шум от спящих у дома людей, их невольные взгляды в окна и это еще ничего, пока какое-нибудь из мест не облюбовали пьяницы, тут и милиция не поможет, — ресторан «Голубой Дунай», да и только, хоть из дома съезжай.

Мне попался десятый этаж третьего подъезда. Хотелось бы иметь квартиру в среднем подъезде и неплохо на несколько этажей ниже, но это все-таки был не первый и не семнадцатый, мы после житья в коммуналке, своей участью были несказанно довольны. Нашу жилплощадь, в отличие от той в которой мы жили, я бы без каких-либо раздумий отнес в разряд хором, что после, пройдясь по комнатам еще не скрипучего на тот момент паркета, подтвердила и жена.

Я, как только вытянул из общей массы, запечатанный безымянный конверт, раскрыл его и озвучил номер квартиры, тут же получил от председателя собрания ключи. Он, не дав мне сделать и двух шагов от стола, сразу же заставил за

них и за свой выбор расписаться в особом журнале. А уж затем я был им отпущен осматривать жилплощадь, искать в квартире недоделки.

Дома с долевым участием граждан возводились намного качественнее, чем те, которые выдавались бесплатно. Наверное, оттого особых претензий у нас к строителям не было. На паркете кое-где мы обнаружили разлитую краску: в нашей квартире во время их отделки хранились лакокрасочные материалы, а еще кое-где на углах в отдельных местах топорщились обои, отходили от стен; на кухне в последний момент Мария заметила выбитое одно из наружных стекол в раме.

Наша заявка была быстро выполнена. Лет через несколько стекло на кухне снова расколосось. Этот факт оказался неслучайным: у нас была кривая рама. Проблему мы решили много лет спустя после замены обычных деревянных рам современными, металлопластиковыми.

Жильцам, не имеющим претензий к строителям, было намного проще. Многие из них сразу же после подписания акта о приемке квартир, заехали в дом и подали документы на прописку.

Правда, торопились не все, были и такие, которые тянули до последнего, например, наши соседи. Они в новой квартире устроили ремонт, для чего тут же оборвали обои: не пришлось по вкусу и взялись за циклевку, и покрытие полов лаком. У соседей неожиданно возникло желание не только переехать в новую квартиру, но и не потерять метры в ком-

муналке. Для этого кто-то из них привез из деревни родительницу. Неизвестно, то ли мать и правда была одинокой женщиной, и по состоянию здоровья требовала ухода, то ли по другой какой-то причине, но им удалось ее прописать в Москве. Хитрые были евреи. Они в отличие от нас не сдали свою комнату государству. Прошло время и эта, оставленная по завещанию матерью комната, при разрушении старых пятиэтажек, позволила получить квартиру для выросшего и женившегося сына.

1984 год был для «въезжающего народа» особенный: состояние, ну как при праздничном салюте — феерическое, наполненное эмоциями. Я занимался оформлением документов: прежде ходил в свой ЖЭК, получил в конторе, так называемый «бегунок», затем отправился в ближайшее транспортное агентство, чтобы договориться о дате вывоза из комнаты вещей, а еще заказал через фирму «Заря» косметический ремонт комнаты, так как делать его своими силами не разрешалось. Это было все нужно для нашей выписки из коммунальной квартиры. А уж затем мы могли без каких-либо помех заняться пропиской на новой жилплощади.

Что интересно: соседи, постоянно цапавшиеся между собой, заметив наше оживление вдруг приутихли. Наверное, нутром почувствовали грядущие изменения в жизни «коммуналки». Для того чтобы их не томить в догадках, я однажды не удержался и с напускной грустью сообщил:

– Мы получили ордер на квартиру и скоро переедем. Я,

так думаю в феврале-марте месяце!

Я помню, как мы часто по вечерам, забежав домой после работы, хватали впопыхах что-нибудь из приготовленного к перевозке: связки книг, стопки посуды, сумки с одеждой и прочее-прочее и, забравшись в троллейбус, везли все это на новое место жительства. Этого можно было не делать, загрузить все вещи скопом в грузовой автомобиль и отвезти их, но из-за того, что любое машина-место, независимо от его габаритов, отчего-то оценивалось одинаково дорого. Я тогда, при заказе машины, ограничился перевозкой дивана, плательного шкафа, стола, холодильника и всего лишь. Это нам позволило сэкономить деньги и пустить их на другие нужды.

Наша новая квартира была со всеми удобствами для жизни. Она имела одну большую комнату с лоджией, — мы ее тут же определили под зал, меньшую по размерам — решили использовать для спальни, а еще жена не могла нарадоваться большой кухней с электроплитой и ванной комнатой, не совмещенной с туалетом. Здесь у нас в новой квартире в отличие от коммуналки была не только холодная, но и горячая вода. Мыться можно было уже дома, в ванной, а не в городской бане или же на заводе под душем. Правда, прихожая «немного подкачала», — была несколько маловата, но мы этого тогда не замечали нас на тот момент все устраивало.

Что было примечательно? В новой квартире нам уже не нужно было таскать на помойку ведрами отходы. Дом имел мусоропровод, достаточно выйти в тапочках на площадку и

за лифтовыми кабинами: грузовым и пассажирским, открыв фрамугу их выбросить. Это не то, что сейчас: не строят в настоящее время в Москве дома с мусоропроводами. Наверное, так борются с помолодевшим инфарктом или же пытаются снизить цены на жилплощадь. Она не выдается бесплатно. А купить не каждый себе может позволить. Оно и понятно — социализм закончился.

Окна нашей квартиры смотрели на обе стороны. Это в жаркое лето позволяло хорошо ее проветривать. Такой возможностью обладали соседи из трехкомнатной квартиры напротив, а вот еще одна двухкомнатная, а также однокомнатная — такого удовольствия были лишены. Людям из-за неимения кондиционеров приходилось открывать не только окна, но и двери квартир.

Для того чтобы переселиться на новую жилплощадь нам потребовалось немало времени. «Обновить» квартиру мы смогли лишь только в марте месяце, когда однажды, занимаясь какими-то мелкими работами, задержались до ночи. Это обстоятельство вынудило нас, несмотря на отсутствие мебели, остаться. Выручила нас тогда бабушкина перина — подаренная Марии, на нашу свадьбу. Мы расстелили ее у батареи парового отопления и улеглись прямо на полу. Наверное, тогда моя жена неожиданно забеременела, а в ноябре у нас родился долгожданный ребенок.

Этот год был как никакой другой, очень плодовитым на детей. Он несравним ни с какими годами — последующими.

Тогда в нашем доме родилось более ста малышей. Это совершенно точно. Никакой ошибки быть не может. Объяснение тому простое: в 1984 году в дом въехало очень много молодых пар. А уж они в отличие от современной молодежи не были ленивы, постарались.

Моя жена, посещая ближайшую женскую консультацию и поликлинику, познакомилась со многими будущими молодыми мамочками. Некоторые из них впоследствии стали ее хорошими подругами. Список большой. Однако я не намерен их всех перечислять, сообщу о тех, которые стали более близкими. Это косметолог Мария — тезка моей жены, брюнетка с кучерявыми волосами, у нее родился мальчик — Ефим ровесник моей дочери — Маши; Валентина — художавая воспитательница детского сада — «девушка вся из себя», — Артем, ее сын был очень дружен с моей дочерью до тех пор, пока они не поменяли квартиру. А еще, я хочу упомянуть подругу Маши — Свету — долгожданного ребенка медсестры со второго подъезда — Любы и профессора института пищевой промышленности, у которого это был уже второй брак.

Дочку медсестра родила очень поздно в двадцать восемь лет — долго не получалось забеременеть. Что интересно она тут же попала в разряд старо-родящих «мамочек». Не модно тогда было тянуть с замужеством: девушки рано создавали семью, некоторые даже не дождавшись совершеннолетия. У них были другие желания. Одна знакомая, — когда я еще

был холостым, — не раз говорила мне: «Я так хочу, просто мечтаю прогуливаться по алле парка с дочерью, выдавая ее своим знакомым за подругу, ну, а если будет сын, то за галантного кавалера».

Молодые люди в то время выросли очень рано, они до тридцати-сорока лет не тянули: парню достаточно было отслужить в армии и можно было жениться. Они знали без работы не останутся, а еще считали, что не следует заниматься детьми на старости лет? Это очень хлопотно. Не лучше ли — «отстрелялся» и свободен, — гуляй, жди от выросших детей крикливых внуков.

Я, был другим, наверное, из современного поколения, так как женился после тридцати лет. Найти девушку своего возраста мне было трудно. Ну, это если взять женщину, разведенную и вдобавок еще с ребенком. Не хотелось. На момент моей женитьбы Марии тогда было всего двадцать два года. Она училась в Кемеровском институте культуры. При переезде в Москву жена перевелась на заочное отделение. Что интересно Мария забеременела лишь при получении нами квартиры. В коммуналке у нас ничего не получалось. Вот и говорят, что человек сам планирует рождение детей, ан, нет! Многое в жизни необъяснимо и происходит по какой-то другой воле, может даже — Бога. Это для тех, кто не поддался атеистический пропаганде и в него верит.

На тот момент, меня влекла наука и как мне, нетяжело было расставаться с заводом, я ушел и устроился в научно-ис-

следовательский институт. Этот мой шаг упрощал поступление в аспирантуру и работу над кандидатской диссертацией. Однако завод я тоже намеривался использовать — выбрать его в качестве головного предприятия для внедрения своей технологии.

Мечтам тогда не всем удалось сбыться. Начались проблемы, связанные с развалом страны и дележки госсобственности, из-за которой я был вынужден выбрать предприятие другого профиля.

Наша дочь родилась вовремя моей командировки на уральский металлургический комбинат. Уже после, я узнал, что когда-то после войны по вербовке на нем, одно время, работали и мои родители. Им не удалось на нем закрепиться, — нам детям — мне и брату не подошел климат. Очень уж были лютыми морозы и свирепыми ветра: мы месяцами не вылезали из больницы.

Мой отъезд на Урал был событием запланированным, так как появления ребенка мы ожидали лишь в конце декабря, но никак не в ноябре. У меня была даже мысль, что это все произойдет на день рождения жены. Вот было бы здорово. Но нет. Отчего-то все произошло иначе. Возможно, из-за того, что у Марии был отрицательный резус-фактор. Он, наверняка в будущем повлиял и не народившегося второго нашего ребенка, — жене пришлось сделать аборт.

Я, собравшись в дорогу, жену одну не оставил: незадолго до моего отъезда к нам в Москву приехали родные ей люди.

Одним словом, дядька и тетка. Но ни в коем случае не дядя и не тетя. Так обычно обращаются к чужим людям. Мария звала их дядюшка Юра и тетушка Валя. Что интересно? Они были не первыми нашими гостями. Многим близким нам людям, друзьям и просто знакомым, едва мы стали обживать свою новую квартиру, не терпелось побывать «в граде стольном» — было, где остановиться. Это не в «коммуналке». «Москвачка» туда не поехала, отважились немногие: мать Марии, — она нам тогда купила шифоньер, — да ее брат с женой. Спали они на перине, брошенной на пол, ничуть не посягая на наш диван, хотя мы и предлагали. У брата с женой после посещения ими Москвы через девять месяцев родился белобрысый мальчуган.

У меня и мыслей не должно быть, чтобы тревожиться и как-то беспокоиться за Марию, — присмотреть было кому и в экстренном случае вызвать машину скорой помощи. Однако, по непонятным причинам я немного нервничал. И не зря. Словно предчувствовал, что ничего у меня не получится, лишь только успел сгонять на предприятие, как говорится, подготовить фронт последующих работ — телефонный звонок начальника, а голос у него был еще тот: орал на всю ивановскую — поднял на уши всю заводскую гостиницу, да и меня изрядно напугал. Я не знал, что и думать. Меня, едва я оказался на ее пороге, подхватили под руку и препроводили в телефонную кабину. Не дав опомниться, начальник тут же лично поздравил меня с дочкой от себя, а затем от лица

коллектива нашей лаборатории, и потребовал:

– Завтра, на крайний случай послезавтра ты должен быть в Москве и стоять под окнами роддома. Кричать, махать руками. Это твоя мужская обязанность, на и первейшая. Понятно тебе?

– Ну, я же еще ничего по работе не сделал... — пролепетать я и снова получил по ушам:

– Знать не знаем! Ты должен! Я уже распорядился. Завтра прибудет замена. Прилетит твой товарищ.

Вздорить с начальником не следовало, я тут же собрал разложенные по полкам плательного шкафа вещи, затолкал их в сумку и рванул на вокзал. Добравшись вначале на автобусе до Нижнего Тагила, а затем и до Свердловска, – это теперь город Екатеринбург, — я отправился в столицу. Достать билеты тогда было тяжело, несмотря на глубокую осень, однако все прошло удачно. На следующий день, вечером, я с чемоданчиком-дипломатом стоял на пороге дома. Дядюшка Юра и тетушка Валя, увидев меня в проеме двери, несказанно обрадовались. Они, никак не ожидали, что их размеренный спокойный отпуск пойдет насмарку, узнав о схватках у племянницы, а затем и о скорых родах родственники пребывали чуть ли не в панике. Я на некоторое время явился для них — «валерьянкой на сахаре», своего рода успокоительным. Они рвались уехать домой. Мне с трудом удалось их уговорить на день-два остаться.

Дождавшись утра, мы отправились к Марии в больницу.

В палаты тогда никого не пускали даже родных, из-за боязни заражения рожениц стафилококком. Он был заклятым врагом всех роддомов. Подруга жены медсестра Люба, подхватив однажды эту заразу при родах, изрядно намучилась, что только не делала, чтобы от нее избавиться. Это сказалось и на ее ребенке.

Роды у Марии проходили в Измайловской районной больнице Москвы. Туда ее увезла машина скорой помощи. Было свободное место. Я, прилетев с морозного Урала, и оказавшись в городе, чувствовал себя комфортно, как сейчас помню, лежал снег, и было градусов на десять теплее. Это радовало. В приемном покое больницы мы передали Марии через нянечку сумку с вещами и, выждав время, получили от нее записочку. В ней жена сообщала вес — необычайно малый — 2300 грамм, рост дочери — 46 см, а еще, о том, что нужно привезти ей при выписке из роддома. Не забыла Мария написать карандашиком этаж, где находилась ее палата, а также дала нам координаты к какому окну она подойдет. Мы, выбравшись из здания и обойдя его по периметру, разыскали нужное окно, а затем, найдя силуэт нашей роженицы с ребенком, долго махали ей рукой, уехали мы лишь только тогда, когда медсестра увела Марию от окна. Было время очередного кормления.

При рождении первого ребенка у Марии больших проблем не было, оттого долгого лечения ей не требовалось, и врач без всякого затруднения назвала нам дату выписки, на

которую мы должны были ориентироваться.

Однако все пошло не по плану, несколько иначе, чем мы предполагали. Я, ничего не подозревая, спокойно работал, а в этот момент из больницы позвонили соседке этажом выше, — только у нее одной тогда был подведен телефон, — и дежурная попросила ее передать информацию в квартиру .... — назвала наш номер, — после сообщила о том, что необходимые документы на Марию уже подготовлены и нужно в срочном порядке за ней и ребенком приехать.

Дядюшка Юра с тетушкой Вале́й, шумно всплеснув от неожиданности руками, впопыхах собрались и, «поймав» такси, рванули в больницу. Мне, они, конечно, сообщить ничего не смогли: поджимало время: Марию и ребенка нужно было забрать до обеда. В роддомах страны тогда в восьмидесятые годы из-за пика рождаемости был дефицит мест. Однако дядюшка с тетушкой оказались родственниками не промах и «операция» по изъятию ребенка и племянницы из роддома у них прошла довольно эффективно и быстро. Стоило Марии появиться со старшей медсестрой, несшей укутанную в одеяло девочку, такой своеобразный кулечек, перевязанный красной ленточкой, как дядюшка, не мешкая, тут же схватил ее и, просто поблагодарив, бросился к автомобилю. Тетушка тоже времени зря не теряла, подхватив Марию под руку, быстро увлекла ее следом за своим мужем. Они забрались в машину и уехали, оставив медицинскую сестру в крайнем недоумении. За девочку тогда полагалось дать три

рубля, а тут никаких денег, ни цветов, даже торта не было. Правда, и за семимесячного мальчика, недоношенного, но родившегося на свет нашего ребенка — пятерку, мы медработникам не заплатили. Хотя и стоило. Просто, он тогда был вынужден вместе с Марией из роддома отправиться не домой, а в другую больницу на дорастивание. Не зря же тетка однажды не удержалась и рассказала нам, что толстая баба в белом халате ей вслед бросила: «У-у-у евреи: на всем экономят».

Я, вернувшись с работы, домой, ничего не подозревая, неожиданно застал Марию одну с дочкой в полной тишине. Ни дядьки, ни тетки, — их будто ветром сдуло, — уехали, не дождавшись даже моего прихода. Не знаю отчего наши родственники, в одночасье, собрав вещи и быстро попрощавшись тут же укатили, оставили нас неумелых самим ухаживать за ребенком.

Мне запомнился один момент: дочка при спокойно лежала на кровати, а мы сидели вокруг нее — с двух сторон, и со страхом смотрели, ожидая реакции. Долго ждать не пришлось: раздался мощный детский крик. Мы тут же были подняты, что те солдаты, по тревоге, начались наши семейные будни ничем несравнимые со всеми предыдущими днями совместного проживания. Да, было время молодое, беззаботное и вот нате получите, — раздвинулся занавес жизни доселе нам не знакомой.

Глава 2

У нас не было проблем с определением пола ребенка. Нам сообщила акушерка. Это сейчас в некоторых странах Европы, а еще в США — Америке с этим довольно тяжело, никак не могут прийти к однозначному заключению. Они порой даже путаются, не соображая, кому отдают новорожденного, понятное дело родителям, но матери или же все-таки отцу. Кто из них кто? Не зря же решили называть: родитель номер один и родитель номер два. Так не обидно ни тому, ни другому. А еще у них дитя имеет право независимо от своих близких сам себе выбрать пол.

Их бы заботы нам. Ну, если быть честным: не дай Бог. Предостаточно — по горло и своих. Тяжело нам было в 1984 году, тяжело: крутились одни, ну что те белки в колесе с долгожданным ребенком. День прошел, другой. А мы не знали, как выкупать дочь. Сейчас и представить такое трудно. Залез в Интернет и посмотрел видео со всеми подробностями. Тогда такой информацией мы не владели, тянули до последнего. Хотя у нас все необходимое для мытья ребенка было закуплено: ванночка с подставкой, для измерения температуры воды градусник, детское мыло, крем, и даже трава череды. Мы попросту боялись. Эта боязнь проявлялась в каждом нашем шаге.

А все из-за того, что перед нами лежал настоящий ребен-

нок, а не какая-то там кукла. Хотя и она у нас имелась, устроившись с соской во рту, на тумбочке безмолвно тарасила большие глаза — нам ее подарил дружный коллектив городской библиотеки, в котором Мария однажды до замужества работала. Неудобно нам было ее везти с ворохом вещей из далекой Сибири — Кемерово, за тысячи верст — но мы привезли. Глядя на эту самую куклу, я понимал, толку от нее никакого.

Благо мир оказался не без добрых людей: нам помогла одна моя заводская сотрудница — хохлушка Леся. Она однажды приехала в столицу из украинского города Луцка для стажировки, — у них в городе открывался завод того же профиля. Девушка вышла замуж, да так и затерялась в Москве.

Я взял ее на работу в свою группу техником-технологом. Она, мне за это была признательна, а еще по доброте своей души хотела услужить. Леся была дамой, очень мечтавшей о детях. Таких сейчас мало. Для нее подержать девочку на руках было за счастье. Едва я заикнулся о своей проблеме, Леся, захватив после работы свекровь, — они жили недалеко, — тут же примчалась к нам на дом.

Женщины научили нас неумелых готовить ванночку, а затем под их присмотром мы выкупали ребенка.

Облегченно вздохнув, я отправился проводить женщин до остановки и услышал от Леси следующие слова:

– У вас тут хорошо — много детей! Понятно, дом новый. А я вот живу в старом. Ему, ему... лет двадцать пять —

столько, сколько моему мужу Вовчику, — она на миг задумалась и выдохнула: — Дети в нем уже все выросли. Он, этот дом, ну, что по осени набекрень птичье гнездо под ветром, дождем и снегом на голых ветвях дерева. Наверное, видел такую картину? Я покивал головой.

Леся была права. Однако и неправa. У нее были проблемы со здоровьем. Женщина страдала от избыточного веса, постоянно боролась, пытаясь похудеть, но у нее ничего не получалось. Она, что только не делала, чтобы забеременеть и родить ребенка. Наблюдалась даже в институте гинекологии.

Для исполнения своей мечты Леся прилагала немало сил: занималась оздоровительной гимнастикой, месяцами сидела на всевозможных диетах. Умерла женщина от дисбактериоза. О том я узнал в тяжелые годы развала страны, когда мы все были заняты сами собой — выживанием.

Однажды я позвонил ей по телефону, трубку взял муж. Он плакал. Жизнь у него не удалась.

Что я еще могу сказать об этой женщине? Добрейший человек. Она ни раз бывала у нас дома. Вовремя посещения, узнав, что у нас нет телевизора тут же вместе с мужем притащила нам свой старый — черно-белый. Он довольно хорошо работал пока мы, насобирав денег не купили себе цветной.

У нас не было в Москве родственников. Наиболее близко от нас за пятьсот километров с гаком в селе Щурово жили мои родители. Но они, можно сказать, были людьми не выездными. Их удерживал огород в двадцать соток, а еще

большое подсобное хозяйство: корова, два поросенка, куры, утки. Не бросишь. За всем этим нужно было ухаживать. Одной матери или же одному отцу — не справиться. А еще, после отъезда тетушки Вали и дядюшки Юры нас все отчего-то оставили в покое и учиться ухаживать за ребенком нам приходилось самим. Понятное дело, при общении Мария многое узнавала от подруг, а еще, читая умные книги. Правда, их было мало, да и не все порой можно было достать даже ей — библиотекарю. Однако мы были молоды, на жизнь свою не жаловались и все делали чтобы превозмочь любые трудности.

Я помню, поначалу много времени уходило на простое пеленание ребенка. Долго не получалось. Дочь, хотя и родилась восьмимесячной — недоношенной, но сил у нее хватало. Она не раз все наши труды пускала насмарку. Не знаю, как Маша выпутывалась из двух пеленок — ситцевой — легкой и теплой — фланелевой или байковой и вдобавок еще стеганого ватного одеяла.

Тогда в моде было тугое пеленание. Не-то, что сейчас. Я научился первым. У меня довольно ловко получалось. Памперсов еще не было. Не придумали. На подгузники нам пригодилась одна из неиспользуемых ветхих хлопчатобумажных простынь. Она подходила, так как была очень мягкой. Мы вначале подвергли ее долгому кипячению, затем разорвали на клочки нужного размера. Перед каждым использованием белья мы доставали утюг и тщательно под паром его прогла-

живали. Для этой операции я купил специальную раскладную гладильную доску очень тяжелую. Не один год она у нас находилась в разложенном виде. Занимаясь гладкой можно было посмотреть телевизор, принесенный Лесей. Это было для каждого из нас своеобразным отдыхом.

Мария, перед пеленанием, тщательно припудривая на теле дочери складки тальком, в полголоса припевала: «пойдут клочки по закоулочкам, пойдут клочки...», — и накладывала, сложенные треугольником, подгузники.

Для первых ванн, мы воду брали исключительно холодную, долго ее отстаивали от хлора, кипятили на плите в кастрюлях, а еще в чайнике, он хотя и был электрическим, но при закипании воды не отключался, оттого не один сожгли. Я даже приноровился их ремонтировать.

Дом у нас был новым, отопление работало плохо, а еще сквозило из всех окон, хотя мы их по осени конопатили и тщательно проклеивали бумагой. Незадолго до сна, мы каждый вечер, минут тридцать прогревали ванную комнату, проливая из крана горячую воду, затем уже готовили для купания дочери ванночку. Я, устанавливая ее на подставке, на глаз заливал в нее отстоянную кипяченую холодную воду и добавлял горячей из кастрюли или же чайника, доводя до нужной температуры. Мария тут же выливала банку с заблаговременно приготовленным отваром череды.

Наше отношение к процедуре купания изменилось не сразу. Лишь после того, когда дочка стала набирать в весе и рас-

ти. Она чаще бодрствовала и с интересом смотрела вокруг себя. Мы ей подсовывали всевозможные игрушки с шумовым эффектом или же подвешивали их над кроваткой.

Первые дни дочка спала у нас в прогулочной коляске, затем я вместе с другом, — нет чтобы зайти в ближайший магазин, — съездил в Центральный детский мир и, рассчитывая на большой выбор, купил кроватку там. Для экономии денег мы ее везли, пользуясь городским транспортом. Уж очень она оказалось тяжелой. Это мы поняли, делая переходы в метро с одной ветки на другую. Изрядно намучившись, мы доперли ее до дома, а затем долго собирали.

Кроватка была на колесиках, качать в ней ребенка ночью, не вставая с постели, оказалось неудобно. Однако я как-то приноравливался. В случае постанывания дочери готовой вот-вот расплакаться, я высовывал из-под одеяла ногу и, зацепившись пальцами за боковую решетку, начинал воздействовать на кроватку — двигать ее. Дочь успокаивалась. В час-два ночи — раздавался крик. Жена, засунув руку под одеяльце, определив ребенок мокр, поднималась, я следом, нужно было менять пеленки. Мы свет не включали, — обходились ночным городским освещением, — я аккуратно — глаза у дочери были закрыты, — чтобы не напугать ее брал на руки, а Мария быстро меняла простынки, а затем уже вместе мы ее перепеленовывали. Дочь, почувствовав сухое белье, успокаивалась, слегка покачав ее на руках, я укладывал в кроватку. Спали мы урывками, но зато крепко. За ночь два-

три подъема, а утром мне на работу.

Мария, казалось, могла выспаться днем, но не тут-то было. Дел у нее хватало. Нужно было в квартире сделать влажную уборку, затем срочно постирать вручную детским мылом, — порошков тогда не было, — накопившееся постельное белье девочки: распашонки, пеленки и прочее, а еще все это высушить, затем выгладить, не на минуту, не забывая о находящейся рядом дочери.

Я думаю, что мне не очень-то поверят молодые женщины и мужчины, растящие детей с памперсами. А зря. Однажды я остался вместе с дочерью, дав возможность жене, и приехавшим к нам в гости подругам, одной из них была «москвичка» пробежаться по столичным магазинам. За два часа я поменял восемь комплектов белья. Правда, это был перебор. А все из-за того, что кто-то из гостей напоил девочку брусничным морсом. То, что тогда запас белья должен быть большим ни для кого не секрет. У нас количество этих самых комплектов доходило до двадцати штук. Что в них входило: распашонка, подгузники, ползунки, а зимой вместо одной — две пеленки. Я, правда, хитрил и описанные пеленки для быстроты лишь споласкивал, а вот испачканные серьезно, стирал. Тут уж никуда не денешься.

Что можно отметить? Гуляния с дочерью на улице мы по возможности старались не пропускать, ну это лишь в случаях непредвиденных обстоятельств. Нас, например, могли удержать морозы свыше двадцати пяти градусов, мощные

ливни с грозами и штормовые ветра, а так мы всегда в нужное время, раз, а то и два в день, я или же моя жена, что те корабли бороздили пространство ближнего сквера или же парка. Еще бы не бороздить — для прогулок дочери нам досталась коляска, можно сказать, от внука прославленного химика, доктора наук. Я однажды листал его книгу. Этому поспособствовала одна из тетушек моей супруги — Лиза — муж, которой, как сейчас бы сказали, был министром культуры области. У этой тетушки в Москве проживало много знатных подруг, даже несколько генеральш. Однако Мария этим не афишировала. Тогда не это было главное.

Я, возвратившись после работы домой и слегка перекусив, отправлялся на прогулку, давая возможность Марии сделать то, что было невозможно при маленьком ребенке на руках. А еще она могла от него отдохнуть, а я пообщаться с ребенком.

Парк, в отличие от сквера, находился несколько вдалеке, и мы им пользовались лишь в выходные дни. Для того чтобы до него добраться нужно было, выйдя из дома повернуть направо в противоположную сторону от шумной улицы, на которой стоял литейно-механический завод, затем выбраться на тихий проспект «Сорок лет Октября и по нему пройти несколько остановок.

Что интересно? Название, проспекта, данное ему в честь государства под названием СССР осталось, а вот самой страны не стало. Партия большевиков, созданная великим Лениным, возглавившая в трудные годы страну, пережившая

грандиозную войну и завоевавшая победу, неожиданно, занявшись самобичеванием, не без воздействия империалистических сил извне сама же себя и погубила, позволив барыгам из-за границы и своим местным растащить имущество, нажитое всем народом.

Дорога до парка шла параллельно большой шумной улице и что важно не имела транспортных маршрутов, отправляясь по ней до парка и назад мы знали, что дочь в пути заснет и неплохо выспится.

Долгое время мы не знали как назвать нашу дочь. Нас укоряли родители, близкие, друзья... Мария тогда в помощь притащила из библиотеки несколько толстых книг с именами. Пролистывая их и вычитывая нараспев то одно, то другое рядом над головой у дочери мы пытались на каком-то из них остановиться, но все было напрасно. Ни на одно имя наш ребенок не реагировал. Время поджимало: дочери требовалась прописка. На нас давили со всех сторон.

Прошло несколько месяцев и от нас в жилищно-эксплуатационной конторе в срочном порядке потребовали свидетельство о рождении дочери. Мне пришлось найти время и отправиться в Загс. Жена, вручив мне выписку из роддома и паспорта, выталкивая за двери, сказала:

– По дороге что-нибудь придумаешь!

Мне тогда припомнился разговор с одним из друзей, столкнувшимся с подобной проблемой. «Не знаешь как на-

звать мальчика, назови именем отца, а если девочку именем матери или же жены», — эти его слова мне тогда здорово помогли.

На вопрос жены:

— Ну, как звать-величать нашу красавицу?

Я ответил, не задумываясь:

— Мария, как и тебя. На, держи документ.

— А что так? — спросила жена.

— Все очень просто! Я, же не зря из всех твоих подруг, которые были на свадьбе выбрал тебя. Мне понравилась не только ты сама, но и твое имя. А еще, это очень удобно! Представь себе, я, например, сижу на кухне пью чай и, если крикну: Маша, иди быстрее сюда! Смотри, что я тебе покажу! — Вы тут же прибежите и одна и другая.

Жена хмыкнула и согласилась. А что ей оставалось делать: не побежишь и запись в документах не изменишь.

Мне памятен день, когда однажды наша Маша сделала свои первые шаги. Это было в один из выходных дней. Девочка утром хорошо покушала, я взял ее на руки и стал носить в позе «столбиком» чтобы не срыгнула, а затем отнес в большую комнату и усадил на палас. Нам его купила моя мать на новоселье специально для того, чтобы на нем играли будущие внуки и внучки. Затем я притащил с кухни детский складной стульчик, который мы обычно приставляли к обеденному столу и, посадив в него девочку, прикармливали ее во время обеда: грудного молока ей тогда уже не хва-

тало. Я разложил его, в двух-трех метрах от дивана, получился небольшой столик со стульчиком. Маша подползла к нему и, ухватившись ручками, поднялась на ноги. Она уже вставала и даже ходила, правда, держась за чью-нибудь руку. Трусиха была. Я и жена уселись на диван и стали ее манить к себе. Мы уже не рассчитывали, что девочка отважится, но нет, Маша неожиданно опустила одну руку, затем другую и сделала шаг, другой, третий, затем чуть не упав, схватилась за подлокотник дивана и, перебирая руками, дошла до нас. Где-то в фотоальбоме у нас сохранилась фотокарточка. Снимок, конечно, был сделан мной несколько позже — ни день в день, — однако во время ее первых шагов в том самом платице и косынке.

Я не знаю, где сейчас находится эта фотокарточка. Небольшой пожар, неожиданно случившийся в квартире перед Новым годом, — мы тогда отсутствовали: были в театре, — все перепутал. Хаос, да и только.

Для проведения в доме ремонта, мы были вынуждены выбросить обгоревшую мебельную стенку, часть оргтехники, а вещи, пострадавшие от дыма — это книги, диски, фотоальбомы и прочее, — упаковать в мешки и с оказией отправить в Щурово: для выветривания я их свалил на чердаке родительского дома. Теперь мне нужно найти время, забраться на него и покопаться в них, и обязательно отыскать фотокарточку. И не только ее одну. В одном из мешков хранится двадцатилетняя история нашей семьи. До этого, как говорят,

просто должны однажды дойти руки.

Глава 3

Мне, не запомнился наш Новый год в новой квартире, же- не отчего-то тоже. Я легко могу описать первый праздник, который мы встречали с Марией вместе в Москве под бой ку- рантов Спасской башни на Красной площади с бутылкой Со- ветского шампанского, лучшего в мире. Пустую посуду из- под напитка мы сохранили. Она стоит где-то в шкафу. У нас и сейчас перед глазами та новогодняя ночь, неожиданно, на ждущий зиму город, сверкая в лучах прожекторов, повалил снег. Отлично сидит в памяти и следующий — за ним празд- ник. Он прошел в возбуждении от скорого переезда в новую квартиру, в кругу моих друзей — у Марии их тогда попро- сту еще не было. Что следует сказать о том времени? Рож- дение Маши — дочери, напрочь стерло все даже многозна- чительные события, не связанные напрямую с ней. Не знаю, праздновали мы встречу года — 1985, возможно, нет, могли и не праздновать — 1986. Для нас было важно, что дочь по- шла, пошла своими ногами. И это произошло в декабре ме- сяце. Мы рассчитывали, что через месяц-другой не нужна будет громоздкая коляска, а затем и прогулочная: без про- блем станем чаще выезжать далеко в город на детские теат- ральные постановки, в цирк, в кино, да куда угодно. А пока мы могли себе позволить посещение сквера и ближайшего к дому парка. А он, наш парк был хорош, особенно в жар-

кое время, так как имел большое озеро, образованное водами то ли проистекающими из Сучьего болота, то ли впадающими в него и время от времени перекрываемыми шлюзами. В него много ходило гулять молодых семей из нашего дома. На пруду действовала лодочная станция, работали всякие там качели-карусели, по выходным звучала бравурная музыка. В тени аллей, сходящихся у большого пруда, кого только не встретишь. Особенно было приятно в жаркий день, катая коляску с ребенком, поесть под кронами больших деревьев необычайно вкусного московского мороженого. Мне нравилось Крем-брюле, Эскимо за двадцать восемь копеек и Ленинградское.

Учеба в Кемеровском институте культуры на заочном отделении требовала от жены работы с учебниками, написания рефератов, выполнения контрольных и других заданий, а еще участия в сессиях — сдачи экзаменов. До рождения ребенка проблем с учебой никаких не было, но настало время и Марии пришлось на втором курсе оформить академический отпуск, а затем на сессии летать уже вместе с дочерью и по необходимости оставлять ее на родственников: присмотреть было кому. У ее брата и у его жены по квартире бегала детвора: дочь и сын.

Дочь подросла до детсадовского возраста, ей исполнилось год и шесть месяцев, нам выделили место в одном из учреждений, недалеко от дома. Декретный отпуск у Марии заканчивался. Нужно было выходить на работу. И все бы ни-

чего, если бы не очередная сессия. Получилось так, что эти два события: отправляться в Сибирь на сдачу экзаменов и оформлять дочь в детский сад — совпали. Я уговорил Марию не беспокоиться о дочери — оставить ее на меня, отнести справку на учебный отпуск по месту работы и лететь в Кемерово. Что она не преминула сделать.

Для того чтобы подготовить дочь к детскому саду я взял на работе очередной отпуск. У меня на это было достаточно времени. А еще я мог съездить с малышкой на свою малую родину — в Щурово, что и сделал.

Мне не удалось побыть долго в кругу близких людей: не позволила вдруг произошедшая авария на Украинской Чернобыльской атомной электростанции. Я был вынужден уехать, так как АЭС располагалась в восьмидесяти километрах от селения. Взрыв реактора на ней мог плохо сказаться на здоровье моей маленькой дочери, оттого я, пробыв дня три, не больше, вернулся в Москву.

Для оформления документов в детский сад мы посетили поликлинику, сдали кровь, мочу и кал на анализы и лишь, получив хорошие результаты, я успокоился. Погода на тот момент, хотя и был май, стояла по-летнему жаркой. Поднявшись утром и позавтракав, мы отправлялись до обеда гулять в парк. Из того времени мне запомнился один довольно забавный случай: я, посадив Машу на маленький стульчик, взял в руки сандалии, но не тут-то было: на глаза дочери попались неубранные на хранение теплые фетровые с яркой вышив-

кой сапожки. Она захотела обуть только их и подняла крик. Я упорствовал, проявлял недюжинные способности красноречия, чтобы ее отговорить, но все было тщетно. Махнув рукой, я обул, эти самые красивые сапожки и мы отправились на улицу. Пусть идет если такая непонятливая. Дети ее увидят и наверняка пристыдят, а еще чего хуже поднимут на смех, мы тогда сходим домой и переобуемся. Так оно и получилось. Хорошо, что в парк мы тогда не пошли, а гуляли недалеко от дома, во дворе.

Я обычно гулял с ребенком, не пользуясь прогулочной коляской. Она преспокойно пылилась в углу прихожей. Для меня, если дочь уставала и начинала канючить, не составляло труда взять ее на руки и пронести некоторое время. И носил, а однажды, когда девочка уснула, нес домой даже от самого парка. Это километр не меньше. На слова, Марии, что я ребенка балую, всегда отвечал: «Ну, не будет же она на мне «ездить» до самой свадьбы?» — «А что, если будет? — возражала жена. — «Ну, тогда в нужный момент передам ее с рук на руки — мужу. То будут уже его проблемы. Пусть носит! Или же воспитывает под себя».

Гуляя однажды с дочерью в парке, — это было дней за несколько от нашего похода в детский сад, — я увидел знакомого мальчика, бодро шагающего по алле. Он отчего-то был один.

Я не удержался и подошел к нему:

– О-о-о, Ефим Хазарский! Малыш, ты что потерялся? А

где же твоя мама? — Я ожидал увидеть Марию — подругу жены, или же на крайний случай другую их приятельницу Валентину Гулишвили. Между собой мы ее звали Валькой. Женщины дружили и их часто можно было встретить на прогулках вместе.

— Достаточно и папы, — неожиданно услышал я мягкий голос, появившегося молодого мужчины. Он был плотного телосложения, несколько выше меня, с удлинённым лицом как у арабов, — не путать с англичанами: у них она больше лошадиная, — и с черной кучерявой шевелюрой, доставшейся от прадеда южанина, может от грека, может — цыгана, или же еще от кого-то.

Мы тут же познакомились:

— Михаил! — сказал он и крепко пожал протянутую мной руку. Я, улыбнувшись, ответил ему:

— Семен! — затем сделал небольшую паузу и продолжил: — Мария в настоящее время на сессии, сдает в институте экзамены, а я вот ее замещаю. Ты, как я смотрю, тоже занимаешься воспитанием молодого поколения?

— Да-а-а! У меня — похожая ситуация. Только моя Мария на работе, а я нахожусь в очередном отпуске.

Что интересно? После, нашего знакомства мы довольно часто проводили время на свежем воздухе в парке, ведя длительные беседы. Мужчина оказался разносторонне-грамотным, я мог говорить с ним на самые различные темы. Был у него и свой «конек», он любил рассуждать о противоре-

чиях Запада и Востока, социалистической и капиталистической систем. Их конвергенции. Я спорил с ним и считал общественную собственность несовместимой с частной, — при этом добавлял: «Михаил, только, пожалуйста, не путай ее с личной». — Тогда уже на место Леониду Ильичу Брежневу, затем Константину Устиновичу Черненко и Юрию Владимировичу Андропову пришел молодой амбициозный никому неизвестный, — Михаил Сергеевич Горбачев из села. Хотя я не против — у меня мать из села, но они сельские, попав в город, что те евреи лезут и лезут вверх и их бывает порой не остановить.

Чем этот политик был необычен? Имел на голове черное пятно, а еще, выступая, говорил не по бумаге, будто сам Черт из-за спины надиктовывал ему тексты. Людям манера поведения этого лидера нравилось, для аплодисментов не нужно было допинга — рюмки водки или же кружки пива, а еще он любил выходить в «народ», врезаясь прямо в толпу и не останови его — мог разглагольствовать часами. Раньше о таких людях говорили: «Пищит, как Троцкий».

Наступил день, и дочь пошла в детский сад, без скандалов, хотя встать нам пришлось рано. Причина, возможно, в том, что я очень красочно описал ей, как там будет хорошо, не поленился и сообщил ей о новых друзьях, которых она приобретет и о играх с ними. Правда, я сам ни разу в жизни в детский сад не ходил даже тогда, когда мои родители работали на Урале, на металлургическом комбинате. За мной

и братом вначале ухаживала двоюродная сестра, а затем соседская девочка. В Щурово родители обходились без посторонних, особой необходимости в пригляде за нами не было: лето мы обычно проводили на улице, а зимы на печке.

Группа, в которую пошла Маша, только формировалась. Дочь была девятой, всего должно быть двенадцать человек. Это не то что сейчас по тридцать детишек, а то и более. Возможно, у администрации детских учреждений расчет на то, что при такой ораве — дети сами себя будут забавлять, а для пригляда достаточно одной нянечки и одного воспитателя. Зачем тратиться, деньги любят счет.

Я вначале отвел Машу на половину дня, не стал даже оставлять на обед, правда, на следующий день воспитательница сообщила мне: «Девочка ведет себя хорошо, вы можете ее забрать из сада после сна».

Через три дня дочка пошла на весь день. Проблем не было. Не было до тех пор, пока в группе не появился полненький мальчик — этакий крепыш — двенадцатый по счету. Он отчего-то постоянно задирал дочь — влюбился что ли? Понять было невозможно. Я ни раз забирал ее из сада всю в слезах.

Мне пришлось обратиться к воспитательнице, и я от нее услышал:

– Этот мальчик и меня порой выводит из себя. Ну, что я могу поделать? Только лишь поставить его в угол. Правда, однажды не удержалась и ладонью хлопнула его разок-дру-

гой по толстой попке. Толку никакого. Он еще не понимает. Думаю, ваша дочь должна сама ему ответить.

Мне многих трудов стоило убедить Машу дать отпор этому сорванцу. Ей трудно было переступить через себя, не сразу, но однажды она толкнула своего обидчика так, что тот перелетел через товарища, копавшегося рядом в песке, и упал, раскорячившись на глазах у всех детей на землю. От неожиданности девочка испугалась. Но нет, все обошлось хорошо. Мальчик поднялся, отряхнулся и больше уже ее не трогал. А вот однажды мой внук Тема не сумел дать отпор, привязавшемуся к нему на батуте мальчику. Жалко, может у него просто не хватило на то времени? Не знаю.

В детский сад и назад — домой, мы с дочкой, часто ходили со стороны двухэтажных деревянных, — с красивыми небольшими балкончиками, — домишек, утопающих в зарослях цветущей по весне вишни. Сейчас там, в любое время года, довольно обыденно, пройдешь и не заметишь: повсюду огромные друг на друга похожие железобетонные здания. Никаких отличий вам не найти, ну лишь в названии улицы, да в номере дома.

Однажды, возвращаясь, мы решили немного времени поиграть, для чего перешли через дорогу на другую сторону и тут же углубились в сквер, затем, пройдя немного по аллее, постояли у обелиска — большой плиты с вырезанной звездой и танком — герою солдату, а после отправились на площадку для игр.

Для меня было неожиданностью встретить Михаила. Он гулял вместе с сыном Ефимом.

Я поздоровался и спросил:

— А вы случайно не в наш сад ходите? — И назвал улицу, номер, желал от Михаила услышать: — «Да-да». — Но нет. Он улыбнулся и ответил:

— А мы вообще в сад не ходим. В том нет необходимости. У нас хватает неработающих всяких родственников и ближних и дальних. За мальчиком есть, кому присмотреть. — Он сделал паузу, а затем продолжил: — На днях я сдал в ремонт машину. Вот жду, как только сделают, мы с сыном отправимся к бабе Циле — моей матери. Она живет в своем добротном доме под Курском и давно его уже ждет. А затем меня сменить Мария. Придет ее черед заниматься сыном и отдыхать.

Не знаю, наверное, дней десять, не больше наши дороги пересекались: они, возвращаясь с парка, заглядывали в сквер, а мы по пути домой из сада. Нам было о чем поговорить. Михаил Хазарский импонировал мне. А еще моя жена дружила с его женой. Я, правда, у них дома не был, и Михаил у нас тоже, а вот моя Мария — она довольно часто бегала. Рядом жила еще одна ее подружка — Валентина Гулишвили. Их интересовали всякие там женские дела.

Наступил момент, и Михаила с сыном Ефимом вдруг не стало. Я понял, что автомобиль отремонтирован, и в жаркой Москве Хазарским больше делать нечего. Это нам, не имею-

щим под боком родню, приходится довольствоваться услугами, предложенными государством, а еще из-за аварии на Чернобыльской АЭС мы и наша дочь на долгое время лишены отдыха на природе.

Дочь спокойно отнеслась к тому, что наш «кавалер» вдруг пропал. Детей на площадке хватало и без него, от скуки не умрешь. Через день-другой у нее появился еще один «воздыхатель» — Артем — сын Валентины Гулишвили. Подруга жены, узнав, что мы из детского сада с Машей ходим гулять в наш сквер, тоже стала в нем появляться. Правда, так продолжалось недолго. Молодая женщина работала в саду нянечкой и, по ее словам, очень уставала. Ей часто было не по себе от длительного общения с детьми и на работе, и дома, и однажды она сумела устроить своего сына в особую группу с недельным посещением детского сада и с удовольствием ею воспользовалась. Гулишвили отводила мальчика рано утром в понедельник, а в пятницу вечером забирала. Я так думаю, что, если бы можно было, так она определила бы Артема и на большее время. Моей жене — эта самая Валька тоже предлагала помощь в устройстве нашей дочери, минуя препоны с предоставлением справок с работы о ненормированном дне. Мария тогда только что приехала из Кемерово после успешной сдачи экзаменов. Однако моя жена тут же воспротивилась.

– Да ты что? Я так не могу. А что, если дочь нас забудет? Что если мы для нее станем чужими? Нет, нет и нет!

Для того чтобы как-то отметить переход Марии на следующий курс и начало нового этапа в жизни дочери — она пошла в детский сад, — мы решили в выходной день выбраться загород и как следует погулять. Поднялись рано. Спонтанно и у меня, и у Марии возникло желание прокатиться с ветерком по Москве-реке на «Ракете». Обычно, у нас в холодильнике всегда имелось что-то из первых блюд. Это мог быть борщ, щи, рассольник или же какой-нибудь суп, без разницы. А тут оказалось, что все подъедено. И мне пришлось торопливо налить в пятилитровую кастрюлю воды, забросить в нее курицу и поставить на плиту. Марии я объяснил:

– Сейчас, закипит и поедем. У нас если не суп, то хоть будет какой-никакой бульон. Вдруг в городе не удастся покушать. Очереди сама знаешь, какие. Так дома с сухариками утолим, и голод, и жажду.

Мы уехали: в течении часа добирались до речного вокзала, отстояв очередь купили билеты, забрались в «Ракету». Уже в пути я вспомнил, что не отключил плиту, и мы на этом же судне вернулись назад. Нам просто тогда повезло. Вместо бульона у нас была жареная курица. Это тоже неплохо. А что главное не случилось пожара. А может мы его просто на время перенесли.

Мой товарищ Михаил Хазарский недолго отсутствовал, через какое-то время нашелся и заглянул в сквер, разыскав меня, — мы тогда с Машей были уже без компании: Артема и его мамы.

— Знаешь, — сказал он, — у меня не было возможности сообщить тебе о своем отъезде, все получилось как-то внезапно.

Я успокоил его:

— Не было, так не было. Главное ребенка отвез без проблем. Теперь можешь не беспокоиться!

— Не скажи! Я ведь заглянул в сквер не только для того, чтобы извиниться перед тобой. Мне кажется, я сделал что-то неправильное: при подъезде к Курску меня вдруг задержала траурная процессия. Я притормозил и поехал за ней, а затем, — будто черт меня дернул, — не обращая внимания на других автолюбителей, вывернул навстречку — и обогнал ее. Что ты скажешь, на сей счет?

Мне трудно было ответить ему сразу: потребовалось время чтобы сосредоточиться и обдумать случившееся. Я, добравшись до песочницы и, отдав ребенку формочки, предложил Михаилу присесть на ближайшую скамейку. Едва мы устроились, я немного помялся, и начал издали:

— Мы русские люди по своей природе отличаемся от людей Запада и не только менталитетом. Наверное, оттого большевикам в семнадцатом году удалось довольно быстро из нас сделать атеистов. Для народа, конечно, не для всего, этот шаг не был уж очень тяжелым. Однако мы не забыли о множестве бытующих у нас суеверий. Они нам достались из далеких времен язычества. Мы их впитали с молоком матери и без них никуда, — я взглянул на Михаила:

– Ты ведь не совсем уж и русский? Так? Я, прав! — и, не дождавшись от него ответа, продолжил: — А значит, можешь забыть об этом событии и не думать. Нет его и все тут! — Но видно этого было мало, мой товарищ, выслушав меня, отчего-то не воспрял духом. Он, поерзав на скамейке сказал:

– Ладно, постараюсь! Главное, во всем этом случившемся, чтобы без последствий для ребенка. С меня то, что с гуся вода!

Для того чтобы несколько смыть у него от поездки неприятный осадок, я рассказал Михаилу о забавном случае из своего детства: соседка баба Паша часто попадалась мне, тогда школьнику, с ведрами, не всегда с водой и я боялся, как бы она вдруг не перешла дорогу пустой, тогда двойки не миновать.

Мы посмеялись и разошлись. Прошло время. Я, пересекаясь с Хазарским, останавливался, заговаривал с ним, однако не видел в его глазах особой радости. И это было связано не с моими, случайными ничего не значащими встречами. Но, что странно, обычно он улыбался, а тут с мужиком творилось что-то непонятное. Я, это чувствовал. Меня так и тянуло за язык спросить у товарища в порядке ли он? Но, я молчал, а вдруг Михаил все еще продолжает мучиться из-за того обгона траурной процессии? Мое невольное внимание могло его всколыхнуть и напомнить о не приятном событии. Не следует влезать, захочет, сам обо всем расскажет, не преминет.

Однако, как после выяснится, я был близок к истине, но узнать мне о том будет суждено много-много лет спустя и уже не в СССР, а в совершенно другой стране, в РФ — Российской Федерации.

В жизни у каждого из нас хватает событий, на первый взгляд обычных ни чем не примечательных, но отчего-то знаковых. Они-то во многом и определяют нашу судьбу, судьбу наших близких и знакомых людей. О том мы начинаем сознавать лишь однажды занявшись анализом прожитых лет. Ну, например, выйдя на заслуженный отдых — на пенсию. Мои родители ни дня не работали сверх установленного законом срока, как не просило их начальство, какие льготы не предлагали, наверное, они понимали — оставшиеся года для того, чтобы разобраться в самом себе и поговорить с Богом, а не для праздного времяпровождения. Затем можно и уйти в вечность.

Глава 4

Мне знаком анекдот восьмидесятых годов прошлого века. Да думаю, что он многим известен. Гласит так, что по национальности все люди на Земле — евреи, но только не все о том знают. И те, которые не знают, живут плохо. Они не считают мир вокруг себя враждебным. У них нет в голове мыслей, что нужно приспособливаться, лезть из кожи и только тогда жизнь будет прекрасна.

У моей жены Марии отец был Ефим, дядька Иосиф, у меня, когда я забрался в Интернет и стал искать своих родственников в далеком прошлом, нашел очень много людей с чисто еврейскими именами: Илларион, Исаак, Давид и так далее. В посаде Щурово жили не только одни старообрядцы, но и много было евреев. Они в своей большей массе были сапожниками. Мои деды, дядьки, да и отец тоже занимались этим ремеслом. А еще некоторые из них клали печи. Тех евреев, которые из посада во время Великой отечественной войны не убежали, фашисты расстреляли на одном из Цегельников. Мои родственники уцелели и немецкую оккупацию пережили благополучно. Я не знаю пострадавших. Правда, тогда среди них специфических имен, исподволь указывающих на еврейскую национальность, уже не было. Сплошь одни Иваны.

У нас в заводском общежитии среди основной массы рус-

ских, работающих по лимиту, однажды случайно затесался еврей с непонятным именем Беник и, что очень странно, устроился на работу кузнецом в горячий цех, трудился неплохо. Парень прибыл в Москву из южных краев страны СССР. Причин, толкнувших его приехать за тысячи километров, я не знаю. Ну, не для того же, чтобы вместе со мной носить в журнал: «Юность» стихи и мечтать о том, что их однажды напечатают?

Моя кровать и его стояли напротив, Беник среди других ребят, — в комнате нас проживало шестеро человек, — в друзья выбрал отчего-то меня. Это ни о чем не говорило. Возможно, я был ему интересен, так как писал стихи, а еще он любил со мной разговаривать. Беседы могли длиться часами.

Этот мой товарищ, как все евреи, время от времени посещал синагогу и ему знакомые люди предложили невесту, дали адрес. Беник через справочную службу узнал, как проехать до ее дома, а затем долго приставал ко мне, уговаривал съездить вместе с ним на смотрины девушки. Я отнекивался, не было времени, он же отчего-то отправиться знакомиться самолично, страшился.

Однажды мы все-таки нашли возможность и стали собираться. У меня был выбор: из своих многочисленных костюмов я одел — бордо, с расклешенными брюками, а Беник ничего не придумал, как отправился в обычной повседневной одежде. Не помешало бы и принарядиться.

На тот момент, я работал инженером и уже подумывал о поступлении в аспирантуру. Однако не был женат.

Девушка жила с родительницей в двухкомнатной квартире. Она оканчивала институт и в будущем должна была стать вирусологом. Отличная специальность. От нее мы узнали, что отец уже был бы доктором наук, но погиб в ДТП. Мой еврей явно ей не подходил — не то образование.

Беник не мог правильно вести беседу, часто перескакивал с одной темы на другую, а еще был не сдержан в эмоциях. Мне приходилось сглаживать его промахи. Чего там говорить: простой рабочий парень.

Я не был женихом, но девушка, да и ее мать вдруг неожиданно уцепились за меня. Они отчего-то увидели во мне еврея. При прощании, женщины пожелали во чтобы то ни стало, снова с нами встретиться. Но я не приехал. Не приехал по причине того, что мой друг, то ли сам стал к ним ездить, то ли испугался и, видя симпатии девушки ко мне, неожиданно о женитьбе позабыл.

Не помню, наверное, еще тогда ко мне закралась в голову страшная мысль: а может, я отношусь к тем евреям, которые не знают о своей принадлежности и оттого мне живется не так как им, порой: ну, просто хреново. Этот вывод я сделал еще и из-за того, что меня на заводе на освободившееся место начальника лаборатории отчего-то не поставили, хотя по всем статьям подходил. А что, если мне подобно Винокуру родственнику жены Марии, занимающимся поиском своих

еврейских корней, нужно было попросту на всю округу заявить: я еврей, я еврей, я еврей и всего лишь.

Михаил Хазарский, по профессии был журналистом, работал в одной из известных московских молодежных газет. Я тоже одно время пробовал себя на этом поприще, правда, на порядок ниже — в заводской многотиражке, — месяцев пять был ответственным за досуг читателей, — собирал и редактировал материал для четвертой странички, а еще и сам не ленился, строчил изо дня в день и размещал статьи, как под своей фамилией, так и используя псевдоним.

Мое приглашение на работу было вызвано тем, что я посещал занятия литературного кружка, организованного при газете, занимался творчеством: писал стихи и рассказы, часто с ними выступал во Дворце культуры завода, а однажды, настрочив несколько небольших рассказов о передовиках производства — парнях с которыми однажды работал, был замечен. Они оказались очень удачными и были опубликованы. Сразу же, после очередного занятия литературного кружка, меня вызвали к Главному редактору заводской газеты.

Я помню то волнение, которое испытал, когда постучался в его кабинет и, получив в ответ:

– Да-да! Войдите, — открыл дверь.

В небольшом помещении за большим двух тумбовым столом старой работы, спиной к окну, сидел довольно обычный человек, правда, в добротном костюме и, указав мне на стул,

предложил присесть.

Газету курировала партийная организация завода. Тогда все средства массовых коммуникаций, не только печатные издания, но и кино были под контролем коммунистической партии Советского Союза. Ленин, основатель СССР, был умный человек, он знал, что делал и не зря из всех искусств особо выделял кино. Это своего рода «наглядная агитация».

Сейчас у нас никто на государственном уровне не занимается медиaprостранством все пущено на самотек. Оно отдано «торгашам». Ладно, газеты — их никто уже не читает, — но, взять хотя бы Интернет, что там только творится. «Крышу» враз может снести. Наша ошибка в том, что мы не там «гуглим» — ищем, а если там, то нам все еще доверчивым не тот материал подсовывают. Нашими «советскими мозгами» заправляют — на малых экранах — Ютуб, а на больших — Голливуд. Идеология, исходящая от США нам не нужна! Я думаю, что давно настала пора во всем этом разобраться и снова отдать средства массовых информации в управление, правда, не одной отдельной партии — КПСС, как это было, а нескольким большим, участвующим на выборах во властные структуры.

Что я выяснил для себя: Главный редактор был человеком продвинутым — читал труды Ленина, понимал политику партии нашего государства. Для начала этот довольно обычный на вид человек, сообщил мне о том, что наше предприятие посетил известный писатель-коммунист из США

Майкл Дэвин и дал мне почитать его письмо к трудящимся завода, а затем поручил написать о нем статью. Я был ошарашен, не знал, что и ответить, в знак согласия лишь кивнул головой.

После начался расспрос: имя, отчество, фамилия, должность, в подчинении кого я нахожусь. И лишь только я сообщил как зовут начальника отдела тут же услышал:

— Я должен буду ему позвонить. Он будет приглашен на партком, и мы ваше временное отстранение от работы уладим. Зарплату, ту, которую вы получали у него, мы сохраним, вы ее будете получать в своем отделе, а еще — в зависимости от ваших успехов, я от своего имени, время от времени, буду выписывать премию. Я думаю, вы останетесь довольны, — он помолчал, а затем вдруг неожиданно спросил:

— Да и еще, у меня один простенький вопрос, вы по национальности кто? Ну, это если не секрет!

— Не знаю! — ответил я и опустил глаза: — По паспорту русский. — Тогда в документах СССР прописывалась графа о принадлежности человека к тому или иному этносу. А еще, мне на тот момент был известен анекдот о том, что все люди на земле евреи.

— Это, хороший ответ. Он, меня устраивает, — сказал редактор и полез в ящик стола, достал бутылку с вином и два стакана. Тут же налил их доверху и неожиданно предложил мне выпить за мое новое назначение. Я взял стакан и аккуратно, — он был полон до краев, — чтобы не разлить крас-

ное, как кровь вино — залпом выпил. Он тут же вышел из-за стола, и мне бросилось в глаза во всем его виде что-то еврейское, хотя по фамилии этот пожилой человек явно был татарин. Главный редактор тут же пожал мне руку. Затем, похлопав меня по плечу, выпроводил из кабинета.

— Завтра, я вас жду на новом рабочем месте!

На следующий день я стал работать в газете и первым делом принялся выполнять задание Главного редактора. Через неделю мой материал об американском писателе-коммунисте вышел на первой странице газеты. Для того чтобы заинтересовать читателей я использовал его книгу о Советском Союзе. Она мне попала на глаза в ближайшем магазине, расположившемся напротив завода, далеко ходить не пришлось. За нее меня лично поблагодарил Главный редактор.

Обстоятельства сложились так, что я мог из разряда внештатных сотрудников войти в состав редакции, так как работник, которого я замещал, получил инвалидность и ушел на пенсию. Я бы, наверное, остался, но не помню уже кто, однажды отозвав меня в сторонку, сказал: «Я слышал, ты хочешь быть писателем, — мой тебе совет: — сто раз подумай, не лезь в журналистику. Увидишь, пройдет время, и ты забросишь свое писательство. Не до того будет. Тебя заест текучка».

Поразмыслив, я ушел из газеты. Мне стало жалко долгих шести лет, потраченных на учебу в институте. Я был «технар» — специалист неплохой, на заводе меня ценили и со

мной считались. А еще, я на тот момент хотел уйти в науку, было желание. Мне, трудно судить, каким бы я мог стать журналистом. Да, я бегал в МГУ, — меня устроил в этот университет Главный редактор газеты, — на ускоренные курсы, получал там знания. Хотя лекции читали маститые профессора, но этого было недостаточно и оттого уверенности у меня, что я могу достичь больших высот в журналистике, не было. Настрой у меня был совершенно другим. Мне хотелось писать книги.

Главный редактор газеты, узнав, что я намерен уйти, вызвал меня к себе в кабинет для последнего разговора:

– Семен Владимирович, я тебя уважаю и прошу прежде хорошо подумать. Хочешь, я зачислю тебя в штат? — И тут же в полголоса проговорил: — Правда, я это место уже обещал другому.... Ты знаешь кому, — помолчал и продолжил: — А-а-а, никуда он не денется. Те люди, которые ждут годами, могут подождать и еще не один год, — и тут же полез в стол: — На чистый лист, ручку, пиши заявление.

– Нет! Нет! И нет! — ответил я и, сглотнув слюну, продолжил: — Я не хочу, чтобы вы из-за меня чувствовали себя неловко. — У меня была и другая причина: мне в моем отделе поставили жесткие условия. Держать за мной долго место никто не намерен был. Я тогда работал старшим инженером. У меня в подчинении были люди. Одна из них Леся. Они за меня были горой и из отдела отпускать не хотели.

– А еще, этот человек, претендент на освободившееся ме-

сто. — я не назвал его имени, — можно сказать, за то небольшое время моей работы в газете стал для меня наставником. Я не смогу, находясь рядом с ним, смотреть ему в глаза?

Мне удалось тогда без скандала вернуться в отдел. За счет этого я и продвинулся в очереди на квартиру: за меня хлопотал сам начальник отдела, иначе бы для меня, для Марии и нашей дочери не было бы — 1984 года. Жизнь была бы совершенно другой. И не знаю, нужна ли была такая жизнь.

Однажды, Хазарский, узнав о моей работе в многотиражке и о том, что я пописываю рассказы, смеясь, сообщил:

— Ну, ты весь в меня. Правда, с некоторыми отличиями. Я тоже как ты люблю писать, меня тянет, даже как-то хотел записаться за роман, однако отчего-то постоянно не хватает времени, о чем очень сожалею. — Что я еще узнал из биографии своего нового товарища: он закончил на отлично спецшколу с углубленным изучением английского языка, а вот институт выбрал не тот.

— А все из-за того, — сказал Михаил, — послушал мать. Она очень хотела, чтобы я стал журналистом-международником. Я пока им еще не стал и не знаю удастся пробиться или же нет? Мне нужно было бы учиться в литературном институте. А то, что получается? Все мои рассказы за исключением ранних, больше напоминают статьи или же эссе. А в последнее время и вообще ношу, ношу мысли в голове, хочу присесть за стол, излить на бумагу душу, но как-то не получается, то одно отвлекает, то другое.... А затем через день-

другой все неожиданно куда-то и выветрилось. Будто и не было. Вот так!

Я, выслушивая своего нового товарища, часто подбадривал его. А однажды, не удержавшись, сказал:

— Да не переживай ты так. Какие наши годы. Все еще впереди. — А он не удержался и похвалил меня за то, что я поступил правильно. Журналист, это журналист и с писателем его ни в коем случае путать не следует. Я думаю, придет время и дождусь от тебя хороших книг, — помолчал и в раздумье произнес: — Ты, наверняка, что-то пишешь, этакое большое, серьезное? Роман или же большую повесть. Если не секрет, что?

— «1984»!

— Это, что, такое название? — спросил Михаил и серьезно, как-то по-особому взглянул на меня.

— Да, — ответил я.

— Ну, ладно, хорошо, но я уже где-то такое слышал, — сказал он в раздумье. Я не стал отвечать, где и с чем это название связано. Это моя книга и в ней мои события, мои мысли, не чужие. Его ассоциации пусть останутся при нем. Он умный, сам догадается. Времени для того у него достаточно.

— Ты напишешь, этот свой «1984»! — продолжил Хазарский: — Я уверен в том, а вот от меня — каких-либо творений, не жди! Не бывать такому. У меня в последнее время даже при работе над рассказом возникают проблемы и не только из-за недостатка времени. Мое любопытство все

более становиться журналистским, а не писательским: на до мной довлеет несовпадение интересов присущее этим двум профессиям. Оттого мне иногда бывает не по себе, особенно на работе. Я часто, склонившись над рабочим столом, просто боюсь, что в какой-то момент из-за недостатка информации могу, невольно, не заметив того скатиться к обычному художественному вымыслу. А этого при написании статьи, ну никак нельзя допускать.

Моя жена трудилась в библиотеке, и я мог читать хорошие книги. Это, уже после она ушла вместе с дочерью и сыном в школу, поменяв свою работу. В том была необходимость. А тогда я был наисчастливейший человек, так как за этими хорошими книгами «выстраивались» большие очереди, другими словами, нужно было записаться. За очередью следили общественники. Взять ту или другую книгу, минуя их, нечего и думать. Однако для Марии это не было проблемой, а значит и для меня.

Однажды, встретившись с Михаилом у дома, я не удержался и предложил ему для ознакомления почитать одну из новинок нашего прозаика Ильи Штемлера, по манере письма, очень смахивавшего на Артура Хейли. Он обрадовался, и этот мой поступок послужил последующему обмену книгами.

Одним из первых, в нашем кругу, я прочел книги Пастернака, Солженицына, Довлатова и других опальных в СССР писателей. А однажды он принес мне книгу Джорджа Ору-

элла: «1984». При этом товарищ, взглянув на меня, хитро улыбнулся. Мне стало понятно: он догадался. О романе Михаил высказывался очень лестно, правда, не вслух, а шепотом. Она, считал он была написана о нашей стране — СССР. Я, прочитав книгу, запротестовал и не шепотом, как он, а громко.

— Михаил, да она написана об Англии. Название: «1984» — случайно. Это перевертыш последних двух цифр. Его дало издательство. Ты бы сел за написание книги, не имея названия? — Я взглянул на товарища и продолжил: — Я бы, нет. — Помолчал. — Нет названия, значит нет и книги.

— Да-а-а, ты тут прав! — неторопливо ответил мой товарищ: — Но, я думаю, что оно у него было. Он им просто не афишировал. «1984» — это, не название. Название: «Старший брат смотрит на тебя» или что-то подобное. Книга же вышла после смерти автора, а это многое значит.

Я чувствовал, что Михаил чем-то озабочен. Он не хотел предо мной открываться. Я на него не давил.

— Михаил, я от этого Оруэлла просто в ужасе, сколько дурн сидело в голове этого в прочем неплохого писателя. Надо же такого наворотить, хорошо, что это все на бумаге, а не в жизни. Уму непостижимо. Я понимаю, что он эту свою галиматью писал в тридцатых-сороковых годах нашего века, когда над Великобританией никогда не заходило солнце. Чем тебе не страна — «Океания»? А еще Англия, на тот момент имела большую государственную собственность. Отсюда —

он вывел англсоц. — Я немного потоптался у подъезда и, видя, что мой товарищ несколько озабочен и не собирается уходить, продолжил:

— Ты, хорошо, понимаешь, государственная собственность в капиталистической стране ни в коем случае не общественная, хотя, по сути, является таковой. Ни для кого не секрет, что значительная часть населения нашей страны тоже ее не считают своей, а должны. Мы говорим «о советском человеке», но его еще пока нет, не созрел. Отсюда твоим Оруэллом не зря придуман «старший брат», у которого ничего не утащить. А он не нужен, достаточно иметь определенное сознание и конечно, при этом еще и изобилие. А оно возможно при искусственном интеллекте и полной автоматизации процессов производства. У нас в стране есть специалисты. Они обращались еще в шестидесятых годах к Никите Сергеевичу Хрущеву с предложением доверить им верстку Госплана с помощью ЭВМ. Не разрешил. А зря! Было желание обкатать систему этих специалистов в Чили, но Луис Корвалан, выбранный народом президент, был свергнут, и на его место пришла хунта. Вот так! А сейчас мы на грани больших перемен. То ли капитализм рухнет, то ли.... — я замолчал, не договорив. — Он, тут же усмехнувшись, сказал мне, глядя прямо в глаза:

— Семен, успокойся не кричи на всю улицу, не нужно, ты уж лучше над очередной книгой Ильи Штемлера посиди. Это литература, разрешенная, и может быть использована

для домашнего чтения. — Сам же Михаил отчего-то интересовался Оруэллом. На мое предложение прочитать Замятина: «Мы» — книгу, которой когда-то увлекался Джордж или же найти что-нибудь из книг его товарища Олдаса Хаксли. Ну, например, «О дивный новый мир». Журналист отчего-то отнекивался.

Я не хотел замечать изменений, которые происходили в голове у Михаила Хазарского, даже однажды на вопрос соседа грузина по площадке, напоившего меня чачей, — не пить было неудобно, — «А че этому еврейчику от тебя нужно?» — удивленно, будто не зная воскликнул: «А че он еврей?» — И уж затем: — «А пес его знает!» — задумался. Однако не раскрылся. Не было у меня желаний обсуждать с посторонним человеком, хлебосольным соседом, — моего товарища. Мне на тот момент по непонятной причине его отчего-то было жалко.

Увлечение Михаила мне стало понятно несколько позже, когда стала рушиться наша страна. Не запросто так из страны выперли Солженицына, да и Довлатова, и многих других? Им чтобы уехать, нужны были очень значимые аргументы. Не знаю, как где? Наверное, при переселении в Палестины у евреев в семидесятые годы прошлого века, отъезжающих из СССР, не было необходимости охаивать страну, а вот при желании жить в США, они уж точно были обязаны кинуть вслед на наши головы увесистый камень. У многих моих знакомых писатель: «Одного дня Ивана Денисовича» и сейчас

по прошествии многих лет вызывает чувство брезгливости. Вначале он предал свой народ, страну, а затем вдруг из-за необходимости вернуться назад, объяснился, отчего так сделал. Довлатов тот пошел на поводу у своей жены. Та, возможно, что-то плохое говорила в американском посольстве о нашей стране, а он несколько с запозданием отъехал следом за своей супругой, как довесок. Шлеп и там. Ему писать свои рассказы, как и пить горькую, было все равно где. У меня вопрос? Он, что влился в американскую культуру? Нет! Да и многие другие, отъехавшие на ПМЖ «за бугор», не добились больших успехов. Эти, некоторые всего лишь исключение, не более того.

Жить в разваливающейся стране тяжело, особенно тем людям, для которых СССР была родина и не родина. Не зря же китайцы говорят: «Не дай Бог родиться в годину перемен». Мне памятен «Чернобыль», тогда здорово бабахнуло на АЭС и задело близлежащие города, окутав их радиоактивной пылью. Из зараженного Гомеля — белорусского города, престижного среди евреев их выехали десятки тысяч, большая часть в Израиль. Я не обвиняю евреев. У них есть своя родина — Палестины и они в других странах, да и в СССР большей частью были и есть хорошие приспособленцы. Не зря же им за это от всех народов и достается. Здесь можно вспомнить Европу. Она выкосила два израилевых колена. Наиболее известное, уничтожение евреев произошло во времена Адольфа Гитлера, называемое: Холокост. Десять

колен, переселившихся в Хазарию, лишь и сохранились, затем в который раз «водою растеклись» по всем западным странам, заполнив бреши — города и другие большие селения. То, что Михаил Хазарский готовился что-то предпринять, я узнал, когда он однажды спросил у меня:

– Семен, мне неудобно, но я все порываюсь задать тебе вопрос: ты по национальности, случайно не еврей?

– Национальность у евреев определяется по матери, так? — спросил я и взглянул на приятеля.

– Да! — ответил Михаил.

– У меня ситуация, следующая: моя родительница из села — хохлушка, то есть русская, но из приграничья, которое всегда было хитрее русаков из глубинки. А еще, скажу не в обиду, да ты и сам знаешь эту пословицу, что, когда родился хохол, еврей плакал. Наверное, я в мать, хотя мой отец — москаль, он старообрядец, как и дед, и его прадед. Этим все сказано. Так, что не обессудь!

То, что Хазарский был у себя на уме, я понял сразу. Однако я тоже был непрост. Правда и время тогда было нехорошее, впору не перекрестившись из дома не выходить, люди болтали о какой-то перестройке. Один мой товарищ со слюной на губах утверждал, что после перестройки непременно нужно ждать перестрелку. Так в будущем и случилось. Не зря же танки стреляли по «Белому дому».

Сын Михаила и Марии — Ефим в детский сад не ходил. Не знаю, с чем это было связано. Может они не хотели, что-

бы он подобно деревцу пускал корни в землю СССР, а уж затем в РФ — Российской Федерации. Ладно, они взрослые люди к трудностям им не привыкать, нужно будет — потерпят, а какого в новом мире неприспособленному ребенку? Не дай Бог ему жить в другой стране, которая должна стать родиной и не прослыть в окружении мельтешащей детворы отщепенцем.

То, что я уловил незримые перемены в стране, озадачило моего товарища. Он стал реже попадаться мне на глаза. Зачем? Я же не был евреем, уезжать не собирался, а значит и нечего со мной обсуждать то, что меня не касается. У меня в голове промелькнуло сходство интеллигента Михаила с соплеменником работягой Беником, с которым я жил когда-то в заводском общежитии. Нет не внешнее. Тот был, ну очень южных кровей, чем-то похож на азербайджанца, а Михаил на европейца. Дело в том, что, когда работяга, из далекого юга России перетащил в столицу своего брата и устроил его на наш завод, он отодвинулся от меня, я бы сказал, обособился: «Два еврея это организация». Это не мои слова. Я просто стал не нужен Бенику. Правда, ненадолго, до тех пор, пока его брат однажды не стал выпивать, прогуливать на работе и начальство поставило вопрос об его увольнении с завода. И вот этот самый Беник приткнулся, принялся жаловаться на брата спрашивать у меня совета. Наша дружба вновь возобновилась. Чего-то подобного я ждал и от Хазарского. И дождался все произошло, как и следовало должным образом.

Михаил, не знаю, случайно или же по другой причине, вдруг попался мне на глаза: наши пути снова пересеклись. Он долго тряс мне руку, а затем с жаром описывал свою сотую поездку к бабе Циле в Курск, на малую родину и я должен был ему, в который раз посочувствовать.

— Там у меня родня и не только... Хочется со всеми встретиться поговорить. Мы ведь близкие люди.

Он готовился к отъезду и его жена, и их дети, и их родители, и тетки, и дядьки и уперлась лишь одна эта самая родительница Михаила — баба Циля: — «Не поеду и все тут! Я выросла не в Америке, здесь в СССР. Я не предаю страну». — Она осталась. И не только она. Был еще один не согласный, я уже не помню кто? Возможно, двоюродный брат Михаила. Хотел остаться с бабой Цилей и внук — Ефим. Но кто его будет слушать, а тем более следовать воле несмышлениша?

На уговоры своей матери, — Михаил безуспешно потратил целый год, — ему пришлось остаться и отправить своего мальчика учиться в первый класс не США, как того хотелось, а в школу России. Правда, Ефим Хазарский был устроен в престижное частное учебное заведение. Тогда такие школы только начали организовываться. За обучение в них нужны были немалые деньги. Деньги для евреев, не проблема. Сколько нужно было столько и заплатили.

Я и Мария свою девочку отправили в специальную школу с углубленным изучением английского языка на тот момент

бесплатную. Хотя что-то платить в первом классе пришлось. Для поступления дочери в школу, мы ее готовили. Маша у нас умела считать до двадцати, складывать и отнимать числа, решать несложные задачки, читать и не только на русском, на английском тоже.

Для поступления мы потратили немало времени. Вначале она, сдав экзамены в одной школе, не прошла по конкурсу, затем мы отправились в другую, там нам, несмотря на хороший результат, отказали из-за боязни обострения пиелонефрита: незадолго до этого дочь переболела этой болезнью и стояла в поликлинике на учете. Лишь только в третью в нескольких остановках от дома мне удалось Машу устроить. Она успешно сдала экзамены и вошла в пятерку лучших претенденток на зачисление. Поездки из одной школы в другую не прошли даром. Иначе бы ей не поступить.

Мне памятен день — Первого сентября. Я даже снял фильм на видеокамеру и после много раз прокручивал. Сын пытался наш накопленный за годы видеоматериал оцифровать, но при пожаре это все, если не сгорело, то потерялось. По-хорошему следует найти время и заняться поиском его на чердаке добротного каменного дома в Щурове куда было многое свезено.

Тема Гулишвили, Света дочь медсестры отправились учиться в обычную школу, через дорогу от дома.

Мы уже думали, что праздновать день рождения дочери будем без Ефима Хазарского, но нет, в проеме двери я вдруг

неожиданно увидел его вместе с матерью, он нес Ене подарок. Это меня успокоило. Зря Михаил бегал, суетился: ничего у них с отъездом в США не получится. Мальчик закончит первый класс, затем второй, третий и так далее. Но нет. Лишь только Ефим окончил учебный год, они, махнув рукой на бабу Цилю, засобирались. В какой-то миг выяснилось — Валька Гулишвили — оказалась наиболее близкой подругой Марии — супруги Михаила, а не моя жена. Оно и понятно: их квартиры находились рядом. Не зря же однажды, когда Мария ездила к бабе Циле — матери Михаила, уговаривать ее поехать в США вместе с ними, он столовался ни где-нибудь — у нее.

Гулишвили бегала по друзьям и знакомым, предлагала им вещи Хазарских. За несколько месяцев многое из квартиры было продано. Кое-что по мелочи они раздали. Моя жена притащила на память пиалы, туески и какие-то баночки для сыпучих продуктов, а еще мне пришлось однажды подняться к ним на этаж и забрать раздвижной диван-кушетку. Мы ее поставили в нашей большой кухне, правда, после, заметив клопов, я пока они не распространились по всей квартире, матрац тут же выбросил на помойку и заменил его другим — своим, а еще щедро поработал баллончиком с химией. Этот диван-кушетка сыграла важную роль в жизни Ефима — сына Михаила и Марии Хазарских.

Глава 5

Что можно сказать о восьмидесятых годах прошлого века? Много и ничего. У людей были такие же требования, как и сейчас: стремление получить образование, устроиться на престижную работу, удачно жениться или же для девушек выйти замуж, обзавестись хорошей семьей и уютной квартирой, растить детей и заниматься их воспитанием. Правда, всего этого они желали достичь трудом, а не выиграв в лотерею или же удачно кого-то надув. Халява была не в почете.

Я работал и получал высшее образование. На должность специалиста я был приглашен, еще обучаясь на втором курсе института. У меня не было опыта работы. Это тогда было неглавное. Меня вызвал к себе в кабинет Юрий Алексеевич проректор института, доктор технических наук, и потечески, он был, как и мой родитель, фронтовик, долго со мной разговаривал: узнал обо мне буквально все и, поправляя протез, — у него на войне оторвало руку, — неожиданно предложил должность инженера на заводе закрытого типа — «почтовом ящике», производящего для «оборонки» электронику.

— Вы справитесь. Я, в вас уверен, — сказал он. Однако мне тогда пришлось, скрипя сердцем, отказаться, — жилье, я бы себе нашел: пожил у тетки, главное, что не позволяло мне уйти с работы: не было постоянной московской прописки. А

это тогда многое значило. Предприятие, закрытого типа ее не давало. На нем трудились одни москвичи, приезжих со стороны не было.

Второй раз мне была предложена должность инженера непосредственно у себя на заводе. Я тогда учился на пятом курсе. Мне оставался еще один, — и, затем защита дипломной работы. Начальник лаборатории одного из отделов предприятия узнал о том, нашел меня потного, разгоряченного, бегающего вокруг агрегата — конвейерной печи в термическом цеху и пригласил после смены обязательно зайти к нему в кабинет. Я разыскал его, блуждая по длинным коридорам и расспрашивая у всех людей, попадавшихся мне на пути. Мне это не представило особого труда, хотя завод был огромен.

Полноватый мужчина, ненамного старше меня, лишь только увидев мой контур в проеме двери обрадовался, оно и понятно, он искал специалиста, способного заменить неуживчивую женщину старшего инженера, часто выводившую из себя не только его, но и начальство отдела.

— О, заходите, присаживайтесь, — он указал мне на стул: — Я, Анатолий Никитич, а вы как мне стало известно: — Семен Владимирович. Я, знаете, не поленился, сходил в отдел кадров и ознакомился с вашим делом. Меня в вас все устраивает. Я готов взять вас хоть сейчас. Но есть определенные процедуры, через которые вы должны пройти. Я сам когда-то был в вашем положении, понимаю. Не бойтесь. Все так начинают. Для начала я вас Семен Владимирович «прогоню»

по всем лабораториям отдела, вы кое-чему под научитесь, а уж затем — за работу. — У меня тогда в связи с переходом из рабочих в инженеры зарплата упала. Однако я не унывал: инженерских должностей с большими окладами было предостаточно, нужно лишь только себя проявить, а затем найти хорошее место. Для этого в Москве были все условия: я могу перечислить множество предприятий только в одном нашем районе, вот некоторые из них: автогигант грузовых автомобилей, так называемый ЗИЛ, АЗЛК — завод по производству легковых машин, подшипниковый завод, сталелитейный завод «Серп и Молот», много отраслевых научно-исследовательских институтов и всевозможных других заведений. И всем им требовались знающие специалисты. Давай дерзай, ищи себя.

Я, искал. Правда, если работы в тот момент хватало везде, даже в Щурово, то магазинов явно было недостаточно — очереди доставали. Тем не менее, у каждого советского человека к кому не зайти в дом, полки в холодильнике ломились от изрядного количества продуктов.

Парадокс, да и только. Однако, ничего здесь фантастического не наблюдалось: купить все можно было, когда основная масса людей находилась на работах. Большинство их трудилось в первую смену. А кто во вторую, те утром бегали по магазинам или те, кому нужно было выходить на работу в ночь.

Заготовкой продуктов и покупкой промтоваров обычно

занимались женщины, хотя и мужчины не упускали возможность что-нибудь прикупить по дороге с работы домой. Но прекрасному полу особенно, находящемуся в декретных отпусках или же по уходу за детьми это было сделать проще. И они такую возможность не упускали. У магазинов часто можно было увидеть оставленные с детьми коляски. Женщины, толклись в очередях и время от времени выбегали проведать своих отпрысков: спят, не плачут? Совмещали, как тогда говорили, полезное с приятным.

Из всех подруг Марии, в умении достать нужный детский товар, наиболее преуспевающей была Валентина Гулишвили. Она часто выручала мою жену. Не раз предлагала ей что-нибудь из одежды или же обуви для дочери. У нее были мальчики, возможно, она завидовала моей жене. О-о-о с каким умением эта женщина раскладывала перед Марией различные супермодные платица. А еще, если размер одежды не очень подходил, эта самая Валька могла сесть за Подольскую швейную машину и в момент ее подогнуть. У нас была такая. Жена и сама или же под присмотром подруги, время от времени тоже строчила.

Другая картина сейчас: магазины на каждом шагу, каких только нет, достаточно понастроено гипермаркетов, правда, и очереди никуда не ушли и днем, и порой даже поздно вечером. У касс «народ» как стоял, так и стоит. Но вот с устройством на работу невероятные проблемы, на хорошую должность не попасть. Даже, окончив институт, ты никому не ну-

жен. Знакомые мне люди ни разу не попробовавшие себя в профессии вынуждены и работают совершенно не по специальности на должностях «принеси-подай», и ничего не поделаешь: без опыта работы никто из работодателей их не берет. Это же нужно «натаскивать», а кто хочет? Никто! Да и предприятий многих уже нет, они разрушены. Москве в основном требуются охранники — люди с широкой «задницей». В наше время это была работа для пенсионеров. Молодых людей тогда привлекали рабочие профессии: токаря, фрезеровщика, наладчика станков, слесаря, термиста, кузнеца, литейщика, электрика, сварщика — всех специалистов нужных производству и не перечислишь. Это было связано с тем, что основная масса людей требовалась для работы на заводах и фабриках, а не в сфере обслуживания. Наш «продукт», в широком смысле слова, в настоящее время очень дорог, к тому же плох и оттого почти не производится, проще не корячиться и все необходимое завезти из Европы, Азии и Америки. Правда, такое положение всегда чревато последствиями и в любой момент из-за нашего неповиновения — плохого поведения руководства страны может сказаться на грузопотоках товаров из вне. Они могут вдруг, снизиться, а то и совсем прекратятся. Для того и существуют санкции.

У меня проблем с трудоустройством никогда не было. Из института я, сдав экзамены в аспирантуру и отчего-то не пройдя по конкурсу, — неожиданно на мое место влез другой, не знаю, чей протеже, — тут же ушел в другой НИИ.

Не раз приглашали. Были и причины такого перехода: я с работниками из этого института познакомился еще на заводе и заслужил у них хорошую репутацию. Мне тогда в НИИ дали должность научного сотрудника с повышением оклада. Она была намного значимее, чем должность старшего инженера: для продвижения по службе тогда был важен научный стаж, просто необходим. А еще мне назначили через Ученый совет руководителя диссертационной работы, хорошего моего знакомого. Я стал посещать без отрыва от своей основной деятельности лекции и готовится к сдаче кандидатского минимума. Тему мне дали не менее интересную: я, уйдя от изучения титановых сплавов, снова стал заниматься легированными сталями. Это направление мне было ближе.

На новое место работы я вышел, не отдохнув даже дня: тогда ценился непрерывный стаж, он давал преимущества в работе, да и влиял при уходе на заслуженный отдых на величину пенсии. А еще в НИИ была «запарка» — не кому было поехать в командировку на Минский автогигант, я же вызвался отправиться едва переступил порог института. Это довольно быстро решило мою участь.

Я легко сходился с людьми, любого ранга, даже с незнакомыми. Здесь нет бахвальства. О том не преминул мне сказать мой минский дядя профессор Белорусского политехнического университета, доктор юридических наук, когда я однажды вовремя командировки остановился у него.

Мне необходимо было тогда договориться с руководством

завода филиала в Жодино и только что месяц назад, с успехом сданную институтом, предприятию установку по закалке токами высокой частоты гильз двигателя Маза, вернуть. Нет, не навсегда — на время показа ее на ВДНХ.

Представьте, я нашел нужные слова и мне дали возможность забрать ее и отвезти на выставку.

Ожидая прихода транспорта: машину из Москвы, я познакомился с этим небольшим городом. Меня поразили люди. Одна из его жительниц взошла на пьедестал. Это был памятник Матери, прощающей со своими сыновьями, уходящими строем на фронт, выполненный из бронзы. Младшенький — пятый в последний раз оглядывается на родительницу, понимая, что они уже домой, никогда не вернуться.

Эта композиция и сейчас по истечению многих лет стоит у меня в глазах.

Установку, которую я привез из города Жодино, мне пришлось затем и представлять на выставке. Я был оформлен от института стендистом. Что интересно: на выставке я неожиданно столкнулся с нашим генеральным секретарем ЦК КПСС — Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Он тогда воочию показал, на что способен. До него я никого не видел из высокопоставленных чиновников способных на такие неординарные поступки. Обычно люди шли строго по красным ковровым дорожкам, останавливались, смотрели, спрашивали у специалистов стендов о представленном оборудовании, выказывая свой интерес. Или же проходили ми-

мо. Этот же неожиданно рванул с одного сегмента показа на другой. Я еле успел отпрыгнуть, дать ему дорогу. Сдвигая все заградительные сооружения и валя на пол столбика с натянутыми между ними ленточками он перешел с одной линии на другую и, разглагольствуя, продолжил свой путь. Его свита тоже, следом за ним. Наверное, это происшествие, рассказанное однажды мной Хазарскому, заставило моего товарища усомниться в прожектах, источаемых нашим неугомонным руководителем. Речам генерального секретаря о гласности, о перестройке экономики и о прочей дребедени он перестал верить и тут же обратился в американское посольство, занявшись оформлением нужных на выезд бумаг. Он же не совсем русский и оттого, наверное, нутром почувствовал надвигающуюся на страну опасность. Это чувство у всех евреев как бы оно глубоко не находилось внутри, никогда их не подводило, да и не подводит. У нас нет других Палестин. Родина у нас — СССР, а сейчас Россия. Мы здесь выросли и нам здесь умирать. А ему это все зачем?

В отличие от знакомства с Михаилом Хазарским, с Эдуардом Гулишвили — мужем Валентины — еще одной подруги моей жены я сошелся не сразу, — наша встреча была вызвана чисто утилитарной необходимостью: модой на меховые головные уборы. Я тогда носил шапку из кролика. Это было не очень престижно, и отец, когда я однажды находился в Щурово, передал мне бобровые шкурки.

— Знаешь Сеня, — сказал он, — я не смогу их выделать,

хотя у меня есть опыт, не раз делал, но для работы нужны химикаты — квасцы, — сейчас мне их достать не под силу, частным лицам не продают, — поищи там в своей Москве. У твоей жены есть хорошая подруга Валентина, ее муж директор ателье, он занимается подобными работами. Да, еще одно. Не забудь, предупреди: со шкурками нужно работать аккуратно, а то можно сжечь. Зверьки добыты несколько не вовремя.

Я через Валентину договорился с ее мужем. Для этого мне вечером, возвратившись с дочерью из детского сада пришлось задержаться у дома. Я дождался с работы жену, а уж затем подошла Мария с Ефимом и Валентина с Артемом. Дети тут же принялись играть в догонялки, а мы в ожидании Эдуарда болтали языками.

Он приехал на «Жигулях» и как только припарковал напротив дома свою машину, тут же подошел к нам.

Эдуард, был обрусевшим грузином, языка своего и обычаев он не знал, иначе бы не женился на русской. У детей грузинской семьи, проживавшей на нашем этаже, все дочки вышли замуж исключительно за грузинских парней. Валентина о своем грузине однажды сказала, что ее муж такой же грузин, как она чукча и в какой-то мере подруга жены была права. От грузина у него остались лишь амбиции.

Парень, улыбнулся и, тут же извиняясь, для знакомства, подал мне в пятнах краски свою руку:

– Не отмываются, — сказал он, — сколько не мой, не три

щетками, никакого толку, даже «химия» не помогает. Я пробовал. — Эта, он тут же показал другую руку — не лучше, такая же, хочешь ее пожми.

Высокий, худощавый, Эдуард вел себя не очень солидно и излишне передо мной лебезил. Я так думаю, он был таким же и с другими людьми. Это его стиль общения с клиентами.

Мы поговорили, я не забыл передать ему слова своего отца и лишь после вручил сверток, — завернутые в газету шкурки для работы, после чего мы еще немного постояли и расстались.

Валентина при мимолетных встречах, когда я спрашивал у нее, как продвигаются работы по пошиву моей шапки. Эдуард должен был не только выделать материал, покрасить, но и сшить мне головной убор, отвечала:

— Ишь, ты какой приткий. У них в ателье все очень строго. Нужно подождать, а сколько: я не знаю. Заказ, этот сам понимаешь у него «левый». Он его делает тайком в свободное от работы время. — Одним словом прошло много месяцев, но он мне так ничего и не отдал ни шкурок, ни шапки.

Отец, узнав, что мне так и не ходить в дорогой шапке, в сердцах сказал:

—Сеня, это же бобер. Шапка из него на вес золота. Наверняка, кто-то, может даже сам депутат, этому твоему знакомому — директору ателье, — несказанно рад, оттого, что ходит зимой в твоей шапке и в ус не дует, — затем он помолчал и продолжил: — Или же зря твоя жена мне его хвалила, он

не такой уж и специалист.

Я, после из слов отца выбрал для себя вторую версию: меховая шапка жены, однажды покрашенная им, недолго продержалась, через год стала вдруг терять цвет. А это не профессионализм. Правда, брак Эдуарда, нисколько Марию не смущал, ее отношение к подруге ничуть не изменилось. Моя жена в тот момент Валентине чуть ли не в рот заглядывала. Было отчего. Гулишвили — москвичка, а она кто такая? Всего-навсего провинциалка и глубинки, да и только.

Валентина, Эдуард и их сын Артем жили в среднем подъезде дома в малогабаритной двухкомнатной квартире на двенадцатом этаже. Вместе с ними жила и мать молодой женщины. Жилплощадь была приобретена за ее счет и на ее имя. Родительница занимала одну из комнат — большую, правда, порой часто и подолгу пропадала. Дочь она вырастила сама и, отдав ее замуж, теперь брала от жизни все: пыталась обзавестись мужем. Молодых это устраивало. Особенно Эдуарда. Тещу он попросту побаивался, возможно, это являлось одной из причин его частых задержек на работе.

Однажды, мы стояли у дома и разговаривали, наши дети гуляли рядом: носились друг за дружкой. Неожиданно появилась мать Валентины, выйдя из подъезда она едва двери закрылись, отряхнувшись, будто от грязи, возмущенно выдала:

– Ну, надо же! Ну, ни нахал. Вон-вон пошел. Мне, солидной женщине — матери взрослой дочери, в лифте говорит:

«Девушка, а девушка, можно я вас за сисечку потрогаю». Нахал, просто нахал!

Женщина выглядела лет на тридцать пять-сорок, дочь свою родила лет в шестнадцать, ну может чуть в большем возрасте и этот экспромт, выданный парнем, был родительницей Валентины озвучен не зря. Для показа: она женщина молодая и может себе позволить разгульную жизнь.

Валентина у нее была особенная — такая, вся из себя. Она долго в «девках не засиделась», сразу же после школы, закончив в учебно-производственном комбинате дополнительный профессиональный класс — были такие, отправилась работать нянечкой в ближайший от дома детский сад, а затем, даже особо не погуляв, выскочила замуж. Грузинские парни любят блондинистых русских барышень.

Я, уезжая в командировки, знал, моей жене, в случае необходимости помогут. В любой момент могла подскочить Валентина и при необходимости забрать ее с дочерью к себе или же дать наставления Марии, жена Михаила, да и Люба, поздно родившая девочку Свету, а еще подруга Любы — грузинка Мэри тоже не остались бы в стороне. Мэри жила с семьей в трехкомнатной квартире, напротив нас. Я не испытывал боязни за судьбу своей семьи. Хотя родственников в Москве рядом и не было, но хватало друзей. Многих из жителей дома мы если не знали по именам, то знали в лицо.

И все бы ничего, но приезжая из командировки домой поздно вечером, я часто оказывался в пустой квартире, са-

дился за телефон, — наш дом тогда был уже телефонизирован, — и начинал звонить, искать свою семью: вначале я набирал номер Валентины, затем Марии — жены Михаила и так далее. Правда, часто достаточно было обратиться к Валентине, если Марии у нее не было, то она могла подсказать о ее местонахождении. Осведомленность у женщины была на все сто процентов. Я иногда просто завидовал ее бабьему чутью.

Эта самая Валентина Гулишвили, порой и меня пыталась заместить в вопросах, которые должен был решать только я и никто другой. Наверное, оттого, я, заметив это ее свойство лезть не в свои дела, стал раздражаться, а однажды, даже возненавидел женщину. Было отчего: отдыхал с дочкой у родителей в Щурово и все бы ничего, но тут мне неожиданно позвонила жена.

– Ты у телефона один? — спросила она не довольным голосом:

– Да, я один, дочка с дедушкой и бабушкой сидят у дома на лавочке читают книгу. Позвать?

– Не надо! Никого не зови! Ты, помнишь, говорил мне, не бойся, ничего не будет? Так я вот по твоей милости залетела. Хорошо, что рядом была Гулишвили. Она надавала мне всяких там таблеток. Я их выпила, но не знаю, подействуют или нет. Через день-два видно будет. Тогда, снова позвоню!

– Подожди, не клади трубку. Дай и мне своих пять копеек вставить: а что это твоя Валька распоряжается? — не вы-

держал я: — Ты, что уже не мужняя жена — тебя, что мамка заругает? Быть ребенку или не быть — это нам двоим решать, а не твоей подружке, — на одном дыхании выдал я, помолчал и продолжил: — Да кто она такая? Залезла в дом и тобой командует. Ты, что так и будешь девочкой из провинции. Детство закончилось. Тебе уже двадцать пять лет. Пора уже становиться самостоятельной женщиной!

Таблетки, которые дала Валентина не подействовали, и я обрадовался: Марии ведь цыганка нагадала троих детей, и я был не против такого расклада карт. Трое, так трое. У отца с матерью нас было четверо и ничего страшного, мы все выросли. Вырастут и наши дети, сколько бы их у нас не родилось.

Жена моя со своей участью смирилась, но не до конца: я видел, что ее тревожило, да и меня тоже как бы эти самые таблетки от подруги не подействовали на плод, не дай Бог ребенок родится неполноценным — больным или же с патологиями. Мы и ему жизнь испортим, и себе: век будем мучиться.

Живот рос. У Марии пришло время отпуска, и она решила, прихватив Машу, отправиться на отдых в Кемерово к своим родителям. Я как мог, пытался жену отговорить, рисковать не следовало:

— Щурово, — это, намного ближе, чуть-что можно сесть в поезд — ночь и ты уже дома, в Москве.

Однако жена заартачилась и отправилась в Сибирь. Потя-

нулись дни. Во время телефонных звонков Мария была не многословна. Это — настораживало. Мне казалось, она чего-то не договаривает. Я думаю, встречалась и много разговаривала со своей высокопоставленной тетушкой.

Назад, домой Мария вернулась без живота, свободная, и тут же на пороге обвинила во всем меня.

— Из-за тебя я пострадала, так и знай из-за тебя! — сказала она: — Думаешь, мне было легко все это вынести, легко?

Но, причем тут я. Я был не против ребенка. Наверняка, родился бы мальчик. У Марии в запасе было даже имя, как у ее отца — Ефим, я, хотя оно мне казалось уж очень еврейским, мог бы и согласиться. А еще, мы жили в достатке. Зарплата у меня на тот момент была хорошая: нам на житье-бытие хватало. Но нет, — виноват я, и все тут. Мне не хотелось спорить, и я смирился. Пусть будет так. У женщин, наверное, так и должно быть. Ну, не будет же она обвинять себя или же свою подругу. Та у нее всегда права! Отыграться можно на мужа, он всегда рядом.

Что интересно? Эта самая подруга — Валентина Гулишвили довольно быстро убедила мою жену Марию: — Да зачем вам еще один ребенок! — а сама вдруг неожиданно забеременела. И таблетки глотать не стала. Она хорошо знала Эдуарда, муж такое простить не мог, у него тут же бы разыграли грузинские корни. Ладно, если бы просто отлупил, а то мог и развестись — родителям парня Валентина всегда казалась ветреной, и они брак сына не поддерживали.

Моя жена узнала о положении своей подруги, когда у той стал, заметно выделяться живот. Наверное, Мария, увидев все это, перестала предохраняться, и вскоре произошло то, что и должно произойти.

Рождение еще одного мальчика у Валентины с Эдуардом, а затем и у нас, подруг снова сблизило и все бы ничего, но меня убивало то, что Гулишвили пользовалась моей женой. Я не раз заставлял Марию одну с ее детьми и своими, а та где-то пропадала в городе — бегала. Порой она была очень похожа на свою мать, так и хотелось при встрече сказать ей: «Дай за сисечку подержаться».

Я не знал, что сделать чтобы оградить Марию от назойливой подруги. «Тебе нужно увлечься этой самой Валентиной, — ни раз советовали мне друзья, — и жена сразу же ее отправит куда подальше. Вот увидишь!». Может такое и случилось бы, я пошел у них на поводу, но неожиданно изменились обстоятельства. Мать Валентины, вдруг снова нашла себе очередного, правда, на этот раз она считала серьезного мужчину и решила от дочери и от ее семьи отделиться — захотела жить своим домом. Она занялась разменом квартиры. Данная процедура осуществлялась уже после отъезда семьи Хазарских. В итоге Эдуард, Валентина и их сыновья получили квартиру «двушку» — далеко за парком, а родительница, обзавелась «однешкой» в двух кварталах от нас. Доволен больше всех, наверное, был я, уж теперь Мария к ним не наедится. А еще неплохо было бы чтобы моя жена вдобавок и

забеременела. Наши дети на тот момент не требовали большого внимания: я и сам легко с ними управлялся. Можно было подумать и о третьем.

Было лето, мы отдыхали от очередного нашествия гостей, правда, недолго. Неожиданно, впрочем, как после оказалось и нехстати, к нам в гости приехала тетушка Лиза. Она в отличие от других наших гостей, — любителей побывать в столице, — давала нам возможность отдохнуть от своего присутствия. У нее в Москве хватало подруг, оттого не обязательно было водить женщину «за ручку», — без нас хорошо ориентировалась в городе, в любой момент могла позвонить и сказать нам в зависимости от того, кто поднимал трубку, если я — «Сеня», — если это была супруга — «Мария», — а затем добавить: «Вы меня из виду не теряйте. Я сегодня с подругой иду в театр и на ночь останусь у нее». Нас это вполне устраивало.

Наша родственница была — женщиной очень уж современной и категорически выступала против больших семей. Для деревни — может и ничего страшного, но не для города, считала она.

Я помню, сидя у нас на диване тетушка не раз Марии, да и мне, рассказывала о том, почему не следует заводить много детей и что нам достаточно одной дочери.

— Я вот родила сына и счастлива. Он у нас всем обеспечен. Мы дали ему высшее образование. Сейчас парень работает инженером на большом химкомбинате. Мы им довольны.

Да, это было так, но, кем он вырос — «маменькиным сынком», великовозрастное дитя не способное на самостоятельные поступки — не мужик. Жил бы у родителей до ста лет, однако отец с матерью подсуетились и оженили парня, подыскав ему бабенку, да и то с ребенком чтобы «не парил-ся».

Узнав о рождении у меня с Марией второго ребенка — мальчика Жени, тетушка долго возмущалась:

– Ну, зачем, ну зачем вам, еще лишние хлопоты, это же какие нужны силы, а сколько требуется терпения, чтобы под-нять малыша, вырастить, дать образование. Нет, я не пони-маю вас, просто не понимаю!

Да, родственница жены всегда нам говорила разумные ве-щи, но и я по-своему тоже был прав, у меня на все хватало сил. Я работал, учился в аспирантуре, делал диссертацию, занимался дочерью, а когда родился мальчик, много време-ни отдавал и ему. Он уже о том не помнит. Сейчас наш Же-ня взрослый женатый мужик и я вижу, как он души не чает в своем сыне Ване, возможно, это ему передалось как-то от меня. У него есть желание пополнить семью, завести второ-го, третьего ребенка, но жена уже в возрасте и не в состоянии родить. Жениться парням, желающим завести детей, не за-висимо от их возраста, даже сорокалетним нужно на девуш-ках восемнадцати-двадцати пяти лет, иначе на старости лет можно остаться без наследников.

Мне запомнился вечер. Я, Мария и ее тетушка, возвра-

тившись домой, уставшие от беготни по городу, отдыхали.

Я сидел с женой на одном диване, тетушка в одиночестве на другом, ну и ладно все ничего, но неожиданно Мария вдруг подхватила и села рядом с родственницей. Как я после понял неспроста. Она искала у нее защиты.

— А, я вот снова... — сказала Мария, засмутившись.

— Что, в неприятном положении? — спросила тетушка Лиза.

— Да, — ответила племянница, — не знаю, что и делать?

— Как что? Сколько уже прошло времени?

— Неделя, — ответила жена.

— Иди и пока не поздно сделай аборт. Даже не задумывайся. Зачем это вам? На таком, как у тебя сроке — да это раз и все! Плевое дело. — И не останавливаясь тетушка Лиза принялась, говорить и говорить. Я так понял это было для меня, чтобы не смог открыть рот и возмутиться. И я сидел, а что мне оставалось делать? Я был в меньшинстве: один как перст и не мог защитить еще не родившегося ребенка, то ли девочку, то ли мальчика. Мне хотелось крикнуть, а что же вы не спросите у меня? Я, что сторонняя организация, как говорят, сбоку припеку и это меня не касается?

Нас всех отвлек грохот, прибежала дочка и закричала:

— Папа, папа, Женя на себя уронил... — я, не успев ее дослушать, тут же вскочил и бросился в коридор: наш мальчик лежал под гладильной доской, — несравнимой с имеющимися сейчас, — тяжелой и громоздкой. Я, поднял его,

взял на руки и принялся успокаивать. Мне долго не удавалось унять его плач. Мальчику часто доставалось. Оно и понятно не хватало силенок: он родился семимесячным с весом 1800 грамм и ростом 49 см. оттого долго не мог тягаться со своими сверстниками и часто пасовал. Его жалели не только свои, но даже чужие люди.

На следующий день после нашего разговора на диване, Мария, как только я отвел дочку в детский сад и уехал на работу, была выпровожена тетушкой из дома в женскую консультацию. Там ей назначили день. Долго ждать не пришлось. Мне обо всем жена сообщила лишь после операции в присутствии своей тетушки, наверное, с целью, чтобы я не закатил ей скандал.

Тетушка Лиза, довольная всем произошедшим тут же стала собираться к себе домой — в Сибирь. Достав из угла чемодан, она принялась укладывать в него вещи и хвалиться, что и где она купила, называя крупные столичные магазины. Затем, будто мимоходом спросила у меня:

– Сеня, ты там что-то хотел мне предать?

– Ах, да, — сказал я и полез в холодильник. Мы часть дефицита могли приобрести, не отстаивая очереди в магазинах, у себя на предприятиях: я в институте, жена в заводской библиотеке в наборах с другими обычными продуктами. Правда, на тот момент при вручении свертка тетушке у меня вдруг впервые возникло чувство сожаления. Может зря такие жертвы? Достаточно того, что мы своих гостей не от-

правляем в гостиницу, а предоставляем им кров. Мои родители отказывались брать такие подарки и говорили да ешьте вы сами. А вот со стороны жены находилось достаточно желающих заполучить черную и красную икру, баночку крабов, «палку» сырокопченой колбасы, тушку копченого, источающего жир палтуса и многое другое.

Однажды — все это было после отъезда тетушки Лизы, — я с Марией и детьми был приглашен в гости к своему заводскому товарищу. Мы с ним вместе учились в одном институте. Он с семьей отъезжал за рубеж на работу в посольстве, и на радостях устроил прощальное торжество. Моей дочери из всего, что было на столе, очень понравилась колбаса. Она раза два на вопрос моего друга: «Мадам, вам чего подать?». — Отвечала: «Кобаську». Этого мне хватило чтобы я, после не удержался и сказал себе: — «Да до каких же пор мы будем откладывать наборы в холодильник и ждать очередных гостей, чтобы потом их раздать. Не бывать тому». Сказал и выполнил: в следующий раз я, выкладывая из сумки продукты, заметив взгляд дочери, не удержался и тут же открыл баночку икры. Что было интересно: икра ни черная, ни красная детям тогда по вкусу не пришлась, а вот многое другое они охотно уплетали за обе щеки и просили добавки.

Жена, глядя на мои бесцеремонные действия, не удержалась, — происходило это перед Новым годом, — и прямо в лоб задала вопрос:

– А для гостей ты ничего не хочешь оставить? Не забывай,

скоро приедет моя подруга — «москвачка».

— Знаешь, я считаю, что нам правильно говорят мои родители: «Ешьте сами». Ты много чего пробовала из того, что я приношу или приносишь ты? Нет! И я тоже. Теперь наша очередь угощаться деликатесами, а они пусть приезжают и сами мотаются по магазинам: все, что нужно покупают и забирают с собой. Ты думаешь, что они в Москву едут на нас посмотреть? Нет! Нет! И нет!

Сейчас деликатесы уже не стоят копейки, как в советское время — цены превышают их реальную стоимость раз в десять, если не больше, они — рыночные и очень «кусаются», оттого ими забиты магазины, правда, это в городах, там, где у людей есть деньги, а где их нет они ни к чему. Зачем их выставлять, все-равно не купят. Это не то, что раньше. Мы тогда, на имеющиеся в карманах рубли и копейки, могли многое себе позволить. Люди сметали с полок магазинов дефицитный товар независимо от того нужен он им был или нет. Пусть лежит, а вдруг пригодится. Это было вызвано недавно закончившейся войной. На детей денег мы не жалели. У них были велосипеды, самокаты, сыну, я однажды даже купил детский автомобиль: «Москвич». Мария после его отдала Валькиному мальчику: Женя с ним не справлялся: у него не хватало сил крутить педали. Он для него был тяжел. Зато мальчик хорошо управлялся с пластмассовым самокатом: истер не одну пару кожаных ботинок, мотаясь по скверу, парку и дорожкам вокруг дома. Оно и понятно: Женя наверсты-

вал упущенное время: качал мышцы и набирался сил.

Над детьми мы пеклись, особенно над сыном. Он был, можно сказать, у нас комнатным. Девочку мы водили на развивающие кружки. Она занималась танцами и еще английским языком. Язык мы выбрали неслучайно: однажды, гуляя в Царицынском парке Москвы, столкнулись с группой туристов — американцев. Они были из штата «Джорджия» и заинтересовались венком из ярких листьев клена на голове у Маши. Жена показала иностранцам, как его сделать, и они, улыбаясь подарили дочери значок со спутником. Он был запущен США вторым после нашего. Это и предопределило в дальнейшем судьбу дочери. Я ее устроил в специальную школу с углубленным изучением английского языка. Модно тогда было.

Для развития детей, я в девяностые годы купил на то время очень «дорогую игрушку» — компьютер и никто другой — Женя на нем стал преуспевать, он не только играл, но и вместе со мною занимался программированием, а в будущем это ему позволило найти себе профессию. Мальчика мы отдали в ту же школу, что и дочь. Он неплохо разговаривает на английском языке.

Женя долгое время с грустью смотрел на мир. Для этого достаточно разложить перед собой все его детские фотографии. Он рос впечатлительным мальчиком. Его одного потрясла смерть сродного брата моего отца. Я помню, Женя не раз, сидя у меня на руках спрашивал: «А дед Марка умер?»

А дед Марка умер?» — Я отвечал ему, глядя в сторону, а он брал руками меня за голову и разворачивал к себе. А еще, он неслучайно забирался то ко мне на руки, то лез к Марии на колени. Ему долго требовалась наша поддержка. Преждевременное рождение сказалось на здоровье мальчика. Возможно, из-за этого, сына в возрасте трех-четырёх лет неожиданно стали мучать боли в ногах — причин врачи не находили, — нам, в основном мне, слыша среди ночи плач сына, приходилось ни раз вставать и растирать мышцы ног различными мазями.

«Ничего странного. Это, мальчик растёт, — говорили нам прославленные терапевты из первой градской. — К свадьбе все пройдет само собой, не беспокойтесь». Не прошло. Однажды, даже стало хуже: неожиданно на икрах обеих ног у него проступили вены с явно видимыми узлами. Мы ему тогда приобрели на заказ эластичные чулки. Не помогло. Правда, из-за этого Женю не взяли служить в армию. Как там говорят в народе: нет худо, без добра. Так вот это и есть оно самое.

У дочери в детстве тоже были проблемы: в возрасте трех лет грипп дал осложнение на почки. Ее на «скорой» увезли в больницу. Находиться в стационаре Маше пришлось одной. В своем возрасте: девочке тогда было три года, она считалась большой, и родителям находиться в палате вместе с нею нельзя было. Она по словам нянечки очень скучала по дому и часто, следуя за ней «хвостиком», говорила: «Что-то мои

водители не едут». Нянечка, иногда, тайком чтобы ей за это не попало, звонила нам и давала ей трубочку чтобы мы могли поговорить.

Дочь лечилась полный месяц, затем нам дали на полгода отвод от детского сада. Это сейчас бы жена ушла с работы и сидела с ней дома, тогда подобное даже на ум не приходило. Мои родители на то время были уже пенсионерами и мне пришлось договориться с матерью. Зимой работы было мало и она, оставив хозяйство на отца, приехала в Москву.

Представьте себе отец — мужик, научился и сам руками, а не каким-то аппаратом, доил корову, — тогда в старообрядческом поселении это было просто уму непостижимо. Он, конечно, этот факт от соседей всячески скрывал. Оно и понятно. Иначе не будут давать прохода — засмеют.

Мать, нянчила внучку три месяца и была вынуждена уехать. В Щурово она отправилась не одна: забрала с собой и Машу. Девочка пробыла в селе целое лето. Для того чтобы Маша не скучала мы попеременно брали на работе отпуск, вначале Мария, а затем и я, и ездили к ней.

Дочка очень привыкла к сельской жизни. Мне никак не удавалось уговорить Машу отправиться в Москву. И тогда родительница пошла на обман:

– А вы покатаетесь и вернетесь назад! — сказала девочке моя мать, но в ответ услышала:

– Хорошо, бабушка, но только и ты поедешь с нами! — Поехала и мать, но в Москве при выходе из троллейбуса

Маша, увидев улицу и знакомые ей дома, тут же торопливо бросилась назад:

– Это, Моськва, это Моськва. Не Щюрово!

Прошло время и этот забавный случай ушел в прошлое. Я, глядя на своих детей: Машу и Женю готов был заниматься и следующим ребенком. Но «консилиум на диване» не дал мне возможности себя проверить, а отсюда сложно сказать, каким был бы отцом, наверное, добрым и ласковым, многие неудачи детей я часто да бы избежать крокодиловых слез брал на себя.

И однажды, оставшись с Женей наедине, получил, услышав от него: — Нет, это не ты виноват. Это все из-за меня случилось. Захотел-то ведь я! Если бы не я, ничего бы не произошло».

Что плохо, он мои какие-то промахи, связанные косвенно с ним, неожиданно, отчего стал перекладывать на себя. Я тогда испугался, что это в будущем может привести к катастрофе в его жизни.

Мне многих трудов стоило Женю переломить и заставить не брать на себя того, что он не совершал.

У меня из того времени засел в памяти один неприятный эпизод: мы с ним отправились в магазин. Мальчик увидел горку из арбузов. Он так на них смотрел. Хотя денег у меня было в обрез, — зарплату задерживали, а если выдавали, то от случая к случаю, — я не удержался и решил купить.

Арбуз я выбрал по желанию мальчика и при расплате ме-

ня просто нагло, смеясь в лицо, обманула толстая тварь — продавщица в грязном халате, не пожалела даже, стоящего рядом ребенка.

Эта, так называемая толстая тварь вовремя получения за товар денег внимательно следила за моими руками. Я, пытаюсь расплатиться без сдачи, перебрав последние имеющиеся купюры, вынужден был отдать ей крупную, а более мелкую сунул в карман. Для нее этого было достаточно, выдавая сдачу, она не додала мне столько, сколько я сунул в карман и на мой вопрос:

– А еще?

– А вы у себя в кармане посмотрите.... Достаньте денежку и все вместе посчитайте. Вот оно и сойдется!

Я недоуменно уставился на продавщицу, затем затеял скандал. Доказать ничего не смог. Рядом, как на зло ни одного покупателя. Что толку — кричи не кричи, не поможет. Но это не главное. Женя этот обман отчего-то принял на свой счет и долго плача сквозь слезы неистово кричал мне:

– Я виноват, это я захотел. Я не буду есть арбуз, не буду!

Если бы я делал покупку один — другое дело, а так мне еще пришлось долгое время доказывать непричастность сына к этой нехорошей истории.

– Ну, причем тут ты? Что из того, что ты захотел сладенького? Покупал я, а не ты! Это моя ошибка, мне не нужно было «светить» свои деньги. Жулики только того и ждут чтобы нас доверчивых облапошить.

Долго, не один месяц, мы с ним возвращались к «этому несладкому, для нас даже горькому арбузу», пока он не поверил мне, что это произошло не из-за него. Он тут ни при чем. А еще для меня было важно воспитать у него силу духа. Человек никогда не должен опускать руки.

Изменения в характере Жени, заметила однажды даже его сестренка Маша во время игры с детьми подруги моей жены — Валентины Гулишвили. Пусть он у них и не показывал на комнатном тренажере класс, — у нас дома такого не было, — однако упорно пытался повторить за Артемом его трюк и однажды это ему удалось. Я был мальчиком доволен. Он начал догонять своих сверстников.

Работа в институте вынуждала меня часто ездить по командировкам, возвращаясь домой, я обычно в квартире никого не заставал. Однажды я приехал в выходной день ранним утром. Мне было неудобно звонить домой Валентине. Я боялся разбудить ее детей. Ложились они спать всегда очень поздно и вставали ближе к обеду. Немного полежав на подаренной нам Хазарскими кушетке, я заглянул в холодильник и ничего не найдя отправился в столовую, она была недалеко от дома — на соседней улице. Мы в нее часто заглядывали при строительстве нашего дома. Затем сытый, как лось, я неторопливо пошел домой в надежде, что все уже на месте, по дороге заглянул в афишу, появилось желание сходить с детьми в кино и, не найдя ничего привлекательного, поднялся к себе в квартиру. Дома опять никого. Потолкавшись

из угла в угол, я решил съездить в кинотеатр, перед сеансом взял в буфете чешского пива, попил и довольный, успокоенный после просмотра картины — прошелся в парке, дав возможность жене и детям вернуться домой. Но — снова никого. Только я разулся: звонок телефона. Я взял неторопливо трубку:

– О-о-о, ты уже дома, приезжай, забери нас. Мы находимся у Вальки. Добраться, думаю, ты знаешь как, не забыл? Да и еще: ищи нас возле дома. Мы будем гулять. Все, давай, пока, до встречи! Ждем!

Что делать? Я обул туфли, закрыл квартиру и пошел на остановку транспорта. Ждал недолго, сел в автобус и отправился до места назначения. Мне не нужно было делать никаких пересадок, однако пришлось переходить через железнодорожные рельсы. Тот район мне был знаком, в нем располагался завод, на котором я однажды вел договор, внедрял свою новую разработку.

Я, по звонким знакомым мне детским голосам, без труда вышел на Марию, правда, ни Валентины, ни Эдуарда отчего-то рядом с нею не оказалось. Детвора, прячась за деревьями, играла в догонялки. По лицам дочери и сына я понял: они устали и давно уже хотят отправиться домой.

– Ну, что, нагулялись? — спросил я, обращаясь к жене, затем не дождавшись ответа, попытался узнать, где подруга — было желание, не заходя в дом Гулишвили, отдать детей и уехать.

— А дома никого нет, и я, не знаю, когда кто приедет, — тут же неуверенно сообщила мне Мария: — Эдуард даже в выходные дни пропадает на работе. У него постоянно запарка. Приезжает он обычно часов в десять-одиннадцать вечера, а Валька может и через час прийти, и за пять минут до того, как он появиться на пороге. Это как получится. Я не могу сказать. Так что нам придется еще ждать и ждать.

Я, конечно, был возмущен. Мы зашли в подъезд и поднялись в пустую квартиру. Дети хорошо погуляли и хотели кушать. Жене пришлось покопаться в холодильнике и покормить детей. Я есть отказался. Однако оставаться у себя не дома и ждать, как говорят, у моря погоды, я не стал. Завидев у кушетки телефонный аппарат и книгу с записями, я подсел и принялся копать. Мне удалось найти телефон родителей Эдуарда. Я принялся набирать номер, и тут ко мне подскочила Мария:

— Не смей! Ты подставишь мою подругу. Она уехала навстречу, ну сам знаешь с кем? Что ей, сидеть всегда одной и ждать, а не соизволит ли любезный муж навестить ее. Эдуард, он все время на работе. А еще на него наседают, хотят отнять бизнес — ателье. Ему никак не удастся его приватизировать. Что ей, молодой женщине, прикажешь делать? Так можно и состариться.

Жену я отстранил и дозвонился. Трубку взяла мать Эдуарда. Я ей объяснил, что хозяев ни Валентины, ни ее сына дома нет. Мы гости уже устали и хотим уехать к себе, а их

внуков оставить не на кого.

У меня был расчет, что родители Эдуарда живут недалеко — через дорогу, но им чтобы добраться потребовался почти час. О их приезде мы узнали по крикам с лестничной площадки. Валька, прощаясь со своим любовником долго не могла проститься и неожиданно попалась Гулишвили на глаза.

Мы, не стали ждать полной развязки этого столкновения и, похватав своих детей, торопливо выскочили во двор.

Едва мы приехали домой, моя жена тут же стала мне выговаривать:

— Ну, зачем ты вдруг затеял эту бучу? Что не могли мы и у них переночевать? Мы ведь с тобой уже как-то оставались, и не раз, у тебя, что из головы все выпало, забыл? Ничего бы с нами не случилось. Завтра, еще только — воскресенье! На работу тебе не нужно! Успел бы, отдохнул.

— А она у нас хоть раз ночевала? Пусть не одна, с детьми? Нет! Да, и еще: мы, что с тобой приехали из Саратова? — Я тогда вернулся оттуда. — Между прочим, что я скажу, красивый город на берегу Волги. Широченная такая! У них есть пешеходная улица, вечером горят фонари. Она спускается к реке....

— Причем здесь твой Саратов? — влезла Мария: — Я с тобой об одном, а ты, о другом.

— А притом! У нас здесь в Москве есть свой дом, просторная квартира и нам незачем тесниться ночевать у твоей по-

други, — я сглотнул слюну и продолжил: — А еще, я не могу спать на их подушках.

— Мама, мама, — влезла дочь, — не нужно ругаться! Я думаю, что папе скучно там одному в командировке? Может пусть он и там найдет себе тетю и у него будут маленькие дети....

— Да ты, что? Не болтай о том, чего не понимаешь, — закричала Мария: — Ну ка живо в ванную, прими душ, и спать, поздно уже.

— А Женя уже спит, у вас на кровати и я тоже хочу. У меня глаза слипаются, — и она заплакала.

Я пошел готовить детей ко сну. А Мария еще долго в полголоса повторяла: «Надо же что придумала маленькая сопля».

После этого дня в отношениях Марии и Валентины Гулишвили начался разлад. Тому причиной явился я. Она, конечно, женщина хитрая и выкрутилась, сумела как-то объяснить родителям мужа свои жаркие объятия и поцелуи с любовником, выдав все произошедшее за случайную встречу с давним школьным товарищем, которого не видела лет сто, если не больше. Родители разборок в семье сына не захотели, как ни как у них было двое малолетних детей и скандал замяли.

А еще у Валентины неожиданно начались проблемы с матерью. Та, устроив в своей квартире «гнездышко» для очередного супруга, неожиданно разругалась с ним и выгнала, затем, приняла другого мужика и тоже его выгнала, одним

словом, женщина развлекалась как могла, занимаясь любовными утехами она спилась, перестала оплачивать коммунальные услуги, накопила большой долг, и встал вопрос об изъятии у нее жилплощади и переселении в общежитие.

Для того чтобы не потерять квартиру, — она могла пригодиться: торопливо подрастали внуки, — вмешаться пришлось Эдуарду Гулишвили — зятю. Он за полгода погасил долг, выплатив немалые деньги. Их нужно было заработать. Это, конечно, подорвало его здоровье. А еще он, утратив бдительность, в девяностых годах был убит своими конкурентами. О том нам стало известно много лет спустя, после встречи однажды, приехавшей из США Марии Хазарской. Она вначале побывала в Курске в гостях у бабы Цици — свекрови, а уж затем появилась в Москве, разыскав свою подругу Валентину, неожиданно вместе с нею нагрянула к нам.

Я принял их у себя в квартире, как никак и Мария, и Валентина все еще числились подругами моей жены, хотя уже давно — лет несколько не общались, — разошлись их пути-дорожки.

Мария для стола испекла два больших пирога, один с рыбой, правда, на тот момент уже не с палтусом, — это было дорого, другой с яблоками, сделала пирожки с творогом, капустой и грибами, а еще целый противень сладких булочек и других всяких вкусностей. Я достал из шкафа тульский электрический самовар литров на пять, и мы несколько часов си-

дели за столом чаевничали и разговаривали, было о чем.

Хазарская, улучив минуту-другую, передала мне записи Михаила со словами: «Ты, там что-то кропаешь? Он просил тебя, их использовать в своем романе, не обязательно под его фамилией».

Что же такое случилось, отчего Мария привезла мне эту тетрадь с голубой коленкоровой обложкой и не при всех, а тайком, на кухне, глядя на кушетку, сунула в руки. Я с опаской взял ее, как солдат берет гранату с выдернутой чекой и немного полистал. Мне было интересно. Она ведь могла ее где-нибудь по дороге просто выбросить, например, в аэропорту в одну из урн. Или же оставить в такси. Отчего-то не выбросила. Возможно, это последняя просьба Михаила Хазарского?

— Ни как это наша кушетка? — вдруг неожиданно воскликнула волоокая брюнетка Хазарская: — Я, смотрю, все еще стоит, как говорится, пришлась к мебели, — не выкинули! Это, хорошо! Значит, пригодилась! — помолчала и добавила: — Наверняка на ней спят заезжие гости, когда не помещаются в зале? — и женщина, лощенная от косметики, не дожидаясь ответа продефилировала туда, где за столом сидел народ.

Я немного подождал, затем, заслышав голос Валентины Гулишвили, быстро запрятал тетрадь под матрац и уж после пошел следом продолжать застолье. Хозяин должен быть при гостях.

Глава 6

Не сразу, я взял в руки тетрадь Хазарского с голубой коленкоровой обложкой: дел на тот момент хватало, попросту забыл о ней, жена случайно обнаружила ее под матрасом и воскликнула:

– Семен, что это еще за конспект такой? Ни как ты снова штудируешь работы Ленина? Это тебе нужно для кандидатского минимума? — Я в тот момент занимался ужином: в трудное время девяностых, лишь только у меня одного получалось «двумя хлебами» накормить голодных детей.

– А-а-а, это? — мельком взглянув на Марию, буркнул я и, кивнув головой, тут же забрал у нее творение товарища, затем не поленился, достал стремянку и запрятал на антресоль. Желания с нею возиться у меня тогда не было. Моя книга: «1984» была отложена на неопределенное время.

Дети попеременно, то дочь, а то и сын забежали на кухню, и спрашивали, не у матери, а у меня:

– Пап, а скоро будем кушать? — У Марии тогда от нищеты попросту опускались руки. Для того чтобы накрыть на стол требовались невероятные усилия, а еще нужна была и фантазия.

– Да, уже можно идти, — сказал я Маше и, слив воду из кастрюльки с картошкой, — ею нас снабжали мои родители из Щурово, — затем, добавив вместо сливочного масла —

подсолнечного, — я его подешевке покупал вовремя командировок в город Луганск, — принялся толочь.

Толкушку, я использовал особую — металлическую из нержавеющей стали с дырочками в днище, это позволяло выкладывать на тарелки не бесформенную липкую, желтушного цвета, массу, а что-то такое очень похожее на кукурузные палочки. Правда, я их называл червячками.

Небольшое количество картофеля выглядело внушительно и красиво, особенно после того, когда я, открыв банку килек укладывал на края тарелок по нескольку рыбок, слегка полив их томатным соусом, а еще дополнительно и по кусочку соленого огурчика. Ими, всегда славилось Щурово из поколений веков. У нас в любое время года стояли под диваном трехлитровые банки про запас.

Хазарским было неплохо в том плане, что их переезд в США был равноценен переезду из еще пока богатой страны СССР в страну — процветающую. Это сравнимо с переездом Марии после замужества из Кемерово на постоянное место жительства ко мне в Москву. Да, ей, конечно, необходимо было привыкнуть к новым условиям жизни, но адаптация прошла быстро и безболезненно.

Мой товарищ, как я после вычитал из его тетрадки в отличие от нас проблем материального характера не имел, лишь только некоторое время — языковые и еще моральные, им необходимо было притереться. Это могло занять и месяцы, и многие годы. Все упиралось в различия в менталитете.

Экономика нашей страны тогда недолго оставалась на высоте, это стало заметно по снижению запусков ракет в космос: через год-другой все полетело в тартарары. Я помню шок людей однажды, отправившихся в магазин и увидевших ценники на товарах. Сливочное масло вместо трех рублей и пятидесяти копеек отчего-то стало стоить пятьдесят, курица под сотню и так далее и это при зарплате в месяц, начиная от восьмидесяти рублей и несколько выше. Жена тогда получала чуть более сотни, я две сотни. И все до поры до времени было неплохо, но вот жизнь неожиданно изменилась и в это непростое время, я наконец в черновом варианте закончил диссертационную работу и сдал ее на проверку своему научному руководителю Юрию Алексеевичу. Я тогда стоял перед дилеммой: следует ли ее вообще защищать? Зачем трепать себе и близким людям нервы.

Одни коллеги меня жалели: раньше нужно было это все делать, другие подсмеивались, и я понимал почему, увеличение зарплаты, которое обычно следовало после получения диплома кандидата технических наук на тот момент было просто смехотворно. Это всего лишь сто пятьдесят рублей.

Я помню, как носился со своей диссертацией, что с писаной торбой и не выходил на защиту: не на чем было ее напечатать. Меня тогда выручила мать Марии, она перед тем, как отправиться к нам в столицу в отпуск, догадалась и позвонила по телефону, и первый ее вопрос был ко мне:

– Семен, ну ты как там — уже наверняка защитился? — я

ответил: — Нет бумаги. — И она привезла мне целых две больших пачки и не нашей — серой, а финской отменного качества. Достала у себя на предприятии. Это меня тогда сподвигло начать оформление работы. Через полгода на столе лежали пять готовых томов диссертации. А еще сто экземпляров автореферата. Для выхода на защиту требовались около двадцати положительных рецензий не только от отдельных лиц ученого коллектива, но и от головного предприятия, на котором я внедрял свою работу. Что важно? Я должен был представить Ученому совету ожидаемый экономический эффект в народном хозяйстве от своей работы, он на тот момент имел значение. Мне пришлось основательно потрудиться, прежде чем я получил нужную бумагу. Затем я заручился поддержкой оппонентов — двух маститых ученых, составил список научных трудов. И все бы ничего: но неожиданно серьезно заболел мой научный руководитель. Я посетил Юрия Алексеевича в больнице: он из того, что я принес взял лишь одну баночку земляничного варенья. Она ему напомнила детство. Не знал я тогда, что вижу его в последний раз. Мужик прошел всю войну, лишился руки и вот не выдержал перемен в стране, умер.

У меня опустились руки, и я уж собирался все забросить, но нашлись друзья, которые не дали мне этого сделать.

Защита моей диссертационной работы проходила уже с другим руководителем, его товарищем и другом. Многое мне пришлось переделать, правда, это не касалось результа-

тов самой работы, всего лишь оформления, а еще я переписал автореферат, который затем издал на свои деньги в частной типографии.

То, что я поступил правильно, понял не сразу. Эта моя работа была больше нужна мне, а не стране. Я, занимаясь писательством, кропал небольшие рассказы и в большей мере детские и их публиковали в детском журнале. Мои произведения малой формы радовали детей в первую очередь моих, хотя книгами в девяностые годы были забиты все переходы метро и прилавки магазинов, но я подобно как в том анекдоте на вопрос товарища: «Эй, дружище, ты чем занят?», — отвечал: — «Да-а-а, книгу пишу», — «А что так?» — Вместо слов: — «Нечего читать!» — я тогда говорил: — Не на что купить». Это было так. Однако, я, начав в далекие восьмидесятые годы прошлого века писать, подобно Джорджу Оруэллу, роман: «1984» и, сказав о том Хазарскому, ни чуть ему не соврал, просто он у меня долгое время не получался. Хотя бы из-за того, что я не мог тогда легко и свободно оперировать большими массами текста. А еще мне не хватало опыта правильно строить сюжетную линию, для меня это было тяжело. Написанные мной главы трудно было соединить между собой в законченное произведение. Лишь, написав диссертацию и защитив ее, я вдруг обрел уверенность, что смогу не только писать рассказы, повести, но и продолжить свой роман, а затем, на зло всем трудностям, успешно его закончить. Вот отправлю Хазарскому свой «шедевр», пусть на до-

суге читает, радуется за меня.

Анализируя прошлое, я знал, что только после «перестройки», затем «перестрелки» по прошествии лет двадцати-тридцати жизнь в стране должна была наладиться. Капиталистическая система не такая расторопная, как социалистическая — это, наглядно показала Европа после второй мировой войны. Она, не тратя на вооружение: — ее защищали с одной стороны — США, с другой — СССР, — очень долго отстраивалась. Мы, как нам не тяжело было находиться в ожидании будущего благополучия растили своих детей, а значит зарабатывали деньги и не всегда честными способами, но для нарождающегося в стране капитализма весьма приемлемыми.

Мне памятно время, когда я вместе со своим начальником попеременно, убегая с основной работы — научно-исследовательского института, работал в цехе одного московского завода, занимаясь термической обработкой деталей для кофемолок и прочей кухонной техники. Мы тогда с ним зарабатывали прилично — по миллиону рублей в месяц. Для семейного бюджета это было ощутимо. Однако шиковать пришлось недолго. Нам двоим на замену нашли одного человека и на меньшие деньги. Через полгода я, продолжая числиться в институте, устроился в частную фирму и получал деньги в долларах, в настоящее время это примерно сорок тысяч рублей — не густо, но тогда они имели вес. Затем, я подвизывался и участвовал, в так называемых, левых договорах, то

есть идущих мимо кассы института. Многие мои знакомые тогда халтурили. Это даже было нормой. Где платили туда люди и шли.

Однажды мне удалось показать дочери Маше свой институт и дать ей посидеть за своим рабочим столом. А еще мы ходили по кабинетам, я сводил ее в лабораторию, где она посмотрела уникальное оборудование, а затем даже немного поиграла на персональном компьютере. У меня было желание вместе с нею побывать на первомайской демонстрации. Я тогда побывал с дочерью у начальника отдела и договорился, но неожиданно праздник отменили.

Я долго не хотел бросать институт и из последних сил держался за место старшего научного сотрудника, пока наконец не понял, что следует уходить, так как НИИ никому не был нужен — дышал на ладан. Для руководства самое ценное в нем представляло, не люди, а большое двадцатиэтажное здание. Оно, после приватизации было у коллектива за копейки отобрано и в настоящее время является доходным бизнесом — используется под сдачу многочисленных помещений различным фирмам и фирмочкам. Я даже знаю в нем кто шикует, но это ничуть не меняет дело.

Мне тогда пришлось переквалифицироваться и заняться проблемами сертификации и качества продукции на литейно-механическом заводе, расположенном у дома. Я устроился начальником отдела. Моей жене Марии с работой библиотекаря тоже пришлось расстаться. Ей предложили место

учительницы в престижной школе с углубленным изучением английского языка — туда куда ходила наша дочь. Это стало необходимым условием чтобы в школу взяли и сына. Для того чтобы в будущем не возникло никаких проблем Мария закончила вечернее отделение Московского педагогического института. На работу в школу она ходила вместе с детьми, что было очень удобно.

Наши дети учились. Им приходилось нелегко, например, во втором классе у них кроме обычных предметов начиналось преподавание уроков английского языка. Ему уделялось по семь часов в неделю, не то, что сейчас, хорошо, если четыре-пять. Тех знаний, которые давали раньше в школе уже не дают. Наши дети неплохо знают язык и при поездках за границу легко им пользуются.

Что можно сказать о том времени: я в детстве мечтал учиться игре на баяне, но в Щурово тогда не было музыкальной школы и я сам, как мог пиликал, заглядывая в самоучитель. Для устройства детей в музыкальную школу я потратил немало времени: Маша пошла обучаться игре на гитаре, а Женя на флейте. Дочь неплохо справлялась с инструментом — ходила к известному гитаристу Пенькову Игорю Александровичу, порой он отсутствовал, так как работал в ансамбле Юрия Антонова разъезжал по концертам. Женя учился на флейте. В последствии он не доучился — забросил. Однако при написании небольших программ на компьютере, где требовались музыкальные заставки он легко справлялся. Ему

пригодилась нотная грамота. Дочь музыкальную школу закончила на «хорошо». Мы думали, что она время от времени будет нас радовать своей игрой, но нет, вдруг неожиданно ее гитара замолкла и теперь пылится на шкафу. Знакомая, учившая Машу игре на фортепьяно, однажды при случайной встрече с женой, в одном из магазинов, поздоровалась и не удержавшись со слезами на глазах сообщила о гибели нашего преподавателя. Его убили грабители, когда он после окончания занятий торопился из музыкальной школы домой. Не знаю, возможно, отказ дочери играть на инструменте пришелся на этот трагический момент. Что-то в ней перевернулось.

Пришло время, дочь успешно закончила школу с углубленным изучением английского языка, и я с учетом ее интересов подобрал для нее институт. Она поступила на факультет журналистики и переводчиков. Во время обучения Маши на старшем курсе, я устроил ее на полставки редактором в журнал, в котором печатал свои научные труды. Это после помогло ей в будущем пойти работать по специальности.

Проблем с сыном тоже не было. Для него я подыскал колледж информационных технологий. Он желал заниматься программированием. Однажды Женя, обучаясь в девятом классе, на одном из конкурсов занял первое место за разработку школьного сайта и получил от муниципалитета премию. Данное мероприятие было для него толчком. Он загорелся идеей стать классным программистом. Сына тогда взя-

ли на должность лаборанта, чтобы он в свободное от учебы время занимался школьным сайтом и еще Женя по вечерам по удлиненной программе два года вместо одного ходил в колледж. Окончив школу, а затем через год и колледж, парень поступил в институт.

За детей я был спокоен. Им уже не нужны были мои сказки и рассказы. Да и печатать их было уже негде, журнал был закрыт, и я мог писать в стол, затем у меня появилась возможность писать в Интернет. После я понял, что это почти одно и то же. Однако Хоби есть Хоби. Оно меня ни раз выручало от нервных срывов. Наступило время, и я снова взялся за роман: «1984». Материала для его написания было достаточно, стоило лишь немного над ним поработать и сформировать сюжет. Я, недолго думая, забрался на антресоль и достал не только тетрадку Хазарского с голубой коленкорной обложкой, но и свои записи, после чего сел за компьютер и принялся писать. Вначале шли мои главы. Мне их пришлось немного подкорректировать под полученный моим товарищем материал, что мной было сделано без особого труда. А еще, я наморщил лоб, вспомнил приезд Марии Хазарской в Россию и застолье у нас в доме. Этого было достаточно чтобы с новыми силами начать работать над книгой.

Глава 7

«Радуйтесь, обладая женщиной, любуйтесь ее красотой и наслаждайтесь в постели. Знайте, наступают времена, когда она под влиянием Дьявола изменится до не узнаваемости, и станет вам вначале ненавистна, а затем страшна и будете вы искать себе утешения в кругу таких же как вы горемык и хорошо, если со стаканом водки в руке, а не вне потребных оргиях и извращениях».

Не знаю, чьи это были слова, которые я не без шока прочитал в тетрадке у Михаила Хазарского, но наверняка не его, а какого-то ветхозаветного пророка. Меня они тронули до глубины души.

Нужно ли нам людям: мужчинам и женщинам мельтешить на этом свете, что-то делать непотребное, вызывающее отвращение друг к дружке. Требуется ведь не так уж много — мужчине любить женщину, а женщине — мужчину и не более того. Не зря же Иисус Христос сказал: «Я пришел чтобы дать вам любовь». Она, эта любовь для чего-то нужна и забывать о том не следует.

Однажды, в Щурово я встречался со своими поседевшими и потрепанными жизнью одноклассниками. Мы сидели за накрытыми столами в кафе, выпивали, закусывали и вели беседы. О чем мы тогда говорили, чем хвалились друг перед дружкой? Вы думаете речь шла о том, кто из нас каких до-

стиг высот? Так вот нет, нет и, нет! Ни какое занимаемое в прошлом положение, никакая значимая должность для людей пенсионного возраста значения уже не имела. Речь шла о простом, но очень важном, о детях и внуках. У кого их сколько? Среди нас нашлись и такие, которые сидели, опустив ниц головы. Им нечего было сказать. Правда, их оказалось немного. Наградой для каждого из нас за долгую прожитую жизнь — медалью, орденом или же звездой героя были маленькие девочки и мальчики — внучки и внуки. Мы восторженно рассказывали о их первых шагах, удачах и неудачах и готовы были это делать бесконечно долго.

Для русских людей, считающих, что жизнь человеку дана для чего-то возвышенного, пока нами до конца еще непонятого, а не для веселья и удовольствий с нашим менталитетом, в отличие от человека западного склада ума, найдется спасение. На нас смотрит Бог, а на них Черт. У них в крови бесстыдство и разврат, у нас благоразумие и воля дабы не пресечь в будущем род людской. Мы готовы жить под покровительством Бога, хотя у нас уже нет былого рвения расширить в молитве лоб, но все еще очень велико желание в душе выполнять его заповеди.

Мне тяжело было разбираться в каракулях товарища. Я не сразу понял, что он хотел ими выразить. Текст, так называемая его «тайнопись», на первый взгляд выглядела безграмотной мазней. Ничего кроме эмоциональных картинок. Правда, это все написанное нельзя было отнести и к стенографии.

Хотя Хазарский и был журналистом, но ею не владел, да и я, если честно сказать, однажды пытался изучить, но так и не осилил. Тут мы с ним были на равных. У нас тогда изучать стенографию уже не было особой необходимости: на смену ручкам и блокнотам пришли диктофоны.

Михаил не хотел, чтобы его записи попали к кому-нибудь другому кроме меня. В них должен был разобраться только один я. Даже, например, Мария, не знаю, жена ему на тот момент, а может, уже и нет, воспылай любопытством к этой странной тетрадке в голубой коленкоровой обложке, понять в ней ничего не смогла бы. Наверняка, женщина сделала попытку, но, затем плюнула и отдала ее мне. Занимайся, если делать нечего!

Я занялся. Вначале попытался перенести текст на компьютер, затем прошло время и мне уже не представляло труда понимать мысли своего товарища, оттого при написании романа, для получения информации пользовался исключительно ею.

«Хазарские плюс», то есть человек десять-двенадцать приехали не на пустое место об этом сообщила новоиспеченная американка. Им была предоставлена на время адаптации в иных условиях жизни хорошая жилплощадь, из слов Марии — большой двухэтажный коттедж, с прекрасным благоустроенным двориком, на все их большое семейство. Проблем с питанием не было: в доме работал холодильник и был забит под завязку. Их проживание было оплачено еврейской

диаспорой. Для получения вида на жительство всем этим евреям необходимо было в ускоренном порядке в течении полугода изучить английский язык, а еще сдать историю США и его политическое устройство.

Они жили вначале то ли в штате Иллинойс, а затем в Северной Каролине, то ли наоборот, я так и не понял, главное не на одном месте. Не знаю, с чем это было связано, может с выбором работы.

Михаил нашел себе место в русской газете с еврейским уклоном, а Мария, когда она, однажды, приехав в нашу страну, сидела за столом и уплетала рыбный пирог, запивая его чаем хотела похвалиться, куда она пристроилась, но, поправляя прическу, затянула, и не успела открыть рот, как влезла Валька Гулишвили и выкрикнула:

– Да знаем, знаем! — Косметологом. Я это вижу по твоей ухоженной «морде», — и громко, некрасиво засмеялась. Нет, не от зависти. Уж чего-чего, а этого «добра» у нас на тот момент не было. Ни у кого, из уминающих пироги, булки и другие кулинарные изыски моей жены, не мелькнула даже маленькая мысль: «Ах, как же там хорошо». Никто, из хозяев, представителей Российской Федерации, сидящих за столом, не хотел этого хорошего. У нас и своих проблем хватало, их бы разгрести.

– Да, косметологом! — тут же подтвердила Мария: — И, представьте, ни о чем не жалею. Вот так! Мне просто повезло. Заниматься грязной работой, я даже здесь не могла се-

бе позволить, а уж там, тем более. Вы же знаете, в СССР я была вынуждена работать по специальности. Отработала целых три года. А уж после занялась любимым делом. Моего сына взяли в частную школу лишь из-за того, что я согласилась преподавать в ней эту как там? Долбаную биологию. А там, в США мой диплом не котируется. Это у них — просто бумажка. Я, конечно, берегу его, но думаю, этого делать не следует: вот приеду домой, наберусь смелости и выброшу!

«Да, тяжело мне пришлось, хотя я и знал язык». — Здесь и далее я свой текст дополняю словами из тетрадки Михаила Хазарского. — «Знаний английского языка, полученных в СССР, для меня было недостаточно. Он был академическим, в нем не хватало эмоциональных изысков, — написал мой товарищ: — Я должен был крутиться, как белка в колесе. Я работал даже ночами: пошла публикация, — получи, нет, — соси лапу. Ну, не сидеть же на иждивении у жены? Хотя она тоже не была загружена работой. Ну, кто к ней пойдет. Год-другой работы косметологом в СССР — это ничто. А еще она столкнулась с большим разнообразием всяких там косметологических средств на непонятном ей языке и растерялась. Что она могла сделать? «Пилите Шурик, пилите»! — и все. Этого мало. Ходили вначале к ней свои люди, приводили знакомых со стороны. Она на них училась, пока не появился небольшой контингент. Но это все ей далось потом».

Для газеты нужны были статьи, охаивающие жизнь в СССР. Нести чушь не возбранялось, однако такого материа-

ла было много, и пройти могло что-то особенное еще нигде не засвеченное. Михаил старался. Ему порой приходилось придумывать или же перерабатывать анекдоты свежие еще неизвестные никому в Америке. Это звучало ново. Правда, в любой момент Хазарского могли уволить, хотя он и так в штате не числился. «Однажды мне о своей работе в заводской газете многотиражке рассказывал Семен, так у него положение было намного лучше: он получал зарплату. А еще мог войти в штат. Он, для сохранения своего доброго имени, не позарился на должность и отдал ее своему товарищу. Я был готов даже друга растоптать и несмотря ни на что занять его место. Здесь в Америке у меня на тот момент не было друзей. Я никому не мог довериться, лишь только своим родственникам, с которыми приехал в эту страну, но и то — неизвестно, насколько? Они тоже в будущем могли вдруг меня предать. Я не понимал эту новую жизнь в новой стране и не мог уверенно сказать: — мне повезло или же не повезло?»

Однажды, Хазарский из-за проблем с сыном в школе был вызван «на ковер» к директору. Для этого ему был назначен неподходящий час: он сдавал статью и процесс этот затянулся. Ждать было просто невозможно: — поджимало время. Михаил, взглянув на часы, вдруг резко встал, извинился и рванул к выходу.

На улице мой товарищ был ошеломлен: рядом галдели, кричали крашенные полуголые парни и женщины, а еще били

в бубны, размахивали погремушками и выказывали непристойные действия, извиваясь, как в аду на горячей сковородке, всем телом. Это было уму непостижимо.

Он в СССР ходил на торжества в честь Великого Октября и на день Победы — девятого мая, а еще на Первомайские демонстрации, ему это даже нравилось, иначе бы не взял однажды с собой сына, но такого что творилось здесь, никогда не видел. Хазарский был в замешательстве и не знал, что делать? Наверное, ему стоило эту на всю улицу колонну как-то обогнать и поторопиться на прием в школу, но мужчине неожиданно припомнилась траурная процессия недалеко от Курска. Он тогда на своем автомобиле торопился к бабе Циле — своей матери, а еще мои слова: «... обгонять ни в коем случае не следует, это все равно, что торопиться на тот свет», — нужно, пристроившись вместе со всеми чинно следовать до тех пор, пока тебе не освободится проезд, а уж тогда жми на акселератор. И Хазарский сдался, он шел и шел.

От понимания, своего положения: он опаздывал и немало, мой товарищ для снятия стресса заорал на своем и, поливая этот некультурный народ всеми цветами радуги — русским отборным матом продолжил путь. Пусть эти янки знают «наших». Он здесь был еще чужой. Это ему придавало силы и уверенности в своей правоте. И все бы ничего, но среди гомосексуалистов, трансвеститов, лесбиянок и прочего сброда, мелькнуло вдруг лицо начальника, нет, не отдела, а почитай непростого — босса газеты, в которой Михаил ра-

ботал. Ох, как он его напугал, дождавшись удачного момента «новый американец» сразу же улизнул и, ничего не подозревая о полученной поневоле раскраске: кто в толпе из этого отребья его только не целовал, — тут же бросился в подворотню, а уж затем, торопливо семеня ногами, добрался до школы.

Хазарский, не нашел желаяния или же целесообразности чтобы описывать учебное заведение, в котором учился его сын Ефим. Не знаю, с чем это было связано? Тетрадь, была небольшого объема и, наверное, оттого не могла изобиловать подробностями, хоть самому садись за стол, да пиши.

Однако, я этого делать не буду, так как за границей не был, чего доброго, «навру в три короба», но, чтобы как-то дополнить товарища сошлюсь на кинематограф. В девяностые годы чего только мы не крутили. Мне запомнился фильм Роберта Замякиса: «Назад в будущее». Школа восьмидесятых годов, а еще в ней длинный коридор, галдящие на перемене дети, надзиратель лысоватый вездесущий мистер Стрикленд, пытающийся успокоить всех и навести порядок.

Наверное, этого достаточно, чтобы с помощью Голливуда дать представление об их буржуйской школе. Наша — другая, она отличается от американской, да и от западноевропейской школы наличием в интерьере естественных материалов, а не огромного количества пластика.

Я помню, когда у нас в Москве стало модно делать евро-ремонт, многие квартиры стали похожи на офисы.

Так вот Хазарский оказавшись внутри учебного заведения, в таком вот коридоре, нашел надзирателя, и он его сопроводил до кабинета своего босса. Далее уже слова Михаила: «Директор лицея, несмотря на мое опоздание, едва я появился на пороге, осмотрел меня и встретил в полном восторге».

— Я рад, я рад, что вы один из наших. Мне с вами будет проще разговаривать. Я по поводу вашего мальчика или может девочки?

— Он у меня мальчик.

— Ну, хорошо, пусть будет мальчик. А что так строго.
— Мужчина, взглянул на меня, окинув сверху донизу.

— Вы, так понимаю мужчина!

— Да, мужчина, — с небольшим раздражением ответил я и мгновенно сообразил, что мне здесь в кабинете директора так вести не следует. Он ко мне настроен благодушно, зачем злоупотреблять его доверием, себе вредить. А еще мне вдруг вспомнился один инцидент из детства сына, отдыхая у бабы Цици, он играл на лугу в любимую им лапту и, бегая с ребятней, напоролся на кол, который кто-то из владельцев козы, гоняя ее на выпас, отчего-то не удосужился вытащить из земли. Ефим тогда распорол себе мошонку и неделю пролежал в больнице.

— Знаете, — чтобы не втягивать сына в половые конфликты, разгоравшиеся в стране, уже мягче, сказал Хазарский пожилому, похожему на петуха человеку, — он у нас был де-

вочкой. У него остались шрамы, там внизу, — и показал рукой между ног. — Мы ему об операции и о том, что он уже совершенно другой человек, даже не заикаемся. Это у нас в семье табу! Да и зачем травмировать детскую психику? Я так думаю, что этот факт останется, между нами.

— О-о-о, да, я понимаю, вы хотели мальчика, а родилась девочка..., Больше ни слова. Я молчу, — заверил директор и, пригласив Хазарского присесть на один из стульев, принялся говорить об успехах Ефима, точнее, — неуспехах, правда, недолго, расстались они — хорошо, по-доброму.

От этого посещения школы Михаил Хазарский неожиданно приобрел единомышленника, жизнь у сына оттого наладилась, оценки отчего-то стали выше. Нельзя было сказать, о чрезмерном усердии Ефима. Он не стал больше времени уделять урокам: сидел за учебниками из-под палки, орудовал карандашом в тетрадке с не охотой, он был не такой человек.

Что еще? Неожиданно изменилось отношение к мальчику друзей, хотя какие они ему друзья? Дети просто стали к нему обращаться намного деликатнее, хотя и давили, на молодежном сленге — буллили, но уже не так рьяно, как раньше. Ефим перестал слышать от одноклассников в свой адрес за спиной грязных слов и откровенных ругательств: «У, русская свинья, что она там все хрюкает, опять жизнью недовольна». Это паренька несколько успокоило.

Жизнь у «нового американца» — его отца, побывавшего в толпе — на параде, разнуждавшихся трансгендеров, как муж-

чин, так и женщин, тоже стала другой более яркой и эмоциональной.

Однажды кто-то из сотрудников газеты остановил его у лифта и тихо так сказал, что ему не следует при посещении офиса одеваться в строгий английский костюм, не к чему это, добавьте больше цветного, будьте своим человеком. У нас уже все о вас знают. И этот «новый американец» — в прошлом москвич, был вынужден, кивнув головой, про себя подумать: «Хорошо бы и мне о себе все знать».

Что интересно? Проблема сдачи материала как-то сама собой разрешилась: статью бывшего советского журналиста известной молодежной московской газеты, оставленную на столе у начальника отдела, взяли и уже в следующем номере, она вдруг вышла в свет. Михаил в кассе получил полагаемые за нее деньги, и как показалось, отчего-то несколько больше, чем рассчитывал. Неужели гроза внештатных сотрудников попал в ДТП и прилично треснулся башкой, ведь он этот материал тогда не мог протолкнуть, очень уж начальник упорствовал и на чем свет стоит «поливал» все, что было написано отщепенцами из СССР и вдруг нате — напечатали.

Да, мир перевернулся. Неожиданно, сразу же из бухгалтерии Хазарского вызвали в кабинет Главного редактора газеты. Он постучался и с боязнью, осторожно открывая двери, вошел.

За столом сидел «петух» — Клин Гейц, весь из себя, собственной персоной. Один ему был знаком — директор шко-

лы, в которой учился сын. Мой товарищ сумел найти к нему подход и втереться в доверие. Но то был пройденный этап, а сейчас он нервничал, его била дрожь, пытаюсь ее унять, Михаил остановился на полпути и, подняв голову, поприветствовал Петуха, присвоив ему порядковый номер — два.

— Заходите, заходите, не стесняйтесь, присаживайтесь, — пожилой человек необычно одетый указал рукой на стул.

Хазарский присел. Лично за руку с Клином Гейцем он знаком не был, так как в штат сотрудников не входил, а значит у того не было необходимости тратить на него свое драгоценное время. Однако Хазарский знал его в лицо и тот его тоже. А еще моему товарищу говорили о необычайно строгом характере Главного редактора, оттого он был не на шутку всполошен. Ждал чего угодно и в первую очередь приключений на одно самое место и был просто ошарашен его неожиданным предложением.

— Я хочу вас взять на должность начальника отдела. Теперь, в случае нашего согласия, вы из разряда «свободных художников» будете вынуждены каждый день ходить ко мне в офис.

Он тут же назвал Михаилу сумму будущей зарплаты, резко сократив его время на раздумье.

— Да-да, я согласен! — пролепетал торопливо мой товарищ: — да это я по деньгам раз в пять переплюну свою жену Марию, — мелькнуло у него в голове, — непременно будет кусать себе локти. Непременно. А то уж совсем распоя-

салась, стала мной понукать, хоть и дома не появляйся.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Главный редактор Клинт Гейц, поднялся, подошел к бару, достал из него бутылку виски и стаканы. Хазарский тогда подумал: ничего подобного у нас в Москве в молодежной газете не было, я был зачислен в газету на основании диплома, а вот Семен в свою многотиражку попал именно так, только его Главный редактор от чего-то предпочитал красное вино, а мой любит крепкие напитки. Тут, как говорится на вкус и цвет товарищей нет.

Они выпили и разошлись. По звонку Клина Гейца Хазарским тут же занялись: показали небольшой уютный кабинет, познакомили с сотрудниками, сообщив, что это не все, есть еще множество людей не входящих в штат.

— Я, предлагаю, с ними знакомиться во время приема статей в номер, — сказал молодой задерганный секретарь, представившийся Джимми Бамой, чем-то напомнивший Михаилу суматошного Эдуарда Гулишвили — Валькиного мужа. Однако, в отличие от него, руки у этого молодого мужчины были идеально чисты, да и одет он был опрятно, выделялся лишь только ярким галстуком.

— Они в дни приема сами вам о себе напомнят, — продолжил секретарь, — можно не переживать.

Новый начальник отдела ради хохмы покопался в списках и назвал фамилию Ричарда Ренгина, затем попросил его вызвать на завтра к десяти часам. Он знал, — это был его псевдоним. Хазарскому непременно захотелось посмотреть

на расторопность американского секретаря Джимми Бамы. Чем он мог отличаться, например, от секретаря — девушки, работавшей у них в СССР в молодежной газете. И что же случилось? Прошел не один день. Михаил ждал и выслушивал слова извинения секретаря, однако не открывался: ему неожиданно пришла в голову мысль пристроить безработного мужа сестры своей жены Марии толстячка Олега Палкина.

Мой товарищ, новоиспеченный начальник отдела, тогда не знал, чем это ему грозить в будущем, даже не догадывался. «Должны же мы, не чужие друг другу люди, не ждать милостей от американцев и сами помочь себе», — подумал он. Дав, секретарю адрес своего деверя и дождавшись отправки курьера, Хазарский, развалившись в кресле в ожидании его прихода, просматривал статьи, отобранные для нового очередного номера газеты. Однако все никак не мог сосредоточиться.

Наконец в дверь постучали. Это был Джимми Бама, войти он не стал, заглянул в полном смысле этого слова: просунув голову вместе со своим ярким галстуком и отрапортовал:

– Ричард Рейган, прибыл.

Хазарский не стал поправлять молодого человека и в благодарность лишь только снисходительно кивнул ему головой, а затем предложил пропустить внештатного сотрудника для разговора.

– Хелло, сэр! Присаживайтесь, — вышел из-за стола и

неторопливо прошелся по кабинету. Они заранее по телефону договорились вести себя осторожно и по возможности ни в коем случае не показывать своих родственных отношений. Однако, Михаил все-таки не удержался и обнял толстячка — давно не виделись, хотя и жили в одном доме, правда, в разных подъездах.

Момент, когда Михаил прижал к себе деверя, был замечен секретарем Джимми Бамой, явно гомиком. Хазарский тогда этому не придал внимания. Голова у него была занята мыслями, как помочь Олегу Палкину. Тот находился в поисках работы. Возможно, оттого его жена — сестра Марии не лезла к ним — ни к чему это было, — похвастаться-то не чем. Прошло то время, когда они жили беззаботно и весело все вместе в доме-коттедже большой семьей, адаптируясь к американской жизни.

Олег вел себя явно не как Ричард — напряженно и не уверенно, не понимая, чего он от него хочет. Наверное, не давала расслабиться окружающая обстановка. «У меня не было желаний раскрываться здесь перед ним: мы могли объясниться и дома — слова из голубой тетрадки Михаила Хазарского. — Дабы создать деловой разговор, я вытащил из стола свою же статью, заранее приготовленную, и принялся ее при нем разбирать на абзацы, указывая на имевшиеся недостатки».

Олег Палкин торопливо, с некоторой боязнью кивал головой или же отвечал, порой не впад:

– Будет исправлено.

Дома, вечером Михаил зашел к своему деверю домой с бутылкой водки, и они долго разговаривали на кухне. У него не было уверенности, следует ли еще глубже забираться в дебри, может плюнуть на все и не раскручивать этого самого Ричарда Ренгина в образе Олега Палкина.

Деверь по профессии не был журналистом, он мог засыпаться, так как окончив технический институт работал на заводе и неплохо зарабатывал деньги в СССР, в должности начальника измерительной лаборатории. Наталья, его жена им была недовольна и, наверное, оттого она сразу же на предложение Хазарского, на отъезд из страны согласилась, а что ей было делать. Все шло к разводу. Она надеялась, что здесь в США женщины ему докучать не будут. Здесь дурочек нет — нужны деньги и немалые. Ее Олег был не при делах. Он даже работу не мог найти, хотя и получил вид на жительство. В США, несмотря на пособия, жизнь без работы плоха. Не та мощна. Правда, в стране Советов у деверя Михаила была какая-ни-какая власть, в распоряжении толстячка находилось с десятков молодых девушек. Он их изо дня в день отправлял на объекты завода для проведения замеров. Затем они, возвращались и для отчетности заходили по одной к нему в кабинет, чтобы доложить начальнику о результатах своей работы. Олег не одну из своих сотрудниц сумел приголубить. Охоч был до женского пола. В отделе даже поговаривали, что

некоторые из них от него родили прекрасных малышей и довольны.

Хазарский, может быть, и не стал раскручивать «аферу с внештатным сотрудником». Мог и сам иногда для души что-нибудь пописывать этакое и время от времени публиковаться в газете от имени Ричарда Ренгина. Лишние деньги ему не помешали бы. Однако родственник, пропустив один-другой стаканчик без закуски, неожиданно осмелел и за предложение тут же ухватился:

— А что мне прикажешь делать? Ты, думаешь, я уехал из СССР из-за Натальи, как вы все вокруг считаете, — он помолчал, а затем, словно, его прорвало закричал: — Нет! Нет! И нет! Мне, да будет тебе известно, из-за одного старого дурака грозила уголовная статья. Он на заводе был «шишка». Я тебе о нем когда-то говорил. Да ты может быть его и знал. У него фамилия Резник, он гулял на нашей с Натальей свадьбе и знаешь, такой нам сервиз подарил, на двенадцать персон, закачаешься. У него на заводе была касса, или общак. Ты же в курсе, у нас — евреев, как и у тюремщиков, есть свои деньги, без них, ну никак нельзя. Что, если одному из наших многочисленных собратьев внезапно потребуется помощь? Он ее получит. Бабки на наш отъезд, откуда взялись? Оттуда.

— Да, знаю я, знаю, — ответил Михаил, подумал, а затем вдруг задал вопрос: — А если бы не та подстава. Я уже не помню, с чем она связана, ты уехал бы из СССР или остался

и жил бы сейчас в России?

Олег долго молчал, затем предложил еще выпить по рюмке водки, тут же налил и, когда они опрокинули очередных сто грамм и крикнув принялись, причмокивая закусывать соленым огурцом, сказал:

— А все-таки наша водка куда лучше чем их виски, а то виски, которое хорошо идет, очень уж смахивает на нашу водку, вот так! Ну, да ладно. Не об этом разговор. — Олег отодвинулся вместе со стулом от стола и продолжил: — Этот Резник, затащил к себе в гараж бабу, дома — жена, опасно было, напоил ее и сам ужрался как русская свинья, хотя у него на лице было написано — еврей, — дело было зимой, — они, сидя в машине, натопили печку и, раздевшись донуга, занялись любовью. Здесь в Америке говорят сексом. Он у нас лишь только в девяностые годы появился, а тогда его не было. Я своим бабам никогда не платил, — и Олег посмотрел по сторонам. — А еще, если бы не печка в машине да не прикрытая плотно дверь гаража, они бы ни за что не угорели. А так, нехорошо вышло: их обнаружила милиция. При обыске у него в гараже нашли нашу кассу: золото и много денег. Я, конечно, был «маленькой шосткой», ну как бы секретарем, но под меня тоже стали копать. Наверное, из-за того, что в бумагах нашли и мою фамилию. Нельзя было мне оставаться, нельзя! Это твое предложение махнуть в Америку оказалось, кстати.

Друзья в квартире были одни, то есть их встреча прохо-

дила с глазу на глаз — так уж получилось.

— Знаешь, что я скажу об СССР? — Олег, сделал паузу, а затем выдал: — Не следует сожалеть. Одна афера у меня там благополучно закончилась не без твоей помощи, пора начинать другую — здесь, в США. До каких пор ходить неприка-
янным, то есть не при делах. Ты только не дрейфь, мы про-
рвемся, и в этом нам поможет то обстоятельство, что хотя все
люди евреи, но не все о том знают. Вон, Галкин с Аллой Бо-
рисовной жизнь прожили и наконец-то на старости лет дога-
дались. Я смотрел их фотографии — вылитые евреи. А Ма-
каревич, а Гребенщиков? Много их на нашей грешной Зем-
ле ходит, очень много. Я вот чем дольше живу, тем чаще они
мне попадаются на глаза, да и здесь хватает, что собак не ре-
занных, — сказал и неожиданно умолк: потерял мысль, затем
после очередной рюмки очнулся и как ни в чем не бывало
продолжил: — Так вот, американцы своей бесшабашностью
очень часто смахивают на русских. Знай, это нам евреям —
на руку, — Хазарский согласился с родственником. Они вы-
пили на посошок, и Михаил от Олега отправился домой в тот
момент, когда открылась дверь и на пороге появилась Ната-
лья: — «Ну, вот, как там говорится, «здратье вам и тут же
до свиданья» — выкрикнула она: — Передавай привет моей
сестре. На днях найду время и обязательно зайду в гости».

— Непременно, непременно передам! — буркнул Михаил,
заплетающимся языком и вывалился на площадку.

Разбирая тетрадь Михаила Хазарского, я вспомнил, что

знаком с этой самой сестрой Марии — Натальей. Я тогда учился в институте на вечернем отделении и мне чтобы после сессии отдохнуть на родине — в Щурово, приходилось два-три экзамена сдавать досрочно. Однажды их сдача совпала с работой, я пытался заранее договориться об обмене сменами, не получилось, никто из ребят не согласился и тогда решил на авантюру — отправился в заводскую медсанчасть за больничным. Только он мог спасти мое положение. Там я и познакомился с Натальей — этой красивой еврейкой, новым врачом терапевтом. Она меня внимательно выслушала, для приличия замерила температуру и давление, а затем выписала нужную бумагу. А еще, молодая женщина, увидев, как я на нее смотрю, вдруг неожиданно спросила:

– Что? Понравилась?

– Да! — ответил я.

– Ничего не получится, я уже замужем, — и засмеялась, затем, приняв серьезный вид, сказала:

– Не огорчайся. Я могу тебя познакомить со своей сестрой Марией, она такая же, но в отличие от меня, никем не занята.

Я согласился, про себя подумал: наверное, судьба мне жениться на еврейке. Та, к которой мы ездили вместе с Беником — хорошая девушка, но она всего-навсего — домашняя мышка — эта, глядя на Наталью, должно быть, эффектная дама, с ней можно показаться хоть где.

Но нет, ничего не получилось: ни она меня не заинтересовала, ни я ее. Наше мимолетное свидание в метро на станции

«Автозаводской» было настолько коротким, что Мария при последующих встречах уже в качестве жены Михаила меня не признавала и смотрела как на обычного соседа. Я, после при встречах со своим товарищем, недоумевал и что он в ней такого нашел?

Хазарский, неторопливо выбравшись из подъезда, далеко не пошел: ему достаточно было, перейти в другой — и всего лишь. Направившись восвояси, он неожиданно, задрав голову вверх, как-то иначе взглянул на здание и где-то на подкорке отметил, что дом не лучше известного ему в Москве, но и не хуже. Однажды, заинтересовавшись, Михаил нашел время и для себя выяснил: здание построили в 1984 году, то есть, он мог также, как и я сесть за компьютер и написать книгу, назвав ее подобно мне, а еще Джорджу Оруэллу. Но что-то товарища удержало. Возможно, это боязнь очень уж большого для него как журналиста материала, — я ведь тоже не сразу засел за книгу, — или же, сидящий глубоко внутри у всех нас еще с советских времен этакий свой «маленький главлит», неожиданно погрозивший из другого здания, например, редакции Клин Гейтца, пальчиком. Везде, даже в США с ее плановой демократией есть свои рамки, достаточно сильно ограничивающие порывы безумного свободолюбия. Для меня, пишущего в стол или же в Интернет тоже страшновато и несколько не по себе, я еще не знаю опубликую свой роман или же воздержусь.

Глава 8

Отношения этих двух родственников: начальника отдела Михаила Хазарского и его деверя Олега Палкина, часто забегавшего в здание редакции, стали заметны сотрудникам газеты. А все из-за того, что мой товарищ однажды подсуетился и внес его в списки внештатников под своим псевдонимом, то есть сделав фактически Ричардом Ренгиным. Недолго думая, он договорился с ним о смене темы: тот должен был уже писать о темных сторонах жизни на заводе и о невероятном притеснении еврейской элиты, выдавая все что только можно за проделки русской мафии и в итоге указывая на неизбежность разрушения социалистической системы.

Так, с легкой руки Хазарского на полосах газеты появился лысоватый представительный «мужчина с меткой черта» — Генеральный секретарь коммунистической партии и руководитель страны Михаил Сергеевич Горбачев, рядом, улыбающаяся бестия, его жена Раиса Максимовна, не зря толкавшие СССР в бездну и в итоге, добившиеся поразительнейших результатов — развала системы.

«Так оно и должно быть. Это участь всех закрытых государств, — с жаром писал Олег Палкин. — Нельзя спокойно относиться к попранию свобод в любой, даже маленькой стране, тем более в России, славящейся своими размерами. Что это еще за выражение невежественной женщины из глу-

бинки: «У нас нет секса» — просто смешно. Откуда тогда берутся дети? Если существует «добро», значит, непременно должно быть и «зло». Без этих двух компонентов — наступает застой. А раз так, необходима — «перестройка». Да и еще главное не забывать о гендерном равенстве и прививании терпимости народа к этой новой парадигме. На баррикады нужно идти уже не с красным флагом. Прошли те времена. Наше полотнище должно быть всех цветов радуги. Жить нужно ради удовольствия. Твой партнер тот, кто тебе люб. Не нужно заикливаться на таких понятиях как «мужчина» и «женщина». Никто человеку не указ. Кем он хочет, тем и должен стать. Эти бредовые идеи протезе Михаила Хазарского — Олег Палкин активно нес в массы американского общества того, которое считало, что все люди евреи.

Перестройка была нужна, однако, не Советскому Союзу, а всей капиталистической системе. При десятипроцентном росте ВВП у нас в стране — мир Запада и Америки давал два-три процента. За счет разрушения нашей страны капитализм выдержал и даже получил толчок в развитии. Однако Олег об этом не писал, у него в запасниках хватало всякого негативного хлама, он, измазавшись в своей же грязи, подобно шахтеру «выдавал его на-гора». А еще ему подсказали больше внимания уделять неформальным отношениям в Советском Союзе. Тема ЛГБТ стала нет-нет, и появляться в колонках его статей. Он в отличие от Михаила иногда, появляющегося в отделе с цветными галстуками, вообще пе-

решил все грани мужского приличия и, отправляясь сдавать свою очередную статью в печать, просил Наталью оставлять на его щеках отпечатки крашенных губ, — ей это отчего-то не нравилось, но не Палкину, — а еще повязывал на шею ее косыночки, а однажды пришел в женских туфлях: размеры обуви его и Натальи совпадали.

Нет, Олег ничего не путал и это все делал для придания, так называемого особого имиджа, старался, лез из кожи ради больших денег. И он их получал. Тому способствовал главный редактор Клин Гейтц. Он, независимо от Михаила Хазарского, легким росчерком пера прибавлял к зарплате этого толстячка лишних несколько сотен долларов.

Не прошло и полгода, в отделе, да и не только, по всей редакции заговорили о любовных отношениях начальника с этим новеньким — пухленьким Ричардом Ренгиным. Он, правда, у всех фигурировал, как Рейган. Тому способствовал и сам родственник Хазарского. Знакомясь с сотрудниками газеты, Олег вначале специально съедал окончание псевдонима, а затем без зазрения совести называл себя по фамилии Голливудского актера, правившего когда-то в США. Оно и понятно, так звучало, хотя и неправильно, но для «народа» привычнее. Фамилия Рональда Рейгана была у всех на слуху. Это давало Олегу особые преференции. Он вскоре стал на голову выше своих внештатных сотрудников.

Узнал о нетрадиционных отношениях своих двоих работников газеты, некогда прибывших из СССР, и Главный ре-

дактор — этот расфуфыренный петух номер два — Клинт Гейц и сразу же вызвал своего ставленника в кабинет.

Хазарский сильно тогда перетрухнул, можно сказать, шел на полусогнутых ногах, дрожал, а зря, все обошлось.

Главный редактор, лишь только он появился в проеме дверей, тут же небрежно указал своему начальнику отдела рукой на стул и, не дожидаясь, когда тот усядется, тут же открыл свой большой рот:

— Я, заглядывая глубоко в сердце, верил в вас, хотя вы, человек на первый взгляд, не внушающий доверия, так как прибыли из противоборствующей нам державы, но на удивление оказались передовых взглядов. Этот ваш любимчик как его Ричард... — и петух номер два, задумался, пытаюсь припомнить фамилию. Но, отчего-то тянул, вынуждая Хазарского назвать его.

— Рейган, — тут же помог ему Михаил и, поняв свою оплошность, сразу же торопливо исправился: — Ренгин, — затем подобострастно посмотрел на начальника снизу вверх. Такого в СССР он себе позволить не мог. Но, что поделаешь? Нужно было поступать сообразно тем условиям, в которые бывший москвич попал. Выпендриваться здесь в еще пока чужой стране было ни к чему. Хотя и прошел не один год, однако Хазарский для всех в Америке был отчего-то русским, а не евреем.

— Да-а-а! Этот ваш любимчик дорос до начальника отдела. Я это вижу. Пора ему переходить на свои хлеба. Вы, я думаю,

не возражаете? — Петух номер два сделал паузу и, не дожидаясь ответа, продолжил: — А со знакомством нашего читателя с недемократическими условиями жизни в вашей бывшей стране и их критикой вы и сами справитесь. У вас это неплохо получается. Я думаю, что Ричарду Рейгану можно, даже нужно доверить досуг американских граждан. У него с этим ЛГБТ выходит довольно хорошо. Я вчера прочитал его последнюю статью, про голых мальчиков, лежащих друг на друге, — Клин Гейц встал из-за стола, Хазарский было дернулся, чтобы подняться, но главный редактор не дал ему, подойдя, положил руку на плечо.

— А теперь, я хочу поговорить о другом.... Вы с женой не живете. Ваше супружество это всего лишь фикция. Я, прав? — четко, будто на сцене продекламировал он и, улыбнувшись, продолжил: — У меня когда-то все было также со своей Хилари и знаете, длилось не один год, если бы я вдруг не влюбился в соседа. Настоящее имя его Билл, но я его называю именем своей жены — Хилари — это очень удобно. Поэтому у меня к вам есть предложение, вы понимаете какое. Для рекламы чего только не сделаешь! Ох и свадьбу мы закатым. А чем черт не шутит, может, даже договоримся с самим Папой Франциском, — он очень современен, — и обвенчаем вас принародно в римском соборе. Бывший советский гражданин женится на бывшем советском гражданине. Вот будет сенсация. На весь мир. Эх, неплохо было бы провести в Санкт-Петербурге или же в Москве гей-парад, — Клин

Гейтц задумался и его рука невольно, словно, тисками сжала плечо Хазарского. Тот, машинально дернулся.

Это привело Клина Гейца в себя. Бывший советский человек не на шутку испугался, он не знал, что в следующий момент скажет этот любитель пухленьких мужчин. В голове у него мелькнуло: что если он сам положил на Олега глаз. Неужели допрыгался мой деверь, а я ведь его предупреждал и не раз говорил о странных добавках, не верил, потирал от удовольствия руки захотел больших денег.

Нескончаемо долго длился этот рабочий день. Михаил изнывал, глядя на экран монитора, мучился не находил себе места. Ему не терпелось забросить статьи и побежать к Олегу, и все ему высказать, а точнее вы кричать. Но, предложение Клина Гейца, не позволяло действовать опрометчиво: «новому американцу» необходимо было все взвесить и обдумать, а уж затем выложить на стол и не только своему родственнику — касалось это многих близких ему людей. Правда, у Хазарского еще было время. Петух номер два своего начальника отдела не торопил.

Минут за пять до окончания рабочего дня Хазарский позвонил своему родственнику и предупредил, чтобы тот нашел время и отложил все свои дела, а еще из дома никуда не отлучался.

– А что такое? — спросил Олег. Начальник отдела, увидев вошедшего в кабинет секретаря, заулыбался:

– Что-что? Да нам с тобой счастье привалило, — затем

уже более мягко поинтересовался: — А твои рядом?

— Нет. Они будут часов в восемь вечера.

— Это хорошо, — затем, буркнув: — До встречи Михаил бросил трубку. Он не стал объяснять, зачем это ему было нужно. Могли подслушать. Тот же Джимми Бама — его секретарь. А это Хазарскому было ни к чему. На лице при нем — этом лисе должно выражаться одно лишь довольствие и ничего более.

Едва дождавшись окончания работы начальник отдела быстро собрался и выскочил на улицу, затем торопливо побежал по тротуару, не особо обращая внимания на снующих людей и обстановку в городе. Он торопился. Не дождавшись, когда на пересечении улиц, загорится зеленый свет для пешеходов, новый американец рванул на желтый и, услышав пронзительный визг тормозов, резко остановился. Он чуть было не попал под машину. Негр-таксист, не мешкая тут же показал ему не тактичный жест рукой. «До чего же эти негры не воспитаны и вульгарны, — подумал мой товарищ, бывший москвич, так и не научившись называть их афроамериканцами, — еще мне палец сволочь показывает. Сам, наверняка, гей, по морде видно. Тут у них в Америке их пруд-пруди. Шапку брось в какого-нибудь уroda попадешь или же в лесбиянку».

Далее Хазарский шел без приключений и минут за тридцать добрался до дома, проскочив свой подъезд, проследовал к среднему. В нем, в небольшой квартирке, на одном из

этажей, жил его деверь с сестрой жены Марии — Натальей. Для того чтобы не засветиться перед консьержем бывший москвич, буркнув: «хелло» и тут же торопливо шмыгнул в сторону лифтов.

Как только Олег открыл дверь своему родственнику, и они поздоровались, Хазарский тут же воспроизвел жест негра-таксиста и сразу же адресовал его своему родственнику, а затем дополнил словами:

– Это меня просили передать тебе. Ты же у нас гей! Не я! Так что не обижайся и получи, комплимент.

– Да нет, что ты, не к чему это все! Я даже попытаюсь тебя успокоить и по возможности немного развеселить, слушай анекдот, — и Палкин принялся говорить о семье гомиков, как один из мужчин пришел к врачу с жалобой, что у них не получается с зачатием детей, просто проблема:

– Так вот, врач послал его сдать на анализ секрецию, — продолжил деверь, бросив на пол тапочки, — ну сам понимаешь, что обычно требуется. Тот сдал. Результат просто отличный. У супруги — тоже, конечно, мужика — результат — отличный. Пожав плечами, представитель медицины достал толстую книгу — энциклопедию и, покопавшись в ней, сообщил: «у вас бесплодие неясного генеза», иными словами — вы оба — идиоты и вам нужно обратиться психоаналитику.

Однако Хазарский этот анекдот выслушал спокойно, не проронив ни одного смешка и Олег, тут же сообразил: что

тот и правда не в себе, ждать сладких речей от него не стоит, хорошо, если родственничек найдет успокоение за столом, а то, чего доброго, и по морде съездит.

— Закрой дверь, — крикнул Михаил, проходя на кухню, — да-а-а и ключи из замочной скважины не вытаскивай. Вначале мы должны все обсудить с тобой наедине, а уж затем пригласим наших жен. Это и их касается, и даже коснется наших детей. Правда, они уже не маленькие и понимают.

Палкин, тут же полез в буфет за бутылкой водки, он понял, что разговор предстоит непростой, поставил ее на стол, затем достал из шкафчика стопки, а из холодильника стеклянную банку с солеными огурцами, молча порезал один, из выловленных в мутном рассоле, и аккуратно уложил на тарелочку, на другой тарелке он расположил колбаску. Задумался и, встрепенувшись:

— Ах, да? Еще сало и хлеб, — сделал паузу и тут же пожаловался: — Никак не могу привыкнуть к их булкам. Они очень мягки. В них не хватает этой, как там, нашей твердости и сермяжной простоты.

Два мужика сели за стол друг напротив друга и Хазарский, шумно выдохнув воздух, принялся, на чем свет стоит, ругаться, не выбирая выражений, он во всем винил своего родственника.

— Это ты, сволочь втянул меня во все эти безобразия, ты и никто другой, никто другой, запомни.

Тот сидел, не двигаясь, со спокойным лицом, как слон. За-

тем, помяв двумя пальцами кончик носа, чуть было не чихнул, но сдержался: он знал и так, что попадет: водка была своя и разлита, повод, чтобы выпить, хотя бы из-за того, что пришел Хазарский был. Выслушав своего начальника, Олег слегка усмехнулся и, не нервничая, будто за праздничным столом, неторопливо сказал:

— Ну и что ты кипятишься? Ничего ведь страшного не случилось. Я, если хочешь знать, ждал такой развязки. Ты же знаешь, журналист я просто никудышный. Самостоятельно я не написал даже одной маленькой статьи. Ты за меня подправляешь, я набрасываю сюжеты и всего лишь. А вот начальник, я буду хоть куда. Я привык еще там, в Союзе заправлять и знаешь, у меня неплохо получалось. Девчонки от меня были не в обиде, а некоторые остались даже с прибытком. Наверняка, сейчас вспоминают меня добрым словом! — на миг задумался, а потом дополнил: — А может костерят, не знаю.

— Ах, ты дурья голова! США — тебе это не Союз? У нас там была плановая экономика, а здесь плановая демократия, а еще такая же — свобода. Делай, что хочешь. Но знай за тобой непременно придут, правда, в том случае если ты вдруг нарушишь закон. А сейчас, не смей лениться, давай, наливай, — и подставил рюмку. — Я сейчас не в себе и пока не накачаюсь, под завязку, буду раздражаться, — сказал Михаил и надолго умолк. Когда они выпили раз и еще раз, тут же оживился и продолжил:

— Ну, ладно я с тобой, можно сказать, договорился, ну, а как нам быть со своими женами: Марией и Натальей? Они ведь не просто женщины — сестры. Это о чем-то говорит. Что если сплотятся и ударят по нам — «артиллерией». Что им наши пистолетики — те, что в штанах — все это фигня. Нам ведь с ними нужно будет непременно развестись. Они, что ради этого ехали в штаты?

— Стой, стой, стой! — закричал, перебивая Олег: — А зачем нам решать все за них, вот придут тогда мы и спросим, точнее ты спросишь, а сейчас для подвижности языка нам нужно достичь определенной кондиции. Выпили мы недостаточно, — и деверь в ожидании жен тут же схватил за горлышко со стола бутылку и принялся снова торопливо разливать по рюмкам. Благо время у них еще было.

В самый разгар пьянки дверь неожиданно распахнулась, — хозяин квартиры все-таки забыл и не вытащил из замочной скважины ключ, — на пороге появилась Наталья с Марией, а еще и с детьми: Ефимом и Женей. Они неожиданно все вместе встретились у дома и решили зайти.

Женщины тут же принялись ругать своих мужиков — «есть поедом», за устроенный кавардак. Их было не остановить, но Михаилу удалось, он буквально прокричал дамам, что выпивка эта не случайная, — предстоит трудный разговор и детей лучше убрать от греха подальше.

Мария Хазарская, лишь мельком взглянув на мужа, тут же его поняла, взяв за руки Ефима и Женю, она потащила их

к себе на квартиру; дети немаленькие, могут и сами некоторое время побыть дома. Заняться им будет чем: у каждого из них есть телефон с подключенным Интернетом, скучать не придется.

Палкин, еще до появления женщин, открестился, и все объяснения, связанные с гей-свадьбой взвалил на Хазарского. Он, глядя на него по-еврейски чистыми – значит, невинными глазами, выразился просто:

– Ты у нас самый умный, учился ни где-нибудь — в МГУ, а еще на хорошем счету у Клин Гейтца. Я с ним не разговаривал, ты был у него в кабинете, оттого тебе следует все рассказать нашим половинкам.

Женское любопытство не в состоянии долго ждать. Наталья минут пять сидела без движения, а затем, не выдержав принялась напирать вначале на Олега, а затем и на Михаила, но тот был кремень и не проронил, ни слова. Неизвестно, что было бы? Как долго мог сопротивляться Хазарский. Его спасла внезапно появившаяся Мария. Ей много времени не потребовалось, хватило десяти-пятнадцати минут: и вот она, толкнув дверь, тут же еще с порога закричала:

– Я уже здесь! Я уже здесь! Так, в чем дело? Не тяните, я прямо сгораю от любопытства.

Михаил, увидев жену, предложил ей сесть, чтобы она не упала от услышанного, и принялся объяснять:

– У нас на работе возникла неразрешимая проблема. Мы, конечно, можем на все плюнуть и растереть. Я и Олег уй-

дем из редакции и постараемся найти что-то менее опасное. Но, зарплат тогда, хороших зарплат, — повторил Хазарский, — мы в одночасье лишимся. Какое-то время нам придется может быть даже пожить на пособия. Не знаю, как быстро нас возьмут где-либо на работу после неудавшегося сотрудничества с Клин Гейтцем, — он почесал за ухом и продолжил: — молва, она такая штука, даже здесь в США. Возможно, мне и Олегу придется сменить вид деятельности, а также найти другое место жительства. А это значит, детям нужно будет уйти со школы, не закончив учебный год, а еще попытаться влиться в новые коллективы. Это сделать в чужой стране очень тяжело, — и он поник головой, как-ни-как, в школе маленький Миша, лет несколько, ходил в театраль- ный кружок и на сцене в актовом зале неплохо играл Пьеро в спектакле «Золотой ключик» и всяких других слюнявых персонажей, оттого знал, что нужно сделать, чтобы вывести из равновесия слабый пол.

Это ему удалось. Первой не выдержала его жена и, подхватившись со стула, громко выкрикнула:

– Да что такое? Я тебя не понимаю. Не томи, говори напрямую! — Она уже привыкла к большим деньгам и с ними расставаться ни в какую не хотела. Да и зачем в одночасье лишаться хорошего?

Их семьи стали неплохо одеваться, полюбили исключи- тельно кошерную кухню, и могли скушать где-нибудь в ре- сторане грудку курочки, гусика, что-то из индейки, а еще им

правилась красная рыба: семга, форель, а из белых пород — сибас и еще дорадо. Могли позволить. Заставить этих евреев съесть, что-то другое было невозможно, даже с картошкой фри, которая им вдруг здесь в США пришлась по вкусу. Например, подсунутый в гостях у дяди Изи — отца жены, на тарелку отборный кусочек минтая или же хека — мог пролежать довольно долго и остаться нетронутым.

Напор Марии, а Михаил зацепил ее специально, был, в этот момент, просто необходим для него, — он, уставившись на жену, тут же с присущей ему горячностью и азартом, продолжил:

— А то, нам всем нужно развестись. Затем, я должен буду жениться и ни на ком-нибудь, а на Олеге. В Америке сейчас новая мода. Видела, что на улицах творится? Разувай глаза, взгляни на экран телевизора! ЛГБТ? — слышала о такой организации? Так вот сейчас под венец мужик ведет мужика, а баба — бабу, — Хазарский, не теряя внимания, продолжая смотреть на супругу в упор, всплеснув руками, выкрикнул: — А что ты на меня так смотришь? Вы тоже можете друг с дружкой заключить брак. Хотя нет. Вы сестры. Даже здесь в этой очень, ну очень свободной стране — данный трюк не позволителен. Так вот объясняю с чем все связано. Мой главный редактор Клинтон Гейц — Петух номер два, первым я уже назвал директора школы, в которой учатся наши дети, решил меня и Олега свести, как говорится создать новую ячейку общества — семью нового типа. Желание моего

начальника обсуждению не подлежит. Вот так!

— Как это жениться? Олег ведь мужик! — от неожиданности подпрыгнула за столом Наталья.

— Был мужик, а теперь станет бабой. Не чего ему было у нас в отделе задницей крутить. Что не мог вести себя поскромнее?

— А-а-а, вот в чем дело? А я-то смотрю, он мои туфли уже приватизировал. Теперь понятно отчего, — Наталья сделала паузу, а затем продолжила: — Дура я была, дура. На меня там, в Союзе парень так смотрел, так смотрел, а я ему отказала, дескать, замужем, и предложила свою сестру.

— Это кто же такой? — тут же неожиданно подпрыгнула на пластиковом стуле Мария: — Отчего я его не знаю?

— Да, знаешь ты, что не помнишь, однажды, увидев, тут же отвернула от него нос, правда, и он в тебе ничего хорошего не нашел. Лишь одна я его заприметила. Он у нас на заводе работал инженером, сам устроился, никто его не двигал как моего шалолая. Да вдобавок еще учился на вечернем отделении в институте. Мне после говорили, пошел в науку. Я его как-то встречала возле твоего дома с женой, дочкой и сыном, он ничуть не зазнался и даже со мной поздоровался.

— Как долго нам здесь еще вести разговоры, о ваших любовных похождениях, — перебил Олег женщин, — давайте я вам налью, — и взялся за бутылку с водкой, но жена его остановила:

— Нам с сестрой, пожалуйста, сладенького Крымского мас-

сандровского винца, того, что ты спрятал по приезду.

После двух бутылок водки и большой — вина, все этими двумя парами было обговорено и решено. Родственников устроило то, что юридические расходы на развод, на свадьбу, романтическое путешествие и освещение события в газете на себя брал — главный редактор Клин Гейц.

Мария и Наталья договорились с бывшими мужьями, что они как жили с детьми, так и будут, а так называемая «молодая пара»: Михаил и Олег могут снять для себя в этом же доме свободную квартиру. Это позволит часто видаться и всем вместе отдыхать в выходные на природе.

«Народ» с шумом, отодвигая стулья, встал из-за стола, собираясь разойтись и сделал бы это, но раздался крик Марии:

— Да, подождите вы, не торопитесь, я тут случайно видела, в нашем подъезде один богатенький Буратино съезжает с шикарной квартиры. Вот бы неплохо вам мужикам ее как-то заполучить?

— А что, я попробую, — тут же согласился Михаил: — Завтра же, с самого утра отправлюсь к Клину Гейцу и попрошу, высвобождающуюся жилплощадь, «зафрахтовать» за нами. Дом-то этот ему принадлежит. Если он наше дело провернет быстро, проблему не затянет, значит, нам можно на него положиться. Да и еще, что я хочу сказать, после всех этих событий, у нас здесь в Америке начнется новая жизнь. И все, что было — туфта и вспоминать о прошедшем нам не следует даже в черно-белых снах.

С резюме, сделанным Хазарским все тут же согласились. Оно и понятно. Их ждало неизвестное будущее: хорошее или же плохое, но назад дороги уже не было. Американцы они. Этим все сказано.

Уже, находясь дома, лежа на кровати под телевизором, у Михаила в голове мелькнула мысль: а может они зря, так спешно покинули СССР? Ладно бы уехали в Израиль — это их прародина, их Палестины, а то в США. Отправиться в Израиль и мать бы, наверное, согласилась. Но их напугало то обстоятельство, что Ефим в Израиле, так же, как и в России, достигнув совершеннолетия, должен будет отслужить положенное время в армии и в случае войны, — не дай Бог, — защищать родину, ну, а Америку защищать необязательно. У нее есть доллар. Оттого, она велика и могуча, даст Бог или Черт — не сдохнет. А еще для войны достаточно и афроамериканцев. Стяг им в руки.

Уложив сына, Мария отправилась в постель к мужу — «под крылышко». Она не знала, что их ждало в будущем, а оттого ей не терпелось об этом будущем узнать у Михаила еще до развода.

Женщина прижималась к мужу и прижималась, при этом искала слова начать разговор. Михаил становился ей все ближе и ближе, и она вдруг всем телом ощутила его тепло, задрожала и поняла, что они друг другу еще не чужие. Правда, и не родные, иначе бы у них не было Ефима — их сыночка. У родных рождаются неполноценные уроды. Они

просто близкие люди. Между ними близость, а не секс, секс бывает лишь только у чужих людей. За него нужно платить «зелеными», а они не платили — были просто признательны друг дружке. Правда, здесь в США заводить ребенка им отчего-то не хотелось. Уж он бы точно родился истинным американцем.

Растворившись, друг в дружке, семейная пара, получив удовольствие, расслабилась и начала засыпать, но Мария, вспомнив о том, что хотела поговорить не удержалась и уже спросонья полусшепотом спросила у Михаила:

– А что? Может мы с тобой вместе последний раз спим? Ты об этом не думал? Завтра разведемся и конец нашим отношениям?

Женщине вдруг стало интересно, чем она могла понравиться еврею из Курска в далекие восьмидесятые годы прошлого столетия, вот Семен, тот, о котором напредила сестра Наталья, не нашел в ней ничего этакого примечательного — не в вела она его своим видом — формами, в дрожь. Может и Хазарский был к ней равнодушен, а женился оттого, чтобы после получения университетского диплома «откосить» от распределения и не уезжать к черту на кулички, то есть попросту из-за московской прописки — штампа в паспорте. Или же все-таки было что-то другое, толкнувшее его к ней?

– Тебе, наверное, понравились мои глаза. Они у меня карие — чайного цвета.... Ноги у меня, — не на что смотреть — слегка кривые, а еще волосатые, — она сделал паузу и не

услышав ответа, продолжила, — или еще что-то?

Михаил то ли спросонья, то ли из нежелания продолжать эту ненужную для него беседу, ответил супруге просто: — Не знаю я, может еще что-то, — и положил ей руку ниже спины, затем стал гладить ягодицы. «Да-а-а, — подумала Мария, — у Олега задница по более моей будет, как бы муженек в будущем не переметнулся к нему, здесь в США извращения поощряются».

Глава 9

На другой день все «закрутилось», правда, со скрипом: развели Михаила с Марией и Олега с Натальей не так быстро, как им бы того хотелось. Неприятная для всех процедура тянулась не один месяц. Регистрация их браков проходила в СССР, и оттого возникли юридические трудности. Что можно сказать: женщины в итоге остались довольны. Их устроили, назначенные судом, ежемесячные выплаты на детей. А еще мужчины оговорили время встреч со своими чадами. Хазарский, все сделал необходимое, чтобы не только видится с Ефимом, но и иметь возможность, время от времени, заваливать бывшую жену на кровать. Олег свои проблемы тоже решил. А еще Михаил договорился с Олегом для своих коллег создавать видимость счастливого брака и не более того.

– Ты, не женщина, — сказал Михаил, едва они остались наедине, — а я не извращенец какой-то и оттого посягать на твою задницу — не собираюсь. — Олег в знак понимания покивал ему головой, однако он не был бы евреем и оттого в первый же день выхода на работу после свадьбы тут же посетил супруга, а затем на глазах у Джимми Билла скривившись будто от боли прошептал тому на ушко:

– Знаешь, после ночи любви со своим, а толкушка у него еще та..., я уже целый день не могу сходить в туалет, маюсь

запорами. Но ты не думай ничего плохого, я ни о чем не сожалею. Любовь превыше всего!».

Джимми Билл тут же подбодрил его, подняв две руки с оттопыренными вверх большими пальцами.

Никто из мужчин ни Михаил Хазарский, ни Олег Палкин, ни их бывшие жены перед детьми и словом не обмолвились о том, что же в этой стране, под названием — США, с плановой демократией и такой же свободой происходит на самом деле, хотя мальчики: Ефим и Женя были не так уж и малы, при желании могли как-то понять своих неадекватных будто внезапно «обкурившихся» родителей. Однако все они были немые, как те рыбы в ближайшей реке, протекающей недалеко от их города и мероприятие — свадьбу, обставили как театральное действие необходимое для раскрутки газеты и поднятия ее тиража, а отъезд в свадебное путешествие за срочную безотлагательную командировку.

Мне, советскому человеку этих евреев эмигрантов не понять, хотя я считаю, что можно было все объяснить как-то иначе, более правдиво, указав взрослеющим детям причину такого обмана — странное партнерство двух мужчин, нужное исключительно для того, чтобы не пропасть в чужой стране.

Клин Гейтц — Петух номер два, обманув «молодых» раз: никакого венчания в Риме с привлечением Папы Франциска не было, — действие происходило в муниципалитете города, правда, с широким размахом — гей-парадом, — хотел

потянуть за собой еще и другой обман: отказывался давать деньги на свадебное путешествие. И не дал бы. Но Хазарские Михаил и Олег приложили немало сил: дверь кабинета Клин Гейтца не закрывалась, — бегали, что те марафонцы туда и назад. Лишь после того, когда до Главного редактора дошло, что запросы молодой гей-пары — просты и необременительны — не Лас-Вегас, не Багамы, и даже не прекрасная Венеция, — а ограничиваются малозатратной поездкой в какую-то Россию, где можно на сто долларов жить месяц, а то и больше, Клин Гейтц несколько успокоился и сказал:

– Я, подумаю!

Что интересно? Желаниям «молодой пары» не удалось сбыться. Им где нужно объяснили: «Россия для нетрадиционных пар из США навсегда закрыта, съездить можно, например, на Украину».

День-другой Хазарские для приличия сопротивлялись, но затем в унисон выбрали отчего-то Крым. Он тогда принадлежал не залежной. Клин Гейтц, сжалился и неожиданно «дал добро», после чего «женатики» тут же принялись торопливо с помощью бывших жен собирать чемоданы.

Хотя это была не Россия, но для удовлетворения ностальгических чувств что надо, а еще мероприятие было недорогим, а значит позволяло гей-парочке значительную часть денег из суммы, выделенных редакцией газеты, сэкономить. Они очень любили «зеленые ассигнации» и всегда, получая их в кассе, отчего-то в уме согласно текущему курсу валют

тут же переводили в рубли. Это у них уже сидело в генах и тут ничего невозможно было поделатъ — все-равно, что запретить себе ходить в туалет.

Олег Палкин, едва вступив на должность начальника отдела, «горел на работе». Идеи, подобно вшам в детстве, буквально копошились у него в голове. Он рассчитывал, что в Крыму ему удастся связаться с языческими коллективами, театрально пропагандирующими свободные любовные связи, а еще этот «мужик в юбке» рассчитывал разбиться в лепешку и наладить контакты с тайными ЛГБТ-сообществами страны. «Они должны быть, — ни раз говорил он с жаром Хазарскому — Я о том слышал от Резника. Этот еврей многое знал. Жалко, что я мало с ним общался».

За счет ряда ярких, броских статей Олег был полон сил раскрутить свой отдел, одним словом, он хотел утереть нос всем сотрудникам газеты, а если удастся, то и даже своему супругу.

Ничего в жизни не поменялось. Раньше Михаил соревновался с Марией: у кого больше зарплата, теперь с ним пытался конкурировать «мужик в юбке» — Олег Палкин. Но это в будущем. Оно Хазарскому было неизвестно. Он, однажды одолев несколько тысяч километров при переезде в США теперь боялся путешествовать по заграницам. Его все что было за пределами дома, в котором обосновался и жил Хазарский — пугало. В Россию этот еврей рвался лишь из-за того, что хотел найти подтверждение правильности совершенного

в девяностых годах поступка, а еще скучал по матери — бабе Циле и замышлял увидеться с нею, возможно, в последний раз, пусть и на халяву. А как известно «дармовщинка» многим благостна, особенно евреям.

Этот «новоиспеченный американец» не мог простить себе того, что не уговорил мать уехать с ним и в тайне от жены он хотел помочь ей — дать долларов. Лишние деньги старой женщине не помешали бы.

Для Хазарского, что Россия, что Украина было одно и то же, одним словом — СССР. Правда, для исполнения задуманного ему нужно было инкогнито выехать из Крыма и окольными путями проникнуть на территорию страны, затем добраться до Курска, а это из-за неимения паспорта было затруднено. Мой товарищ перед поездкой наверняка прокручивал в голове множество вариантов. Я не знаю, смог ли он хотя бы один из них осуществить, не мое это дело.

А еще, этот «новоиспеченный американец» понимал, что очень скоро он для всех, знавших его людей, станет неузнаваем, как бы они с Олегом в США и не сопротивлялись «демократическому катку жизни», но этот самый каток, словно Молох рано или поздно их сомнет. Пострадает не только задница Олега и его самолюбие... Но и Михаил уже будет не тем человеком. И пусть они пока все еще мужчины — но пройдет время и их скоро невозможно будет идентифицировать. Все важное, ограничивающееся рамками их гендерного советского каркаса, подвергнется обрезанию, только на этот

раз не плоти, там внизу, а бери выше — пострадают их души.

В Крыму Хазарские: Михаил и Олег остановились в известном в СССР санатории: «Украина» — в метрах ста от Черного моря, нужно лишь не лениться и пройти по тихой улочке вниз.

Им в нем приходилось бывать и раньше, правда, они знали этот санаторий под названием — «Москва». Такое преобразование было вызвано неожиданным развалом огромной страны, после которого Украина совершенно случайно и незаконно приобрела полуостров Крым.

Для властей этой Украины что-либо обновлять — делать ремонт или же возводить было затратно, а вот дать другое название учреждением, улицам и переулкам куда проще. Хоть в этом они не ленились и преуспели довольно борзо. Дав новое имя этому учреждению, администрации все-таки пришлось разориться на установку во дворе у самого входа двух гипсовых скульптур: хохла и хохлушки. А еще ладьи, с братьями Кийя, Щека, Хорива и их сестры Лыбеди. Ничего более.

«Новые американцы», оказавшись в стенах санатория, в котором не были лет пятнадцать если не больше ничего не нашли нового внутри корпусов, ни тебе пластика, ни металла все по-советски просто и обыденно. В комнатах для проживания естественные материалы. Они уже привыкли к искусственному показному лоску снаружи, радующему глаз. Это вначале по приезду в США, Хазарский заглядывал, а что там

«за кулисами», теперь досконально знал — дерьмо, и копать в нем не следует. Нужно мыслить, не вникая в суть, довольствуясь представленным на обозрение интерьером, и тогда ты американец и жизнь у тебя — прекрасна. Живи американцем, если не получается, будь евреем, но ни в коем случае не следует оставаться — русским. Это они — русские хотят во все влезть и всегда пытаются разложить по полочкам, а затем собрать и только тогда высказывать свое мнение. Америка — это особые люди, принадлежащие к известной системе: «Виндовс». Она хороша для янки, а другой народ порой просто убивает наповал. Это их система мышления. И тут ничего не сделать. Хазарский выбрал бы «Линукс» и даже согласился бы на устаревшие программы: — «Нортон», Эмэсдос. Но тогда ему не жить в богатой и щедрой Америке. А раз уж он в ней обосновался, то нужно не скромничать и подобно Олегу брать от жизни все, иначе тебе хана.

За несколько дней проживания «женушка» Хазарского, ну, что та проститутка со многими обитателями этого лечебно-оздоровительного заведения перезнакомилась, и стоило им выйти на набережную, только и успевала кивать головой, приветствуя то одних, то других беззаботно гуляющих граждан. Они ей отвечали тем же. Порой, некоторые, из них подходили и жали ему руку.

Однажды, Олег не удержался и сообщил Михаилу о своем намерении свести его с одним невысоким крепким мужчиной, очень представительного вида. В нем присутствова-

ло от каждого жителя Крыма по не многу и даже проглядывалось что-то от еврея. Это для Олега было главное. Хотя он мог и ошибаться. Новый знакомый «женушки» назвался Леонидом, и сказал, что дед у него был греком, свою фамилию он произнес не открыто, а полупшепотам прямо в ухо. Хазарский услышал ее и тут же благополучно позабыл, после пытался вспомнить: то ли Маргулис, то ли еще кто-то, спросил у Олега, тот пыкал-мыкал, но так ничего и не сказал. Из греческих персонажей Хазарскому был известен Одиссей, а еще Попандопуло из фильма: «Свадьба в Малиновке». Вот. Если бы этот самый грек назвался похожим именем, то тогда бы Хазарский точно запомнил.

Утром после обильного завтрака «молодая пара» выходила за территорию санатория и спускалась мимо дома-музея Шмелева и Сергеева-Мценского, затем шла на набережную и неторопливо дыша морским воздухом добиралась до бывшего ресторанчика, в котором были сняты некоторые сцены известного советского фильма: «Кавказская пленница». О том напоминала расположенная по левую руку у входа бронзовая скульптура Юрия Никулина, стоящего за столом и табличка на стене. Хазарский облокотясь на стол на время застывал рядом с актером — словно бронзовел, а Олег торопливо заходил внутрь здания, там уже продавали крымские вина и сладости, брал бутылочку и что-нибудь для закуски, затем они в разговоре ее, тайком от гуляющих граждан, неторопливо выпивали. Здесь же за столом они договорились и о

встрече с Леонидом. Правда, ввиду важности предстоящего разговора его было решено провести не на виду у людей, а в номере. Их на то, потратив не один час, уговорил импозантный грек.

«Я уже не помню, на каком этаже состоялась наша встреча, и в какой из комнат, не это главное. Обстановка помещения мне тоже не запомнилась, лишь большая кровать, шкаф, еще что-то из мебели. Леонид с улыбкой открыл нам дверь и пригласил за небольшой столик. Он был накрыт на три персоны. Из напитков стоял коньяк, водка и я рядом поставил массандровское вино десятилетней выдержки. Из закусок на тарелочках была нарезка из сырокопченой и докторской колбасы, красной рыбы, сыра Бер-бер молокоперерабатывающего крымского завода и конечно, черного и белого хлеба, а еще в вазе лежали фрукты: мандарины, апельсины, виноград» — это выписка из тетрадки самого Михаила Хазарского — «нового американца».

— Мне понятен наш будущий разговор, — сразу, после пожатия рук, сказал импозантный грек: — я подготовился и все вам покажу, чем занимаюсь, а вначале нужно немного разогреться, как говорят спортсмены, — и тут же пригласил американскую чету расположиться за столом.

Никто никуда не спешил, да и не было на то причин, за несколько часов было выпито: бутылка коньяка, затем охлажденной высококачественной водки, ее тут же разбавили вином, закуски тоже подчистили и договорились о встрече

с Леонидом в США. Правда, предложение это Палкиным было сделано не сразу, а лишь после того, когда он, запустив ноутбук умело представил свои, запечатленные на камеру работы. На экране «новые американцы» увидели много необычного.

— У меня, — сказал знакомый Хазарских, — две основные группы: женская и мужская. Молодежь. — Он сделал паузу, а затем продолжил: — Что они вытворяют — уму непостижимо. Нас приглашают даже сниматься в фильмах для создания различных языческих сцен. Просто загляденье. — И он назвал некоторые из них, затем продолжил: — Представьте, как мы эффектно разыгрываем, например, известную всем русскую широкую масленицу.... — Олег тут же прервал его: — Леонид, все очень чудесно, но это невозможно показать в США, ну какой там может быть снег? Иногда, не спорю бывает. А так его днем с огнем не найти. Нам нужно что-то такое чтобы полностью гармонировало с природой нашего полушария — не выбивалось за пределы наших параллелей. Я думаю, что из всего многообразия, которое вы представили больше всего нам бы подошли сцены празднования Ивана Купалы, может еще что-то подобное.

Олег был прав, снег в США не частое явление, так как северная территория этой страны проходит на уровне Крыма и оттого он выпал и тут же растаял, а для масленицы нужно, чтобы снег продержался хотя бы неделю. А еще этот праздник для обычных людей, завлечь продвинутых граждан Аме-

рики, идущих под радужными стягами ЛГБТ нереально. Да он им и не нужен.

— Леонид, вы, наверное, немного знакомы с гей парадками? — спросил Олег: — Там такое действо красок. Нам бы вот что-то такое красочное, шумное, очень мощное, чтобы волосы вставали дыбом.

Леонид тут же подхватился и буквально вскричал:

— Нет, нет и нет! Я настоящий мужик и эти ваши экзотические штучки не для меня. Не желаю, я крутить голым задом перед мужиками. Нам, то есть моему коллективу подавай баб, то есть женщин.

Новые американцы с трудом успокоили грека и договорились, что он однажды посетит США и убедится, что задом насильно крутить никому не нужно будет. А еще деньги он за свою работу получит немалые. О сумме следует поговорить особо, с нашим боссом. Он не жадный и для подобных дел ничего не пожалеет, отвалит «зелеными», а не деревянными, немалую сумму.

Леонид снабдил своих новых знакомых материалами и они, пробыв две недели, отправились к себе домой.

Не было у них, как такового, медового месяца, хотя кровать была одна и спали вместе, правда, под разными одеялами, при этом им приходилось постоянно отчитываться перед Петухом номер два — Клином Гейтцем, для чего они делали фотографии, соответствующего содержания и отправляли.

Мария и Наталья бывших мужей встретили насторожен-

но, оно и понятно, неизвестно было, что им могло взбрести в голову после длительных ночей в одной постели. Женщинами они были обычными — советского воспитания и для них, любые новшества, практикующиеся в Европе и в США, были равноценны бесовским извращениям. Правда, обнюхивать их бывшие жены не стали.

Михаил Хазарский после этой небольшой разлуки к Марии подошел неуверенно и с дрожью в теле. Он нервничал. После долгого душа, весь красный он вдруг был неожиданно, ошарашен. Женщина, открыв рот выкрикнула:

— А ты клизму сделал, а то не пуцу? — Ну и шутки у тебя, — крикнул он ей в ответ, но стерпел. Ему стало ясно, от нее теперь можно и не такое услышать. А что делать? Придется терпеть и на многое соглашаться.

Олегу от Натальи по приезду вообще ничего не перепало: она, когда он начал к ней подкатывать строго сказала:

— Что это еще за вольности? Иди, вначале немного поиграй с сыном, а затем к себе домой, «муженек» твой уже, наверное, заждался, не находит себе места. А тебе еще нужно как следует подготовиться, подмыть зад, сделать эту самую..., сам знаешь что? Язык не поворачивается сказать....

Жизнь у «молодой пары» стала не выносимой, как у только что стерилизованных евнухов в гареме султана, а может даже намного хуже. Хотя на людях их лица выражали довольствие и ничего более.

Клин Гейтц — Петух номер два, обласкав молодую гей-

пару у себя в кабинете, рвался во что бы то ни стало однажды заглянуть к ним на квартиру и все увидеть, как есть воочию своими глазами:

– Интересно, как молодежь живет? Я обязательно припрусь к вам в гости. Надо отметить ваше возвращение.

Хазарских спасало то обстоятельство, что они работали в разных отделах, и оттого нечасто бывали вместе. Правда, для создания требуемого имиджа Олег, а порой и Михаил бегали друг к другу, чтобы на виду у всех обняться, а затем при прощании уже по привычке один из них подставлял попу, а другой пытался не больно ущипнуть за место ниже спины. Олег, столкнувшись с Джимми Биллом всегда морщился и шептал ему на ухо слова, что любовь превыше всего.

Петух номер два, может и нагрязнул бы к ним на квартиру с инспекцией, но неожиданно откликнулся Леонид — то ли Маргулис, а может и не Маргулис, одним словом, импозантный грек.

Это на тот момент спасло «молодую парочку». Они тут же проявили инициативу и торопливо записались на прием к Клину Гейтцу. Нужно было обговорить кое-какие детали договора и сделать вызов нужного им человека в США.

Хазарские принялись интенсивно разрабатывать детали встречи и наконец, назначили греку время. Петух номер два готовился, писал доклад, затем долго его разучивал. «Новые американцы» не понимали, зачем так «париться»: кто он этот грек и кто Клин Гейтц — это земля и — небо. Наверня-

ка их начальник хотел из него сделать своего последователя и распространителя идей ЛГБТ на Украине, возможно, и в самой России. Маргулис, а может и не Маргулис беспрепятственно колесил по этим двум странам, не обращая внимания на границы. Михаил даже поспорил с Олегом на бутылку водки, при этом он сказал, что этот грек крепкий орешек и не расколется, а его женушка доверяла красноречию главного редактора и до хрипоты орала: «Петух номер два предстанет во всей красе. Я выиграю, я обязательно выиграю это пари!».

Глава 10

«Наше будущее прекрасно. Людей сейчас на Земле уже более восьми миллиардов, лет через тридцать-пятьдесят их столько не нужно будет — перебор. Это раньше они ценились, одно время их вылавливали в Африке и вывозили в Америку для работ на плантациях. Да и на ваших российских просторах немало веков хозяйничали монголо-татары, затем турки, захватывая и увозя людей в рабство. Большой частью народ был задействован для тяжелых физических работ, оттого и была необходимость в их безмерном количестве. А сейчас в век искусственного интеллекта и умных машин в такой огромной человеческой массе нет необходимости. Этот своего рода — «человеческий планктон» он уже не двигает прогресс, он его тормозит. Зачем нам кормить лишние рты? Ну, если устроить что-то наподобие «Колизея» и устраивать для «золотого миллиарда» военные баталии, отправляя сотнями тысяч людей на смерть при этом делать ставки. Но это, я думаю, негуманно. Нам для сокращения численности людей не нужны старые дедовские методы. Для этого мы будем использовать самые различные способы и одним из них я бы назвал применение новых форм сожительства. Люди сами будут вольны выбирать себе пол. У нас уже в школах отдельных штатов такое практикуется. Их становиться все больше. Семьи, как таковой, не будет, она отжи-

вет свое время. Вместо этой старой ячейки разрастутся сообщества людей одинаковых по духу. Это очень сократит население Земли. Я знаю, на данный момент, не все нас поддерживают. Да и вы к моим словам относитесь скептически. Для строптивых людей и таких же стран есть другие формы воздействия — пандемия. Эта, что была — все не то. Мы готовим и скоро запустим вирус безбрачия — Черного жнеца, убивающего людей наповал. Этот проект уже разрабатывается и скоро будет запущен в странах Азии, Африки и на других континентах. Не хотелось бы. Но демократия у нас превыше всего. Мы ее сделаем не стихийной, а плановой. А еще мы за новую форму существования полов. Она позволит в странах «золотого миллиарда» не превышать нужное количество людей. Мы начали с того, что разрешили усыновление чужих по крови детей и признали его благотворительным поступком. Людей, давших хлеб и кров таким детям, мы стали превозносить. Это все для того чтобы в будущем не было кровной зависимости. Человеку, будет все равно, чье-го он растит ребенка, и оставит ли он генетический след в истории. Зачем нам такие несуразные христианские требования. От них только один вред. Геи, лесбиянки, взявшие на воспитание детей, не должны об этом задумываться. Но есть отдельные, варварские страны они по-прежнему практикуют сожительство мужчин и женщин. Определяют половую принадлежность ребенка не по желанию дитя, а по физиологическим признакам...»

Леонид слушал этот бред неглупого человека, предназначенный для нового поколения масс. Эти самые массы будут лизать друг друга, сосать, тыкать чем попало в непотребные места и наследников у них не должно быть. Без детей, однако не обойдутся, но что это будут за дети? Дети из инкубатора, снабженного искусственным интеллектом. Клинтон Гейтс не преминул сообщить греку, что учеными уже ведутся работы по созданию такового для их зачатия и выращивания. «Ими, ювенальные службы могут если посчитают нужным снабжать однополые пары, а если те будут себя плохо вести, забирать и передавать другим семьям более достойным. При этом такие семьи будут равнодушны и не упадут на землю, не станут биться в истерике и кричать: «За что, за что вы отбираете мою кровинушку». Не вашего ребенка забрали, а, если происходит его изъятие, то так значит нужно властям. У этих сообществ не будет настоящей любви, один лишь секс для снятия стресса. Но этот самый стресс можно будет снимать и алкоголем, и потреблением наркотиков, да чем угодно. Христианские законы из далеких веков будут не для них. Их вымарают из библии или же отнесут на задний план. То, что было раньше позволено всем без исключения людям, будет позволено лишь кучке богачей из Бильдербергского клуба. У них все будет, как положено из спокон веков: жены красавицы, возможно их как когда-то в средние века будут воровать специальные службы и привозить на продажу магнатам, счастливые радостные дети без всякого там выбора по-

ла, в случае каких-то отклонений сделают хромосомный анализ и в зависимости от полученных результатов пропишут на определенное время попить те или иные половые гормоны. Какие проблемы? Никаких! Жизнь должна быть прекрасна, а может даже и бессмертна если абортированные эмбрионы человеческих детей мы пустим на переработку и производство всевозможных кремов молодости».

– Да-да-да, а что собственно требуется от меня? — спросил грек и, вспоминая Михаила Хазарского и его товарища, глядя как они тайком таскали попеременно к себе в номер раскрашенных проституток, усомнился в идеях этого главного специалиста — защитника всех геев и лесбиянок. — У меня на этот счет есть кое-какие сомнения. В этих ваших рассуждениях нет Бога. Неужели природа так слаба и не возьмет свое, причитающее ей по праву? Неужели согласно вашим фантазиям вдруг наступит новая эра — ваши мысли превратятся в что-то стоящее? — спросил Леонид Маргулис, а может и не Маргулис. Он же всегда при знакомстве говорил свою фамилию шепотом, прикрываясь ладонью руки, якобы от любопытных посторонних людей. Петух номер два — Клин Гейтц ее тоже однажды услышал, однако повторить так и не смог. Оттого воспользовался всего лишь именем. Так было проще вести разговор. Не нужно было напрягать голову.

– Мне понятны Леонид все ваши сомнения. Михаил, да и его женушка Олег, наверняка, бегают к своим бывшим су-

пругам. Ну и что из того? Они находятся под нашим давлением. Михаилу придется присматриваться к толстой заднице Олега. Наступит время, они попробуют друг друга. Не это главное. Да и еще вы упомянули Бога. Так мы давно уже в него не верим, не верим и в бессмертную душу. Что такое душа? Это, что-то наподобие Виндовса. У нас найдутся программисты и мы переформируем человека. Пройдет время и в мире не будет сомневающихся людей, они с удовольствием станут отдавать своих детей нам на воспитание. А наша задача будет заключаться в том, чтобы взрастить новые поколения мужчин по нашим лекалам. Зачем им держаться за юбки женщин. Они станут свободными от половых предрасудков гражданами, а уж дальше, когда их количество перевалит за миллионы, но не за миллиард, мы посмотрим.

– Ну, а я здесь, выражаясь вашим языком, каким местом могу быть полезен? Я ведь организую и разыгрываю красочные языческие сцены из нормальной жизни прошлых веков славянских народов.

– А вот каким! У нас пока нет инкубаторов для выращивания детей. Они скоро появятся, а значит нам пока придется пользоваться обычным дедовским способом. Мне из того материала, которым вы снабдили Михаила и Олега понравился праздник Ивана Купала. Только здесь не должно быть женщин, — по-вашему, русалок. Их привозить не следует. Одни мужики, такие, о-го-го! Жеребцы!

– Водяные, — подсказал Леонид. — Да-да, водяные. Они

вольны делать что только захотят. Женщин мы им найдем — лесбиянок. Этим водяным необязательно искать среди женщин — женщин. Сгодятся все и даже те, которые считают себя мужиками. Этот праздник будет для них. Над стыдом и срамом должна преобладать грубая мужская сила. Здесь недалеко от города есть одно живописное место, протекает небольшая река и есть зеленый-презеленый остров. Мы в шутку назовем его островом Лес бис. — Грек задержался на стуле, до него дошло, что затевает этот опасный человек в прошлом настоящий мужик. От его развеселых игрищ появятся незаконно рожденные дети. Их будут отбирать перемешивать и снабжать ими семейные нетрадиционные пары в первую очередь лесбиянок, а затем может даже геев.

— Извините, я вас на минуту оставлю, мне нужно сделать один конфиденциальный звонок, — и Клинт Гейтц показал пальцем на небо: — А вы посмотрите, этот ресторан необычный, здесь собирается особый народ, — и он ушел.

Маргулис, а может и не Маргулис нехотя повел глазами по залу. Он много часов провел в самолете и, хотя там и кормили, остался недоволен, рассчитывал здесь насытиться вволю. И все бы ничего, но, то, что он увидел, привело его просто в ужас: слащавые лобзания мужчин с мужчинами и женщин с женщинами не способствовало появлению аппетита и даже наоборот — могло привести к рвоте. Возможно, оттого что многие из посетителей ресторана, зная о присутствии на вечере Клинта Гейтца были не естественны — работали на пуб-

лику. Так не вели себя лишь молодожены: настоящие женихи и невесты.

Леонид чтобы пересилить себя тут же перевел глаза вниз на хорошо сервированный стол, вдыхая запахи отменных яств, взял в руки нож и вилку затем пододвинул к себе широкое блюдо, заполненное жареным стейком мраморной говядины под соусом, картофелем фри и какой-то зеленью. Не поднимая головы, грек, неторопливо принялся уплетать за обе щеки содержимое. Он не стал дожидаться прихода важного представителя — заказчика. При этом Маргулис, а может и не Маргулис пытался понять, кому пошел звонить этот расфуфыренный Петух, ну не Богу же: он ему не верил, хотя и указал на небо.

Долго гадать импозантному греку не пришлось, минут через десять-пятнадцать Клин Гейтц вернулся и, поправив всех цветов галстук сказал:

– Вице-президенту звонил. Она лесбиянка, — дав понять, что об интересах их сообщества знают наверху. — Уселся за стол, взял в руки салфетку и заправив под воротник рубашки, продолжил:

– А что же вы не выпили бокал виски?

– У нас русских пить без хозяина неприлично. Кушать можно. А так как я голоден, извините, не удержался.

– Не беда, сейчас мы исправим положение, — и Петух номер два, взяв бутылку, принялся наполнять бокалы. Они выпили, и заказчик тут же сиплым голосом пролепетал: — Уст-

рицей, устрицей закусите!

— Нет, — сказал Леонид: — Я с детства не люблю манную кашу, в любом виде лук и этих как там... — гадов скользких и липких. Извините меня. А то, что виски холодный, — видно по запотевшему пузырю, — правильно. Не зачем его разбавлять и льдом. Не та будет крепость, а значит не в кайф.

Леонид остановился у Хазарского и его женушки. Его к нему привез Клин Гейтц на «Шевроле» с личным водителем. По дороге он приставал к Маргулису, а может и не Маргулису, убеждая его, что лучше было бы разместиться в апартаментах редакции. «Давайте я вас сейчас же отвезу туда! Там, такие мальчишки, такие мальчишки. Не пожалеете. Еще будете меня благодарить».

Олег долго тряс импозантному греку руку. Михаил был проще, толкая локтем Маргулиса, а может и не Маргулиса говорил, что Палкин не один уже месяц ходит довольный, сменив свою фамилию — чисто еврейскую на его знатную, доставшуюся от далеких предков — благородных воинов хазар.

Дни командировки пролетели довольно быстро. Леонид с компанией в составе Михаила, Олега, а еще время от времени и Клина Гейтца ездили по «будущим местам сексуальных баталий». Рядом с ними постоянно крутились высококлассные операторы для того, чтобы все запечатлеть на видео. Это было необходимо для подготовки расширенного

сценария и определения затрат на будущие работы. Много у мастера языческих постановок было в наличие. Однако, исходя из специфики местного контингента: девушек и женщин лесбиянок нужно было что-то и прикупить, то есть изменить их гардероб, а возможно и самой труппы.

– Уж больно они страшны в своих несуразных одеяниях, да и в поступках между собой и вряд ли кого могут прельстить из моих водяных даже в полутьме. Я на них насмотрелся в ресторане. Теперь мне понятно, отчего на них не заглядываются мужчины. Они попросту никому не нужны. Я бы тоже ни одну из сидящих за столом дам не пригласил откусать со мной, потанцевать, а тем более лечь в постель и отдаться. Не дай Бог, не дай Бог, — сказал с содроганием импозантный грек и тут же торопливо шепотью три раза перекрестился. Это были последние слова, перед отлетом его из США, семейке Хазарских: Михаилу и Олегу, сопровождавшей до аэропорта.

На родину продюсер, режиссер и директор труппы в одном лице Маргулис, а может и не Маргулис улетел в смятении чувств, однако с подписанным контрактом на большую сумму, предусматривающим солидный аванс на подготовительные работы. С Петухом номер два были оговорены даже самые мелкие детали. Для опробования ограничились небольшим количеством актеров, так называемых водяных, в пятьдесят человек. Для обеспечения этого театрального шоу было задействовано необходимое количество обслужи-

вающего персонала: сценаристов, гримеров, балетмейстеров, звукооператоров, электриков, осветителей и других работников сцены.

Хазарский и бывший Палкин на время даже забросили свою основную работу, перепоручив ее своим сотрудникам. В Москве Михаил неоднократно слышал от главного редактора, чтобы не случилось, а газета должна выходить в срок. Ну, это было равносильно как после ночи наступает день. Она и выходила, правда, без их участия. С делами отменно справлялся секретарь Хазарского — Джимми Билл. Он же тянул на себе и отдел «женушки» Хазарского — Олега Палкина.

Клин Гейтц был весь в ожидании. Чувства переполняли его через край. До первого показа оставалось всего ничего: скоро самая короткая ночь — ночь Ивана Купала — языческий праздник славян.

— Ох, что будет, что будет! Город, его любимый город просто воспрянет! — говорил он сам себе.

Дата мероприятия приближалась. Оформлялись все необходимые документы, включая визы, зафрахтованный Петухом номер два чартерный самолет, должен был, загрузив в Симферополе труппу и оборудование, доставить все в Америку. Одно событие могло плавно перерасти в другое, а может даже наложиться на него — приближалась круглая дата двухсотлетие образования США.

Жизнь Хазарских была ключом и, если что смущало так

это давление Клина Гейтца, он со своей Хилари, точнее Биллом напрашивался ним в гости. Этот Петух номер два уже не единожды тайком пощипывал Олега за толстую попу, а еще, оставаясь наедине шептал: «моя Хилари, моя Хилари».

Палкин боялся такого откровенного панибратства со стороны Главного редактора и было из-за чего беспокоиться. Хотя он и спал со своим законным мужем на одной большой кровати не только дома, но и вовремя поездки в свадебное путешествие в Крыму, однако они не были близки. Укладываясь, каждый из них натягивал на себя свое индивидуальное одеяло, а еще на американский манер они ложились в постель в домашней одежде. Здесь, в США зимы были намного теплее, но им по ночам из-за экономии электроэнергии на обогрев дома, тепла не хватало и уснуть было проблематично. Не то, что в Москве, где он, будучи мужем Натальи, был волен в своих фантазиях и порой довольно часто ложился совершенно голым. Того же толстячек требовал и от жены. Лишь, только появление ребенка и его взросление вынуждало мужика одевать трусы.

Муж — Хазарский бывший деверь был человеком совершенно другим: он даже был готов негласно отдать Клину Гейтцу Палкина на растерзание, но очень переживал о том, что все раскроется:

— Да-а-а, не знаю как долго мы будем скрывать свой фиктивный брак? — ни раз говорил он Олегу: — Здесь не то, что в СССР, очень много свободы, очень, однако, боязно, не дай

Бог нагрянет проверка — все обнаружится и в один момент наступит конец нашей безбедной жизни.

Олег был не дурак и тоже это понимал и вторил ему, крутя перед Михаилом задницей. Было от чего: Хазарский часто бегал к Марии, и она в отличие от своей сестры Натальи не отталкивала бывшего мужа, а даже всячески поощряла. Это было видно по его довольной роже, что у кота, объевшегося сметаной.

Однажды в один из свободных вечеров Михаил, прохаживаясь по залу, занимался выдумыванием для Палкина имени и делал это демонстративно надсмехаясь над своей «женушкой»:

– Послушай, — резко остановившись, вдруг выкрикивал Хазарский, он любил, размышляя ходить по просторным комнатам — а, что, если я тебя назову Дженнифер, как, хорошо звучит?

– Горшком, горшком меня назови, только в печку не сажай! — обычно парировал Олег Палкин.

– Что, не нравится. Ну, ладно. Я могу для тебя подыскать что-нибудь из имен первых американских леди — благородных жен президентов США: Розалин, Нэнси, Барбара, Хиллари, Лора, Мишель, Мелания, сколько мне еще их перечислять? — Михаил с иронией смотрел на Олега и остановившись тут же задал вопрос: — Что ни одно из них тебя не зацепило? Может ты хочешь что-нибудь из списка жен Генеральных секретарей? Так я могу свой список расширить.

– Не о том ты думаешь, не о том? Что если нас с тобой на данный момент — самое простое — подслушивают, а еще хуже того, ведут за нами видеонаблюдение? Нагрянуть с проверкой и все, нам конец! — Олег, высказав свое мнение, обычно подскакивал с кресла и тоже бегал следом за своим супругом, а тут отчего-то не стал этого делать и, сидя на диване провозгласил:

– Да, а на счет имени? Можешь давать любое, только не Хилари мне ее морда разонравилась с того момента, когда она надсмехалась над убийством ливийского лидера Каддафи. Над смертью любого человека: хорошего или плохого нельзя смеяться. Я в этом уверен на все сто процентов и точка. Оттого и имя мне ее паршивое не нужно! Найди что-то по проще.

Хазарские приустиали и плюхнулись на диван у телевизора. Однако включать его никто не собирался. Программ много, а смотреть нечего. А потом этот язык им, особенно Олегу Палкину, уже опротивел: всюду и везде на разные голоса: бу-бу-бу, бу-бу-бу, — только и слышится. И когда они успокоятся — заткнуться. Каждой бочке — затычка. Лезут и нужно и не нужно. Нельзя быть хоть чуточку быть поскромнее? Нет бы — часок-другой помолчали, подумали о превратностях жизни. Не зря же в России говорят: «Молчание — золото». Не хватает в США этого самого золота, ох как не хватает!

Олег Палкин недолго сидел с безразличным взглядом, похлопав своего супруга по плечу сказал:

– Все! Я, отправляюсь в ванную, а затем спать, — затем поднявшись добавил: — Да, чем черт не шутит, пройдусь голышом у тебя на глазах по залу. Не ты так эти — «горе наблюдатели» — пусть полюбуются. Мне скрывать нечего. А еще, мне и тебе, нужно поменьше молоть погаными языками. Для серьезного разговора, я думаю, нам следует лучше выходить из дома и обсуждать все среди шума толпы и гама улицы, а не здесь — в тишине. Это может быть чревато последствиями.

– Пройдись, пройдись, — ответил Михаил, — только этот свой мне не показывай, прикрой срам, ну, например, как в фильме режиссера Владимира Бортко: «Мастер и Маргарита» — передничком, и посвети нашим наблюдателям, если таковые найдутся в их бесстыжие глаза, своим мягким местом, оно у тебя о-го-го какое, — и Хазарский тоже нехотя поднялся с дивана:

– Да, чуть было не забыл, на всякий случай, сделай клизму, а то вдруг ночью я неожиданно проснусь, и ты меня заинтересуешь, — и громко будто, находясь в степи на коне, заржал.

Петух номер два все-таки напросился в гости к семье молодоженов Хазарских. Не пустить его они после нескольких отказов не посмели, да и неудобно было, оттого дрожали от страха, что те цуцики, не зная как себя вести.

Он приехал вместе с товарищами с большим количеством

напитков и закусок. Эта щедрость, совершенно не присущая американцам, напугала нетрадиционную семью Хазарских, особенно женушку Михаила, так как рядом с Клин Гейтцем отчего-то не оказалось его любимой подруги — Хилари. Возможно, везде суший Джимми Бил — секретарь Михаила, — при необходимости заменял ее, то есть был любовником. А если нет? Палкин не знал, что и думать. Он, встречая гостей в большой прихожей, помогал им снять верхнюю одежду, а еще при этом неестественно улыбался и прятал свою толстую задницу.

—А что, если я напьюсь таблеток и прикинусь больным, а-а-а? — гундосил он, держась на дистанции от Главного редактора, и чтобы обезопасить себя постоянно крутился возле Хазарского. Михаил его не поддерживал и говорил о том, что Клин Гейтц человек интеллигентный и насилия над ним вряд ли позволит. А вот Джимми Билл тот у себя на уме и может при случае воспользоваться сиюминутной слабостью. Не зря же он излишне тактичен. Такие люди как он, довольно коварны, опасаться нужно только его и никого более! Стой к нему всегда передом.

За столом начальник, не филоня опрокидывал рюмку за рюмкой и через какое-то время стал хорош, хотя массой обладал под сто килограмм и мог бы позволить себе еще один-другой пузырь, но нет.

На предложение Хазарского выпить еще он стал отказываться, сопел и пялил глаза на Мишель, то есть на Олега Пал-

кина. Уезжать Клину Гейтцу не соби́рался. Да и зачем? Мог себе позволить делать что угодно. Это он снимал для Хазарских шикарное жильё у самого себя, он никто другой.

Заплетающемся языком, Клину Гейтцу попросил, чтобы ему бросили что-нибудь мягкое на пол:

– Я остаюсь! — сказал Главный редактор и тут же отключился, а может всего лишь сделал вид.

Ну, конечно, уважаемого человека со всеми почестями, осторожно сняв со стула, перенесли и положили на предварительно застеленный Олегом Палкиным диван, — «женушкой» Михаила Хазарского, а затем аккуратно чтобы не разбудить накрыли теплым одеялом.

Среди ночи на другой диван перебрался и Хазарский со словами:

– Ну, надо же моя Мишель нажралась до чертиков, а тут еще у нее очень некстати, эта самая, как там? — менструация началась.

Это Михаилом было сказано на всякий пожарный случай, специально для ушей Клина Гейтца. Что если им, это пиршество попросту подстроено, он не так уж и пьян, а всего лишь прикидывается.

На следующий день Главный редактор вызвал Хазарского к себе и напрямую задал ему вопрос:

– Что это, еще за менструация у твоей ненаглядной Мишель? Он же мужик! Такого быть не должно!

– Вот-вот, в том-то все и дело. Я, ну как там, только при-

строюсь, а он тут же подскочит и побежал в туалет, затем вернется, минут пять ничего и снова. Наверное, съел чего-то, я так думаю, ему попалась не свежая устрица. Не помню, кто-то из сидящих за столом на закуску подсунул.

— Да-да, я где-то что-то подобное слышал, — и Петух номер два неожиданно покраснел: — Это непереносимость у русских некоторых продуктов. Уж извини Михаил, испортили мы тебе вечер, испортили.

Приняв от Клин Гейтца извинения, Хазарский отправился к себе в кабинет довольный, как слон. Это он классно придумал с устрицей. Правда, Мишель, он с этого вечера только так и стал звать Олега, была недовольна, постоянно зевала оттого, что не выспалась и ругала своего муженька за то, что тот предложил выпить «кровоавую Мэри» и вместе с томатным соком подлил ему в бокал большое количество подсолнечного масла. Это процесс недержания ускорило. Но тут, ничего не поделаешь, зато молодая нетрадиционная семья ловко выкрутилась из щекотливой ситуации. Ждать проверки от Петуха номер два теперь можно было нескоро.

Но, как известно Михаил Хазарский недолго радовался: беда не приходит одна, неожиданно к Ефиму — его сыну в школе стала приставать девочка. Звали ее Дженнифер. Девушка довольно симпатичная. Она, откуда-то прознала, что мальчику в детстве делали операцию: там, внизу и что он раньше был девочкой. Школьница мечтала преобразиться, а если быть точным ее родителям хотелось воспитывать маль-

чика и оттого девочка, во чтобы-то ни стало, принялась приставать к Ефиму. Она хотела заглянуть ему в штаны: насколько удачно все было проделано хирургом. Мальчику пришлось уступить, и Дженнифер увиденным осталась довольна. Однако то, что произошло с ними после напрочь отбило охоту у Дженнифер позволять врачам что-либо над собою делать и родители пришли с жалобой к директору Петуху номер один на Ефима Хазарского. Оно и понятно: они хотели мальчика, а у них родилась девочка, а еще из-за дружбы со своим товарищем этим ненормальным из СССР Дженнифер напрочь отказалась проходить гормональный курс терапии, а в последствии и ложиться под нож хирурга.

Дело уладил Петух номер два. Он, видя понурое лицо своего подопечного Михаила выпросил у него обо всем и затем сам лично позвонил в школу. Ему не представило труда заступиться за Ефима. Того тут же на время пока проблема не забудется перевели на дистанционное обучение.

Он, да и его двоюродный брат не чувствовали себя в обществе своих товарищей одноклассников равноправными. Отношения к афроамериканцам и другим нацменьшинствам и то было намного лучше.

Наступил момент и в США прилетела труппа Маргулиса, а может и не Маргулиса, никто в документы заглянуть до сих пор так и не удосужился, даже Олег Палкин, то есть на данный момент уже Мишель Хазарская, ответственная за дан-

ное мероприятие, а ведь в них была указана фамилия, имя и отчество этого бизнесмена. Хазарский, получив распоряжение от Клин Гейтца вместе с «женушкой» отправился в аэропорт встречать «дорогих гостей» на легковой машине класса люкс, следом за ними двухэтажный автобус и грузовой автомобиль. Это было необходимо для перевозки не только трупы, но и ее габаритного багажа, прибывшего из Украины.

Олег, подобно девочке радовался предстоящему событию. Михаил сидел хмурый хотя этот контракт сулил большие деньги, мог возвысить их на небывалую высоту, однако в случае краха уронить в глубокую пропасть. О, с каким удовольствием этот напыщенный Петух номер два втопчет их в грязь. «Чертовые деньги. Они толкнули нас на nepотpeбcтвo, ради них мы были вынуждены унижаться и лебезить», — шептал Хазарский изредка посматривая то в окно, то на свою «женушку». А что «женушка»: он был возбужден и необычайно доволен, знал, что их непременно ждет успех.

Импозантный грек не подкачал. Он предусмотрел буквально все. Это стало ясно, когда было огорожено ленточками выделенное для него место у реки и начались работы. Дней через десять Маргулис, а может и не Маргулис был готов приступить к пробам, для чего место своей постановки закрыл от посторонних глаз большим занавесом. Дабы его навесить были установлены высокие столбы из корабельных сосен, а между ними натянуты металлические струны, издали не бросающиеся в глаза. Занавес был изготовлен на осно-

вании, имевшихся у Леонида фотографий из каляной льняной ткани. Он не был заплаткой в открывавшемся глазу пейзаже, а соответствовал действительности, проблем не должно быть, даже при полной луне и той небольшой подсветки, которую фирма установила. Неточностей в полутьме вечера и ночи никто из участников не должен был заметить.

А еще наряду с водяными участие в этом шоу должны были принимать и лесбиянки, а не сидеть на стульях и лицезреть, не было этих самых стульев. Для них были приготовлены легкие прозрачные одеяния, ничуть не сковывающие тело и, дающие доступ к любым их частям. Такого рода женщин не должно было шокировать данное одеяние: они на гей-парады и не то одевают, при этом даже не краснеют. Импозантный грек учел и наплыв зевак, то есть зрителей: геям, трансвеститам и прочему сброду были заранее за не большую цену распроданы билеты.

Клин Гейтц это действо поставил на широкую ногу. Его мультимедийная компания обеспечила достойную рекламу.

Торжество начиналось в городе, колонна, пройдя по центральному проспекту, затем по другим менее престижным улицам и переулкам двигалась на окраину города и с шумом и гамом спускалась к реке. На определенном этапе пути лица с физическими признаками мужского пола отсекались и в последствии становились зрителями, а женщины лесбиянки проходили за ограничительные ленточки. Там они, если была в том необходимость, переодевались, после чего спуска-

лись к реке. При большой полной луне, поднимающейся над островом, разливалась и не громко, и не тихо в самый раз, удивительная музыка великих композиторов, плавно сменяясь и, развивая задуманный режиссером-аранжировщиком сюжет. А еще то там, то сям вспыхивали и притухали в нужный момент костры. Это было необходимо для того, чтобы случайно в хороводах и танцах хаотично сформированные пары водяных и женщин-лесбиянок могли через них прыгать. Для последующего уединения пары могли пройти по мосткам на остров. Везде было много искусственного света, источаемого диодными мини лампочками, запрятанными в укромных местах для придания нужного интима: — они вспыхивали и гасли. Тут уж постарались светооператоры, и все сделали так, чтобы для отдельных пар создать идиллические условия.

Первые пробы прошли просто на ура. «Народ» — очень уж привередливый, угодить которому не так просто — неистовал, отдельные лесбиянки, подобно управдому Буншу из известного фильма Леонида Гайдая: «Иван Васильевич меняет профессию», восторженно кричали во все горло и требовали от труппы Леонида Маргулиса, а может и не Маргулиса, продолжения банкета.

Грек — широкоплечий дородный мужчина не скупился и работал со своей труппой на износ.

Действа продолжались довольно долго изо дня в день, а точнее из ночи в ночь пока луна не стала меняться.

«Народ» поразили сцены внезапного появления водяных из воды. Обставлено было идеально. Занавес открывался с остановками, давая возможность не все сразу увидеть, а как бы заглядывать за кулисы и уж, затем представить себе полную картину. От реки начинало тянуть прохладой. Это на полную мощность включались вентиляционные установки. На небе стояла полная луна. Она, от использования фильтров меняла цвета от кроваво-темных до алых. Из темных спокойных вод то неожиданно — внезапно, с шумом, а то медленно, то тут, то там под музыку Николая Римского-Корсакова из оперы: «Майская ночь» вырастали атлетические фигуры голых слегка зеленоватого цвета водяных. Их хотелось рассмотреть полностью, но они неожиданно исчезали и снова появлялись, высвечиваясь вспышками маленьких прожекторов-бибиков. Музыка по выходу водяных на берег преображалась и уже неистовствовала и в этот момент подобно стаям птиц Олегом и Михаилом Хазарскими запускались подготовленные группы полуобнаженных лесбиянок. Их тут же подхватывали расторопные водяные и увлекали за собой в вихре танца. Они прыгали через костры, катались по росе и затем, обнимаясь и целуясь торопливо семеня ногами что те артисты сцены Большого театра по мосткам из пружинящих досок, исчезали в темных зарослях острова, чтобы насладиться близостью друг друга и снова появиться у костров, смешавшись в толпе новых претенденток на свое особое счастье.

Олег Палкин, а если быть точным Мишель Хазарская была на первом плане и от восторга потирала руки, понимая, как много она огребет «зеленых» от этих мероприятий. Клинт Гейтц ее боготворил, часто крутился рядом и порой, не сдержавшись от восторга, кричал:

– Моя Хилари, моя Хилари»!

Доволен был и Леонид Маргулис, а может и не Маргулис. Он не ожидал такого успеха от своих театральных постановок у недотрог лесбиянок, презрительно относящихся ко всем без исключения мужчинам. Но одно дело находится с ними на расстоянии, отгородившись словно, панцирем или футляром и выказывать на публику свои антипатии и совершенно другое — чувствовать у себя на голых телах, дрожащие от предстоящей близости руки водяных и в экстазе невольно облизывать язычками внезапно высохшие губы.

Лесбиянки были в невероятном возбуждении. Они будто случайно ковыряясь в носу нажали на невидимые кнопки и отключили себе головы. Мозги у них были парализованы, никакого сопротивления с их стороны водяным — крутым русским парням — не оказывалось. Позже некоторые из них, все случившееся объясняли тем, что мужчин рядом с ними не было и не могло быть. Их общение было исключительно лишь с обитателями водной стихии, и оттого им было все позволено. Они и в следующий раз, готовы были пойти на такое театральное представление — оно почище всяких там гей-парадов. От него одно удовольствие. А еще такая неве-

рогатная расслабуха никакой наркотик не нужен.

Леонид сорвал большой куш и на родину уехал, подписав на следующий год новый контракт, а затем он не раз его продлял. Этого расторопного «иллюзиониста» стали чаще приглашать на всевозможные мероприятия. А однажды он стал даже человеком года в США. Это Маргулиса, а может и не Маргулиса ко многому обязывало. Наверное, не случайно один из его почитателей очень известный господин, вращающийся в правительственных кругах, возможно даже «Человек-пылесос» или тот, другой — однажды не удержался и, переминаясь с ноги на ногу, задал вопрос:

– Леонид, а вы случайно будете не еврей?

– Ну, как вам сказать, я думаю, есть что-то, не зря же мои близкие друзья на родине величают меня Леонидом Моисеевичем, хотя я по батюшке всего лишь — Алексеевич. — А про себя подумал: «Вот сволочь туда же, лучше бы как Остин шмотки продавал, а не лез в политику».

Для расширения своей деятельности Маргулис, а может и не Маргулис задействовал многих своих знакомых и незнакомых людей из шоу-бизнеса. Время от времени он устраивал особые ни с чем несравнимые кастинги. Было из-за чего. Не все подходили, справиться с такой работой мог не каждый. Оттого и текучка была большой. Для претендента на рабочее место в труппе этого импозантного грека необходимо было не только умение танцевать и иметь при этом атлетическую фигуру, но и обладать еще невероятно большой

мужской силой. Тут как говорится эти самые, обычно мешающие танцам — ничуть не мешали, а даже на порядок возвеличивали. Что было несколько необычно для претендентов, проходящих отбор в труппу. Правда, напрямую это свойство никто из администрации никогда не выставлял и если нужно было претендента отклонить нес несуразицу.

В одном из таких мероприятий Мишель, при отправке групп лесбиянок «на сладостное растерзание», вертя задницей, — у него это уже вошло в привычку, и сам случайно попался в крепкие руки одному из водяных. Испытав неизвестное доселе чувство, Олег Палкин тронулся рассудком. Произошло это, возможно, из-за длительного воздержания: он, выкладываясь по полной на работе, не мог уделить даже десяти минут свободного времени своей бывшей супруге и хорошенько ее помять. Наталья, от невнимания к своей персоне, обидевшись на него, не шла на контакт, а еще запретила встречаться с сыном. Олег не смог убедить парня остаться парнем, тот неожиданно пожелал перевоплотиться и стать девицей. А все из-за одного спора со школьными друзьями. Женья всем заявил, что у него грудь будет не меньше, чем у Джулии Лопес, затем подумав сказал: «Вкусно и точка».

То, что Мишель стал другим человеком, заметил даже импозантный грек, а в первую очередь — Михаил. А все из-за того, что Палкин вдруг полностью наотрез отказался от мужской одежды и неожиданно для Хазарского стал требовать от него изменить к себе отношение. Было время Миха-

ил лишь только посмеивался над шалостями своей неординарной женушки, то теперь стал его опасаться из-за боязни внезапного нападения среди ночи: они ведь спали в одной кровати хотя и под разными одеялами. Хазарский понимал. Если случится — то самое, соитие, — в суд не подашь, иначе люди засмеют.

Торжества многим пришлись по душе, а вот геи и трансвеститы, конечно, несколько приуныли. Они завидовали лесбиянкам. Им эти праздники приносили не только материальную выгоду, но и удовольствие.

Женщины, не зависимо кто из них был, кто, беременели и рожали детей. Кое-что перепадало и нетрадиционным парам из мужчин. Но это все было по минимуму. Петух номер два однажды не удержался и предложил семье Хазарских вне очереди усыновить или же удочерить ребенка. Однако Михаил наотрез отказался. Он не знал, что делать со своим уже достаточно большим отпрыском. Тот оканчивал школу, однако желания учиться дальше не испытывал и оттого доставлял много хлопот ему и бывшей жене Марии. Они попросту с ним не справлялись. Ефим тайком от всех встречался с Дженнифер, а однажды Михаил разоблачил их готовящийся побег и куда-ни будь — в Россию. Он был взбешен: весь годами наработанный авторитет мог пойти коту под хвост.

– Ну, куда ты поедешь? Куда? — зажав в прихожей отпрыска и, не давая ему убежать на улицу, кричал, брюзжа слюной, не желающий понять сына, отец: — Мы же с Росси-

ей еще в восьмидесятые годы напрочь разорвали все корни. Там у нас никого нет! Пойми это дурья голова!

Однако, это было наглой ложью — кривдой, не все Хазарские уехали в США, где-то на окраине Курска жила баба Цילה, — мать отца. Отец Ефима однажды обидевшись на нее мучался, однако на примирение не шел. Ефим — этот бунтующий молодой американец о том знал. Он не раз через Леонида Алексеевича, водившего дружбу с семьей Хазарских, тайком от родителей передавал бабе Циле свои письма и получал от нее длинные-предлинные весточки. А еще этот импозантный грек, жалея сына товарища ни раз ему говаривал: «Ты, давай парень не хандри, расти, набирайся сил, а я, придет время, что-нибудь придумаю и в нужный момент обязательно тебе помогу».

Мэрия и администрация города из года в год пополняла свою казну. Были довольны и устроители праздников, их карманы значительно пухли от денег, это было явно. Правда, лесбиянки однажды воспротивились, хотели устроить бунт и не отдавать своих рожденных детей на усыновление, но их поставили на место. Клин Гейтц во всеуслышание сказал, что раз так, то он праздники перенесет в другие штаты. Там ждут, не дождутся. Тут он, конечно, лукавил и там уже досужий грек Маргулис, а может и не Маргулис развернулся и получал свой доход, несмотря на то была на небе полная луна или же не полная. Он подключил китайцев и те, запуская зонды и подсвечивая их изнутри, создавали иллюзию небес-

ного светила. Неплохо получалось, даже в чем-то она — эта луна превосходила настоящую — не нужно было заморачиваться, обращать внимания на тучи. Есть они на небе или же их нет. Достаточно было скорректировать место нахождения и всего лишь

Петух номер два все делал по-своему: родившиеся дети еще в перинатальных центрах у матерей отбирались и уже после их определяли в семьи, в первую очередь, без учета степени родства, давали лесбиянкам, затем кое-что перепало и семьям мужского типа — геям. Дети обязательно не должны быть родными по крови. Главное для таких ячеек общества была возможность заниматься воспитанием мальчика или же девочки и всего лишь. Этого добивался новый мессия.

Клин Гейтц был непрост, он много времени уделял своей идее и что тот Черт, находясь в азарте, довольно часто искрил глазами. Леонид его сторонился и обращался к нему лишь в случае крайней необходимости, при этом втихаря крестился, шепча: «Господи прости все мои прегрешения».

Их встречи проходили на досуге, в ресторане лесбиянок и геев. От речей потоком, льющихся из уст Петуха номер два, у него просто вяли уши. В душе импозантный грек, загребая от своего работодателя доллары — «зеленые деньги», конечно, понимал, что могло произойти в США в будущем и тихенько не напоказ подсмеивался и отчего-то ждал неминуемого возмездия.

— Русская кровь непременно даст о себе знать, непременно, — не раз говаривал грек чете Хазарских и Михаилу, и его «женушке» — Мишель, в который раз напиваясь у них за столом в роскошной многокомнатной квартире дома, построенного аж в 1984 году. Он знал, что говорил. Знал о том и Хазарский и оттого все больше вникая в слова импозантного мужчины жил как на пороховой бочке.

— Однажды, придет время и в нужный момент она — эта русская кровь поставит Америку, что орловского рысака на дыбы и уж тогда все наши враги воочию увидят, что значит «русский бунт бессмысленный и беспощадный», — кричал в неистовстве пьяный Маргулис, а может и не Маргулис.

Жизнь этого шоу-бизнесмена чем-то напоминала мне, писавшему свою книгу по материалам Михаила Хазарского — Щуровского купца Прянишникова, нагулявшего жирок и в очередной раз по недоразумению сорвавшего на торгах солидный куш. Я, однажды находясь у себя на малой родине забрался в краеведческий музей и прочитал о нем материалы. Ну и куда делись эти миллионы? — Все сгорели в горниле Первой мировой войны, а затем Великой Октябрьской революции.

Листая страницы тетрадки Хазарского, я видел, надвигающиеся на небе тучи и подобно Маргулису, понимал, до добра эти языческие пляски не доведут. В истории уже были Содом с Гоморрой. И что случилось с этими городами? Нет их. Да и эта бл.... домина, неизвестно насколько долго она просу-

шествует — того и гляди однажды вовремя обнаружения китайских метеозондов военные США бабахнут ракетой, как всегда промахнутся и попадут случайно, а может и неслучайно, а по задумке Бога прямо в это здание 1984 года постройки. Это все, конечно, пустяк, но он заставит народ задуматься: неужели выход при капиталистической системе развития мира в том, чтобы как можно скорее сократить население земли, а не лучше ли внять мыслителям прошлых веков, да хотя бы тому же Ленину и, опираясь на искусственный интеллект, грядущее техническое переустройство и в связи с этим — ожидаемое изобилие, начать уже сейчас строить социальное общество, а уж затем и дожить до коммунизма. Его призрак давно уже маячит на горизонте. Он был замечен еще в девятнадцатом веке. А сейчас «на дворе» — двадцать первый. Но люди, разочаровавшиеся в Социализме, отчего-то не хотят его видеть. Их подкупило показное изобилие, ведущее к истощению природных богатств земли. А еще жирующая элита «золотого миллиарда». И когда же они — богатые нажрут? Дождетесь, «семнадцатого года». Однажды в одночасье все рухнет и погребет ни в чем не повинные народы. Выживут племена Папуа-Гвинеи, ну может быть еще отдельные группы людей.

Глава 11

Что там говорится о перемещающихся жидкостях в сосудах, в одной из задачек по математике? Какое количество ее убыло? А еще то, что место не должно быть пустым. Наверное, оттого людям не сидится дома, подобно вешним водам влечет их в далекие края. Плохо то, что они снуют из одной крайности в другую, якобы в поисках истины, а не из-за того, чтобы кому-либо помочь, так что получается тешут свое самолюбие значит, гордыню — да бы возвыситься над бедным людом. Хотя можно расходовать время, занимаясь поиском смысла земного существования и у себя дома — «на печи», не найдя его, наплодив детей, спокойно умирая передать эту задачу в их ведение. Что для домоседов не найдется миски супа и экрана, светящегося телевизора, чтобы вперив в него свой взгляд, поглощать варево, насыщаясь и отвлекая голову всякой мельтешащей фигней. Вам все еще хочется верить, в хороших богатых капиталистов? Напрасно, не зря же им не верил Ленин. Думаете, они испугаются бунтов и всяких там революций и согласятся нас всех не имеющих работы пусть и скудно, но — кормить? Да, согласятся, правда, небольшое количество, а других, не обессудьте, всех лишних, «акулы капитализма» пустят под каток истории. Они попросту станут им не нужны. Засоряют шумом эфир и всего лишь. Да и толку от них нет: — никак не в состоянии понять, для чего

живут. Без конца спорят. Яйцо вначале было, а уж затем курица? А может — наоборот. Так и хочется сказать: — знайте, яйцо, сделали китайцы, а из него уже все и пошло! Нет толковых философов у нас на Земле, а людей много — восемь миллиардов. Что же с ними делать? Это не муравьи, которые хотят трудиться и для которых работы всегда не початый край. Им все-все, что расплодилось на Земле по случаю смерти нужно переработать, а проще — утилизировать, даже самих усопших людей какими бы они не были доселе важными персонами. Лет через пятьдесят, у «золотого миллиарда» будет работать искусственный интеллект и исключительно умные машины, самая малость «человеков» займется их обслуживанием. Они будут предаваться размышлениям о смысле существования на нашей грешной Земле людей и на радость поглощать плоды машинного труда и небольшого количества остатков «человеков». Остальных — семь миллиардов под каток истории. Им не нужен социализм. Это в СССР могли выпускать галоши продавать их, а не реализованные везти на завод перерабатывать в крошку и снова с них лить эти самые галоши. Люди должны трудиться! Для капиталиста это не рентабельно.

Я стоял у памятника Пушкину, размышлял о будущем и ждал Леонида Маргулиса, а может и не Маргулиса. С ним я познакомился в Крыму, когда отдыхал однажды в санатории «Украина», бывшем «Москва». Наше знакомство трудно назвать случайным, так как сложившиеся обстоятельства явно

были кем-то с режиссированы. Такое у меня сложилось впечатление. Хотя бы потому, что было желание отправиться в санаторий «Затишье» — но отчего-то не подошло время. В апреле я обычно садился в машину и катил на дачу заниматься огородом. Были и другие дома отдыха, но они все отпали, не соответствовали профилю моего заболевания. Оформив санаторно-курортную карту, я ждал телефонного звонка из дома соцзащиты и дождался. Человек, на другом конце провода, сказал: «это для вас» и попросил в срочном порядке забрать путевку, что я и сделал. Она была «горящей».

Билеты до Симферополя я купил с трудом и вдобавок еще на поезд с заходом в город Краснодар. Это получался большой крюк, но я не переживал и знал на что истратить свободное время: в чемодане у меня лежал ноутбук. Я намеревался продолжить написание своей книги, а еще было желание полюбоваться пейзажами, проезжая по Крымскому мосту, не получилось: мы его одолели глубокой ночью.

До санатория я добрался без проблем. Дня через два на меня вдруг вышел грек. Однажды, заперев комнату, я отправился на набережную погулять у моря и на проходной под взглядом охранника, придержал тяжелую металлическую дверь импозантному мужчине. Он тут же подхватил ее и выразил мне благодарность, правда, отчего-то на английском языке, а я ему тут же, не мешкая, без задержки ответил на немецком. Пусть знает: «и мы не лыком шиты». У меня несмотря на то, что я этим языком долго не пользовался,

видать не все еще выветрилось — осталось в голове: не зря же много лет учил в школе под присмотром матери и маститых преподавателей в стенах института, а еще, в аспирантуре, когда сдавал экзамены для кандидатского минимума.

Затем мы снова пересеклись с ним в столовой, а еще на лестнице, отправляясь на процедуры в медицинский корпус, после чего познакомились известным способом. Имя, я запомнил, а вот фамилию тут же забыл и уже не пытался обращаться как-то иначе — Леонид и все. Он был несколько младше меня и оттого не возражал. А может по какой-то другой причине. Я не знаю.

Наше знакомство было ему необходимо. Иначе бы импозантный грек не стал напрашиваться ко мне сопровождающимся. У него было желание излить передо мной души. О чем мы только с ним не говорили. Однажды даже об эмигрантах, уехавших в девяностые годы из СССР. Через какое-то время я догадался он переживает за семью, возможно моих хороших знакомых — Хазарских. Он упомянул о ней в качестве примера, при этом не произнося фамилию. Я не стал молчать, да и юлить тоже и тут же, глядя Леониду прямо в глаза, напрямую спросил:

– А вы случайно не о Михаиле говорите, его жене Марии и о их совместном сыне Ефиме?

Такое попадание с моей стороны было просто фантастическим, но в жизни все реально.

– Да-да, о нем. У меня в Америке кроме них, знако-

мых русского происхождения, больше никого нет, — затем, взглянув на меня, Леонид для уточнения спросил: — А вы что их хорошо знаете?

— Да! Лет десять, мы жили в одном доме, правда, в разных подъездах, — сказал я и немного помолчав, продолжил:

— Дни рождения наших детей мы отмечали вместе в шумной веселой компании друзей. Хотя прошло время, но у меня и сейчас порой в ушах смех нашей детворы. А еще мне запомнился один забавный случай на дне рождения моего сына Жени: ему разрешили взять со стола шоколадных конфет сколько он захочет. Он набрал много, а затем они у него в руках стали таять и мальчик, боясь испачкаться, все раздал. Ефиму — сыну Михаила Хазарского, мой сын отчего-то дал больше, чем другим ребятам.

— Тогда все понятно, — ответил импозантный мужчина, давая для прохода место на узкой, идущей под уклон дороге, двум чопорным старушкам, — затем, снова поравнявшись со мной, продолжил:

— Михаил мне говорил о каком-то писателе. Я так думаю, это о вас. Не знаю причину, но он часто ссылался на ваши высказывания о Джордже Оруэлле! Жизнь Хазарского за границей полностью подтвердила вашу правоту. Он, если бы знал о нашей встрече, то непременно просил бы это вам передать. Непременно! — и Маргулис, а может и не Маргулис на время задумался. Я дал ему возможность еще раз интерактивно пообщаться с нашим знакомым и восстановить в па-

мяти их беседы. Минут через пятнадцать мы присели на скамейку, и импозантный грек продолжил:

— Из книги Джорджа Оруэлла Михаил много раз говорил мне о «Министерстве Правды». Что интересно? Подобное министерство существует и в США. Согласно его данным вторая мировая война оказывается началась не в 1939 году, когда фашистская Германия вдруг вторглась в Польшу, и не в 1931 — при нападении войск Японии на Манчжурию, а в 1941 году неожиданным ударом авиации и морских сил на тихо-океанскую военно-морскую базу США в Перл-Харбор....

— Для США возможно война и началась в 1941 году, — сказал я, — но это была не вторая мировая. У нас русских даже школьники не путают войну Великую отечественную от второй мировой.

— Это, еще не все! — снова влез грек, — вы не поверите, что в 1945 году она не закончилась, а лишь была приостановлена для того чтобы накопить силы и во главе с коалицией, включающей Англию и Францию, в 1991 году закончить ее победой, разгромив ненавистного врага — СССР.

У меня было много бесед с этим греком на самые различные темы, не обошли мы и новое течение — ЛГБТ, пропагандируемое на Западе и в США. Этот импозантный грек удивил меня высказываниями Петуха номер два о новом мировидении. Хотя я думал, что эта зараза лишь в головах моих

американских товарищей, ищущих себе место в новом мире, но нет. Она — эта идеология имела довольно широкое распространение и не только в Америке. «Народ» сходил с ума, я бы сказал дурел от новых идей.

При моем отъезде в Москву, Леонид вызвался проводить меня, а еще сообщил, что он отправляется в ближайшее время в США на так называемые гастролы и пробудет там месяца три, если не больше.

Я передал через него приветы знакомым мне людям. Мой товарищ тут же заверил, что непременно все исполнит и вызвался поднести мой чемодан. Он был не тяжелым, но мне пришлось ему уступить.

Этот, то ли Маргулис, то ли не Маргулис, когда я вместе с отъезжающими забрался во дворе Дома отдыха в подошедший автобус, вдруг во всеуслышание прокричал, что он читал мои книги в Интернете, слог ему очень понравился. А еще импозантный грек неожиданно сообщил:

– Я, жду от вас завершения книги: «1984» и, если вы не будете возражать, готов помочь информацией.

До железнодорожного вокзала Симферополя, я из небольшого прибрежного городка ехал под взглядами пассажиров, уже известным писателем. С моей стороны возражений не было. Однако на лице явно сквозило недоумение: во время бесед, с Леонидом у моря, я и словом не обмолвился о том, что часами работаю над книгой. Откуда у него такая осведомленность? Неужели он все знал и молчал. Никак, одна-

жды не утерпев проболтался Хазарский.

На станции все пассажиры неожиданно разъехались, а я остался ожидать свой вечерний поезд в надежде увидеть Крымский мост. Однако и на этот раз я его проспал, но не беда, будет еще время. Крым-то снова стал российским, вернулся, как говорят, в свою гавань и я думаю — навсегда.

Однажды, еще до развала СССР, я побывал с семьей в Крыму, правда, отдыхали мы в Мисхоре не летом, а зимой. на кануне Нового года. Отдых на берегу Черного моря нам понравился. Под впечатлением от увиденных красот, я тогда даже написал восторженное стихотворение.

Дочь Маша из того времени вывезла на память встречу Нового года и подарки от Деда Мороза. Ей на тот момент было шесть лет. А вот Женя, конечно, все напрочь позабыл. Правда, у него и до сих пор среди игрушек стоит ведерко полное красивых отшлифованных морскими волнами камушков, собранных им однажды на морском берегу Черного моря. С ними одно время очень часто играл и его сын Ваня.

Я не ожидал встретиться с Маргулисом, а может и не Маргулисом еще когда-либо в будущем. Это он любил лечиться в санатории: «Украина», в прошлом известном под названием: «Москва», еще с советских времен и, несмотря на возможность проводить время на отличных курортах мира, ездил именно туда. Однажды, этот импозантный грек не удержался и о том мне лично похвастался. У него для этих поездок было достаточно денег и, наверное, времени. Не знаю,

что его там привлекало? Возможно, ностальгия по ушедшему прошлому.

Я, в санатории «Украина» оказался случайно и неизвестно, могу ли когда-либо приехать во второй раз. Хотя если посчастливится, и я снова буду направлен на лечение именно в него, то необязательно что мне на глаза на берегу моря попадется этот импозантный грек. Пересечься просто не реально. Проще увидаться с ним где-нибудь в Москве, но спрашивается, зачем? Да м о чем мне с ним разговаривать? Разве что услышать от него: «Я приветы передал!» — а затем еще что-нибудь из жизни Хазарских и всего лишь. Но этого для встречи мало, нужно что-то существенное. Я во время наших частых прогулок по набережной однажды не удержался и предложил ему обменяться номерами телефонов, но Маргулис, а может и не Маргулис, выслушав меня, не выразил в том необходимости. «Семен, найти в настоящее время писателя при наличии Интернета, для меня особого труда не составит», — это были его слова. Я тогда пожал плечами и успокоился.

Что странно, я неторопливо прохаживался у памятника Александру Сергеевичу Пушкину, и вдруг неожиданно до меня донесся возглас:

– О-о-о, сам Пушкин, у памятника Пушкину.

– Да тише ты, разорался. Что мне нельзя и с «Александром Сергеевичем» рядом постоять? Не чужой же человек. А еще, я не причем. Ты мне сам отчего-то назначил свидание

здесь и нигде ни будь. «Давай встретимся. Давай встретимся». Что мне с тобой спорить? Ни к чему это!

Невольно, я оглянулся и подошел к этому самому Пушкину и набравшись нахальства открыл рот:

— Извините, но мы с вами уже однажды пересекались в семидесятых годах. Я тогда приехал в Москву и устраивался на работу на завод, не помните меня? Вы мне еще свой паспорт показали, а что главное: — Кремль во всей своей красоте. Я за вашу ту экскурсию и до сих пор благодарен.

— Знаете, я стихов по-прежнему не пишу и Евгения Онегина... — товарищ не дал ему договорить:

— Он это, он, тот самый Пушкин. Он всем паспорт показывает. Что сделаешь? Немногие верят на слово.

— А я тоже стихов больше не пишу....

— Он пишет прозу, и у него скажу вам, получается неплохо, — тут же влез со своей речью импозантный грек.

Мы пожали друг другу руки. Я с Леонидом хотел уйти, но тут неожиданно вспомнил и спросил:

— А вы случайно не Александр Сергеевич?

— Нет-нет, я всего лишь — Сергей, а вот мой сын — он только что надомной надсмехался, точь-в-точь, как вы сказали: Александр Сергеевич!

Что было интересно? Еще день назад, я не знал, что грек находится в столице и не собирался с ним встречаться, и дачу покинул не для того, чтобы его лицезреть. Причина была

в другом. Мне нужно было помочь дочери с двумя детьми добраться с Щурово — в Москву, домой. Дорога то, длинная многочасовая. Во время пути я мог при необходимости перехватить у нее руль: вести автомобиль одной, крутить восемь часов баранку — очень тяжело. А еще я мог пригодиться в случае непредвиденных ссор внука и внучки, что они делали довольно часто, находясь в замкнутом пространстве автомобиля. Мне не представляло труда отвлечь их и успокоить.

Я и Леонид, разговаривая, отправились в сторону кремля. Этому импозантному мужчине хотелось со мной поговорить. Он, зная, что затащить меня в ресторан или же в кафе не удастся, предложил устроиться на скамейке недалеко от памятника, на что я тут же согласился.

— У меня к вам один вопрос: что вы думаете о евреях? — спросил у меня грек, то ли Маргулис, то ли не Маргулис. Меня это несколько удивило, но я не подал вида и ответил просто:

— Люди как люди! Еще недавно они не имели своего государства и подобно цыганам, кочевали из страны в страну, убегая от всевозможных гонений правителей. Правда, первые никогда не посягали на власть. Они довольствовались малым. А вот евреи — они у себя на уме: они многого хотят.

— Да. Тут вы, наверное, правы, — пробубнил Леонид. Немного подумал, а затем снова открыл рот:

— Мне, порой кажется, что все в мире затевается из-за них. Наверное, по причине того, что им ни где нет на Земле ме-

ста. Они постоянно кочуют, что та отара овец. Где они только не жили. Из мест своего обитания — Палестин их выгнали. Евреев было много в Хазарии. Их разбил Владимир Святославович. Страна погибла. Они двинулись в Европу. Там за них взялся Гитлер, отправив миллионы на убой. Русские их спасли. Наша доблестная Красная армия. Они за это нам должны быть благодарны.

Им неплохо жилось в СССР, они достаточно серьезно противостояли империалистам США и желали распространить Социализм на всей Земле — в виде этакого глобализма, но из-за идейного предательства нашей «верхушки», приведшей к развалу государства, многим из них пришлось сорваться и двинуть на новые земли.

Это все произошло в момент обнимания Горбачева, а затем и Ельцина, с лидерами Запада и США. Пока мы проверяли свои карманы, не досчитавшись огромного количества денег в кошельке, часов и других драгоценностей, они — наши евреи покинули Россию и прибыли не на пустое место. Их ждали и на Западе, и в США. Они не цыгане какие-то — богатые состоятельные люди.

– А-а-а, вот вы о чем? — сказал я и, сделав небольшую паузу, продолжил: — Я много раз рассуждал о жизни этого народа. Мне даже знаком один анекдот, что все люди...

– Нет-нет. Не нужно. Я его знаю. — И затем, сделав небольшую паузу, импозантный грек продолжил:

– Я ни раз бывал в США и что могу сказать об американ-

цах: они, что те дети, их жизнь невысказана без револьвера в кармане — оружия, на том стоит их, внезапно расцветшая, цивилизация. Мне кажется, что евреи не зря рванули в Америку. Наверняка они снова что-то затевают. У них в СССР не получилось: мы оказались очень уж праведные и они теперь хотят взять реванш там, за океаном. И возьмут, если Россия будет бездействовать и не наступит на «хвост» США!

— Наступит, — сказал я: — Для того наше государство и создано Богом. Наша задача противостоять кривде. Мы ведь живем по правде. Мы видим ложь и не можем с нею не бороться!

Импозантный грек долго молчал, а затем сообщив мне, что приветы он передал, взглянув, сказал:

— Семен Владимирович, я нуждаюсь в вашей помощи. Не могли бы вы приютить одного молодого человека, моего товарища всего лишь на ночь-другую. Разместить его в гостинице у меня не получилось. А, я, как только найду машину, тут же его у вас заберу, — Леонид еще мне что-то говорил в оправдание, но я, похлопав его по плечу, тут же успокоил:

— Я бы и сам помог, но моя машина осталась на даче — в Щурово. Так что располагайте мной и не беспокойтесь.

Мы поговорили о том, о сем и расстались. Я отправился домой и уже, находясь у подъезда, вдруг увидел неожиданно появившегося молодого мужчину. В его лице было что-то мне знакомое.

— Здравствуйте, дядя Сеня! Я, Ефим Хазарский. Вам обо

мне говорил наш крымский товарищ.

– Фима, Фима, как же ты вырос. Я, о том не смел даже подумать, что это он говорил о тебе, проходи, — и, приложив ключ к замку, открыл дверь в подъезд. Мы зашли и поднялись к лифту. Я не стал гонять парня по лестнице, хотя обычно лифтом не пользуюсь и на десятый этаж тороплюсь подняться пешком, тренирую для здоровья сердечную мышцу.

Уже, находясь в квартире, я показал ему кушетку и сказал, что она его, и он может в коем разе снова провести на ней ночь, а если она ему надоела еще в детстве, то расположиться в зале на диване, на котором спал мой сын Женя. Второго ребенка я хотел, если бы он родился назвать Ефимом, именем отца моей жены Марии, но нам не удалось его понынчить. Жена сделала аборт.

Ефим осмотрелся и сказал, что кухонная мебель у нас раньше была другая, заметив на шкафах туески не удержался:

– У нас тоже такие были? Мы их однажды купили в Крыму, когда отдыхали на курорте в санатории «Москва» всей семьей.

– А это ваши туески. Их твоя мать подарила тете Марии перед самым отъездом в Америку.

У меня было желание вызвать Женю, но он уехал с женой и сыном в Китай. А затем я, было дернулся, позвонить дочери Маше, но Ефим меня тут же остановил едва я взялся за телефон.

– Нет, дядя Сеня, обо мне никому не звоните. Мне, хотелось бы, со всеми своими друзьями и знакомыми встретиться, но нельзя. Я здесь как бы инкогнито, а значит, не должен светиться, будет время, но не сейчас. А вам я благодарен за то, что приютили. Я прилягу на кушетке.

На следующий день Ефим уехал. За ним, глядя уже на ночь, приехал Леонид. Я тоже уехал, правда, на поезде. Я не стал расспрашивать, куда они отправляются, наверняка к бабе Циле. На досуге поразмышляв, я догадался, каким образом грек помог молодому Хазарскому. Он, наверняка, притащил его из командировки, поменяв на одного своего подопечного, стремившегося жить в США. Ну, что ж, у того Робинзона будет время и возможность, сполна хлебнуть счастья чужой жизни.

Далее, я хочу привести слова Михаила Хазарского из голубой тетрадки: «Я выскочил из своего подъезда и направился в подъезд к бывшей своей жене Марии чтобы сообщить, что скоро можно ждать добрых вестей от Леонида то ли Маргулиса, то ли не Маргулиса и вдруг неожиданно заинтересовался: а что это за дом, в котором мы живем, я живу. Мне совершенно ничегошеньки о нем неизвестно. Хотя уже прошло двадцать лет, даже больше. Чем он примечателен? Когда был построен? Что за люди в нем проживают, и могу ли я на кого-нибудь из них положиться. В Москве, я мог довериться и не одному человеку, хотя бы взять того же Семена из третьего подъезда. А здесь, даже со своей женой-

кой Мишель, я не всегда бываю откровенным. Мне важна его душа, а он сует мне толстую голую задницу. Эх, Олег, Олег, один-одинешенек я здесь. Слава Богу, что сумел позаботиться о будущем моего и Марии сына, теперь мы за него можем быть спокойны. Нет, не удалось людям, с оружием наперевес, однажды сбежавшим на край света — на новый материк построить благостное общество, под названием — США. Англосаксы и прочие прибудившиеся народы, образовав государство, недолго пребывали в состоянии эйфории, ну лет двести, ну чуть более еще будут пребывать, а затем оно это государство будет разрушено огнем и жупелом подобно Содом и Гоморре. Я это знаю! Сатана нам не поможет. Все его, якобы благостные поступки обязательно приведут нас грешных в пропасть и ни куда более. Аминь.

Москва, Чуровичи, 2023г.